

Инна Инфинити

Хищная

«Литнет»

2020

Инфинити И.

Хищная / И. Инфинити — «Литнет», 2020

Прошло 8 лет. Максим совсем забыл Кристину и смог счастливо без нее жить. Но Кристина возвращается. И налаженная за все эти годы жизнь Максима рушится, как карточный домик. Внимание! Это вторая часть книги «Холодная»! Читайте сначала первую часть! Книга содержит нецензурную брань

© Инфинити И., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Звонок	8
Глава 2. Восемь долгих лет	11
Глава 3. Верни его себе	20
Глава 4. Милый дом	24
Глава 5. Я тебя не помню	27
Глава 6. Мы обязательно будем вместе	33
Глава 7. Приглашение в гости	35
Глава 8. Мама и подруга	38
Глава 9. Экскурсия	41
Глава 10. Подставная девушка	45
Глава 11. Вице-президент	50
Глава 12. Строгий начальник	52
Глава 13. Правда или действие	56
Глава 14. Ее грязный секрет	60
Глава 15. Один-Ноль	63
Глава 16. Скандал	67
Глава 17. Частный детектив	70
Глава 18. Сестра	72
Глава 19. День не задался	77
Глава 20. Мои похороны	78
Глава 21. Свадьба	83
Глава 22. Страсть	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Пролог

Как одеться на собственные похороны?

Тяжелая задача.

Может, вот это синее платье с глубоким декольте? Или вот это полупрозрачное бежевое? А что если вот это изумрудное с голой спиной?

Или вот это черное с жемчугом на широких бретелях и разрезом чуть выше колена, в котором восемь лет назад на Новый год я потеряла голову? А, может, вот это голубое с пайетками, в котором сошла с ума от любви на школьном выпускном?

Думаю, лучше все-таки новогоднее черное. Оно как раз закрывает мою татуировку. Когда-то я выбирала этот наряд специально для него... И мечтала, чтобы его с меня снял тоже он. Вот только в итоге в ту новогоднюю ночь это платье я в слезах стащила с себя сама.

В этот раз будет точно так же.

На моих похоронах оченьлюдно. Все красивые, нарядные. Смех, веселье, шампанское рекой. Группы девочек делают счастливые селфи, группы мальчиков ищут, кого бы снять на эту ночь. Папа постарался, пригласил человек 300. Он по-другому никогда не умел устраивать мероприятия. Даже на похоронах родной дочери он намерен провести парочку-другую переговоров по бизнесу.

Многочисленные гости замолкают, потому что в зал под торжественную музыку выходят два моих палача. Их приветствуют аплодисментами, а они идут и светятся счастьем.

Через пять минут они меня убьют.

Они становятся перед судьей — женщиной в годах — и с широкими улыбками слушают, что она им говорит.

— Да, — отвечает первый палач.

— Да, — произносит второй.

Я опускаю свинцовые веки. Выстрел сделан прямо в сердце. Я мертва. Вот только, к сожалению, внутри, а не снаружи.

Снаружи я сейчас должна улыбаться и хлопать в ладоши, как и все остальные 300 человек. Изображать счастье и радость. А еще я должна одной из первых подойти к своим палачам и поздравить их.

Я же, черт возьми, сестра жениха!

Уверенной походкой и с широкой улыбкой направляюсь к ним. Ловлю на себе взгляд Максима через плечо какого-то друга, который его сейчас обнимает. Он жадно скользит по мне глазами снизу вверх и обратно. Мне кажется, я даже вижу, как Максим тяжело сглатывает.

Подхожу к нему вплотную и заглядываю в карие глаза. Когда-то я в них тонула. Желваки на его щеках дергаются, челюсть плотно сцеплена. Я обвиваю его шею руками. Он шумно выдыхает и обнимает меня за талию, притягивая к себе. Держит намного крепче и намного ближе, чем полагается держать сестру.

— Поздравляю, братик. Желаю тебе счастья, — шепчу на ухо, а затем едва ощутимо касаюсь губами его щеки.

От моего поцелуя он дергается и на мгновение притягивает к себе еще ближе. Все это занимает секунды, поэтому окружающие нас люди ничего не замечают. Но мы с Максимом замечаем.

— Спасибо, сестренка, — отвечает мне сквозь сжатые зубы и пристально смотрит в глаза.

Я дарю ему еще одну широкую улыбку, освобождаюсь из его рук и подхожу к невесте. Она смотрит с вызовом, чувствует во мне соперницу. Правильно.

— Поздравляю, — говорю ей сахарным голоском и уничтожаю взглядом.

— Спасибо, — зло цедит мне.

Я наклоняюсь к ней, слегка приобнимаю за плечи и произношу на ухо.

— Ты выиграла эту битву. Но не войну.

А затем отстраняюсь и безмятежно смеюсь, как и подобает сестре жениха в день свадьбы брата. Она нервно сглатывает, но ничего не отвечает. Потому что в глубине своей души понимает, что я права.

В ресторане все уже пьяные. Один тост сменяет другой, то и дело кто-то выкрикивает «Горько!». Но я молчу.

— А теперь танец жениха и невесты! — Торжественно объявляет в микрофон ведущий, и гости взрываются аплодисментами.

Максим с широкой улыбкой выводит в центр зала свою новоявленную миссис Самойлову и начинает кружить в танце под какую-то песню. Что-то шепчет ей на ухо, а она смеется. Потом он аккуратно целует ее шею, проводит ладонью по спине, она устраивает свою голову у него на груди.

Не отрывая взгляда от этой картины, наливаю себе в бокал шампанского и залпом выпиваю. На свободное место рядом со мной опускается еще один призрак моего прошлого. Кладет свою руку на спинку моего стула и склоняется над ухом.

— Видишь, как он с ней счастлив? — Тихо говорит мне Егор. — Он ее любит.

Я смеюсь этим словам, а Кузнецов продолжает.

— А знаешь, как красиво Максим сделал ей предложение?

— Ты свечку держал что ли? — Хмыкаю в ответ.

— Нет, но Максим сам мне рассказывал. И советовался, когда выбирал кольцо. Мы ведь с ним лучшие друзья.

Я молчу. Но Егор голосом змея-искусителя продолжает провоцировать меня дальше.

— Ты ему не нужна. Он без тебя смог. — Делает небольшую паузу и шепчет каждое слово по отдельности. — Мы. Все. Без тебя. Смогли. — А затем более громко. — Не ожидала?

Танец Максима и его жены закончился, и они направились к своим местам. Проходя мимо, Максим повернул голову и внимательно посмотрел на меня и Егора.

Я молча встаю со своего стула, Кузнецов поднимается следом за мной. Мы стоим очень близко, смотрим друг другу в лицо. Егор напряжен, в его глазах целый kaleidoscope негативных эмоций: злость, ненависть, обида, раздражение... Он так и не смог меня простить. А Максима простил.

Я мягко хлопаю Кузнецова два раза по плечу, разворачиваюсь и направляюсь прямо к Максиму. Я вижу, что он резко напрягается. Значит, заметил боковым зрением, что я приближаюсь.

— Потанцуем, братик? — Спрашиваю его с улыбкой.

Он на мгновение замирает, явно не ожидал от меня такой просьбы. А затем отвечает с напряжением в голосе:

— Конечно.

Мы идем к танцполу, и я чувствую, как его жена прожигает мне спину. Сейчас играет медленная песня, и Максим торопится положить руки мне на талию.

— Подожди, — останавливаю его, — я попрошу диджея включить одну песню.

Быстро направляюсь к парню у пульта, говорю ему название трека и возвращаюсь к Максиму.

Мелодия заиграла, я положила ладони на плечи Максиму, он опустил свои мне на талию. Из колонок полился приятный голос Мадонны, исполняющей песню Masterpiece. Что переводится как «Шедевр». Когда-то очень давно Максим так меня называл. Я всматриваюсь в область его сердца и через тонкую белую рубашку вижу чёрные прописные буквы. А я все эти годы почему-то была уверена, что он свёл татуировку.

Нет, не свёл.

Максим напрягся с первых слов певицы, пристально посмотрел мне в глаза и сжал зубы.
— Это старая песня Мадонны, — поясняю, будто бы ему это неизвестно.

— Я знаю. Но уже очень давно не слышал.

— Я тоже. Но сейчас хороший повод переслушать ее, не правда ли?

Он ничего не отвечает, лишь шумно выдыхает и слегка опускает веки. Я аккуратно веду свои ладони от его плечей к шее и прохожусь по ней кончиками пальцев. Максим вздрагивает и снова широко распахивает глаза. Шумно сглатывает.

— Кристина... — он мягко выдыхает мое имя.

— Да, Максим? — так же мягко спрашиваю его.

— У меня дежавю.

Я ничего не отвечаю, лишь грустно улыбаюсь. Мы закончили танец молча. Максим все так же был напряжен. То прикрывал свои веки, то, наоборот, широко распахивал глаза и смотрел на меня не отрываясь.

Когда трек закончился, я поспешила удалиться, но Максим остановил меня, схватив за ладонь.

— Почему ты выбрала именно эту песню?

Я помешкалась пару секунд, размышляя, говорить ли ему правду.

— Потому что однажды мы уже под нее танцевали. И тогда эту песню выбрал ты, — я решила все-таки не врать.

Он замер. Смотрит пристально, дышит тяжело. Моя рука все еще в его руке. Наверное, кто-то из гостей может обратить внимание на нашу заминку, но и мне, и Максиму сейчас все равно.

— Я не помню этого, Кристина, — наконец выдавил из себя он.

Я лишь грустно улыбнулась.

— Я знаю, Максим.

Он сделал ко мне шаг и навис сверху. Боковым зрением я заметила, что миссис Самойлова уже метает молнии. Но, кажется, Максиму сейчас нет никакого дела до его жены.

— Кристина, — он настойчиво сжал мою руку, — помоги мне вспомнить тот год. Все говорили, что в моей жизни тогда не произошло ничего особенного, и я долго им верил. Но сейчас мне уже так не кажется. — Он шумно сглотнул. — Пожалуйста, помоги мне вспомнить мой первый год в Москве и... тебя, Кристина.

Ну что, мои дорогие, поехали?))) В этой книге будет очень жарко и эмоционально. Восемь лет прошло, как никак!

Глава 1. Звонок

Я выхожу из супермаркета, держа в руках бумажный пакет с яблоками, апельсинами, сельдереем и морковью. Недавно мы с Майклом купили соковыжималку, и он теперь просто помешался на свежевыжатых фрешах. Июньское солнце слепит прямо в глаза, и я спешу опустить на глаза солнечные очки. Пакет довольно тяжёлый, на плече у меня еще висит сумка с учебниками и конспектами. Жутко неудобно идти так по жаре.

В этот момент у меня в сумке начинает звонить телефон.

— Твою мать, ну кому приспичило? — в сердцах восклицаю я и тянусь за телефоном.

На экране высвечивается «Папа». Сразу становится дико стыдно перед отцом за то ругательство, которое я только что озвучила.

— Алло, — говорю ему в трубку, придерживая ее одним плечом.

— Доча, привет! Как дела? Не отвлекаю?

— Ну так, я из супермаркета домой иду. А что? Ты сам как?

— Я в порядке. Я тебе по делу звоню... — начал папа издали. Мне сразу не понравилась его интонация.

— Что такое?

Отец слегка прочистил горло и, как можно более безмятежно, сказал:

— Максим женится. Нужно, чтобы ты приехала на свадьбу.

Я резко останавливаюсь на месте. Сердце пропускает удар, потом второй. Из моих рук падает бумажный пакет. Яблоки и апельсины катятся по тротуару под ноги прохожим.

— Эй, девушка, осторожнее! — Крикнул мне какой-то чернокожий парень и возмущённо махнул рукой. Но, кажется, я этого даже не заметила.

«Максим женится», — пульсирует в висках.

Сколько лет я не слышала это имя? Со своего девятнадцатого дня рождения, когда я спросила Елену о том, как ее сын, а она мне ответила, что с ним все хорошо, и он уехал к своей девушке. Сейчас мне уже 26.

Семь лет никто не говорил мне это имя. Семь лет я не произносила его сама.

— Кристина, ты тут? — Вернул меня папа из размышлений.

— Да-да, пап, я тут. — Говорю ему обыкновенной интонацией. В Гарварде превосходно учат не выдавать своих эмоций.

— Я говорю, что Максим женится, и ты должна приехать на свадьбу.

— Меня на нее никто не приглашал.

— Кристина, ты сестра жениха. Ты приглашена по умолчанию.

Я тихо засмеялась.

— Пап, ну какие мы с ним брат и сестра? — говорю «с ним», потому что все еще не в силах называть его по имени.

— Сводные, — абсолютно безмятежно парирует отец.

Я лишь вздыхаю.

— Пап, меня на эту свадьбу никто не приглашал. Не вижу причин, почему я должна ехать. Когда хоть она?

— В августе.

Я хмыкаю.

— Тем более. Я сейчас заканчиваю MBA, скоро у меня защита, а после я сразу выхожу на работу в U.S. Development. Мы с Майком даже в отпуск не едем этим летом.

— Кристина, мне нужно, чтобы ты была на этой свадьбе.

— Зачем?

— Там будут все нужные люди. Пора начинать представлять тебя, как свою преемницу.

— Пап, еще рано. Я, как минимум, хочу пару лет поработать в U.S. Development.

Отец тяжело вздыхает.

— Нет, дочь, хватит. Пора возвращаться домой. Ты нужна мне в компании. Твои мозги нужны мне в компании.

Я тяжело сглотнула. Я знала, что рано или поздно услышу от отца эти слова.

— Пап, я еще не готова.

— Готова. Возвращайся домой, Кристина. Ты получила лучшее бизнес-образование в мире, и пора уже начать применять его на благо нашего семейного бизнеса. И на свадьбе ты обязательно должна быть. Я скажу Максиму, чтобы он прислал тебе официальное приглашение, если для тебя это так важно.

Отец положил трубку, а я так и осталась, как вкопанная, стоять посреди тротуара. Рядом со мной валяется бумажный пакет из супермаркета, яблоки, апельсины, сельдерей и морковь разбросаны по асфальту. Спешащие прохожие недовольно их обходят и косятся на меня.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Посчитай до десяти, Кристина. Вот так, хорошо, молодец.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Все хорошо, Кристина. Ничего страшного не случилось. Этого стоило ожидать. Однажды бы это произошло. У него уже давно своя жизнь, а у тебя давно своя. Сейчас ты придёшь домой, и тебя встретит твой мужчина. Самый добрый, хороший и заботливый. Наверняка, он уже начал к твоему приходу готовить обед.

Буквально за пару минут собираю себя по кусочкам и, словно робот, начинаю идти прямо. Дышу ровно, разум полностью преобладает над чувствами. Все хорошо, Кристина, все хорошо. Подумаешь, женится! Да ради Бога! Совет да любовь! Столько лет уже прошло. Какое мне вообще дело? Да хоть умрет пусть.

Я захожу в квартиру, и в нос сразу ударяет вкусный запах.

— Дорогая, ты пришла! — Торопится меня поцеловать радостный Майк. — А я нам стейки на красном вине жарю!

— Отлично! Я жутко проголодалась.

Он бросает на меня взгляд и спрашивает:

— А фрукты для соков ты не купила?

Черт, они же так и остались валяться на асфальте.

— Извини, совсем выскочило из головы, — я виновато улыбаюсь.

Майк возвращает мне улыбку.

— Ничего страшного, попозже тогда сам сбегаяю.

И он торопится вернуться на кухню к мясу. Я прохожу следом за ним и оглядываю пространство. Майк стоит у плиты и переворачивает стейки. Рядом с ним на столешнице стоит открытая бутылка красного вина и бокал, из которого он с удовольствием потягивает напиток. Я перевожу взгляд на гостиную, которая совмещена с кухней. На комодѣ стоят три наши фотографии в рамках.

Первая сделана в день нашего с ним знакомства два года назад. Я отмечала с друзьями в одном из баров в центре Бостона защиту своей магистерской. Мы с Майком познакомились у барной стойки, где я на спор должна была залпом без закуски выпить три рюмки текилы. На фотографии мы с ним стоим лицом к лицу и увлечѣнно спорим. Кадр не постановочный, его в моменте сделал Илья Токарев.

Вторая — мы с Майком год спустя на пляже в Майами. Это наш с ним первый совместный отпуск, после которого мы решили съехаться.

Третья — я, Майк и Илья вместе на Ниагарском водопаде. Майк обнимает меня за плечи, облокотив на свою грудь, а Илья стоит на несколько шагов впереди нас и снимает селфи. Даже его рука попала в кадр.

Я скольжу взглядом дальше. На журнальном столике у дивана стоит кружка Майка с недопитым чаем, на стуле небрежно валяются его брюки и рубашка, в прихожей на тумбочке лежат ключи от его машины.

Я перевожу взгляд на парня. Он посыпает стейки перцем, отхлебывает из бокала с вином и напевает себе под нос какую-то песенку.

Словно на автомате я срываюсь с точки и направляюсь к нему. Резким движением поворачиваю Майка к себе и впиваюсь в губы страстным поцелуем. Он этого не ожидает, поэтому на мгновение замирает, но я не даю ему опомниться. Левой рукой выключаю конфорку с огнём, а правой притягиваю его к себе за голову. Через несколько секунд я срываю с него рубашку и настойчиво веду в нашу спальню.

Не прерывая поцелуя, я кидаю его на кровать и сажусь сверху. Судорожно пытаюсь расстегнуть ремень на брюках, но отчего-то руки дрожат. Майк помогает мне с ремнём, а затем снимает с меня кофту и расстегивает мои джинсы. Мы быстро снимаем друг с друга трусы, и я резким движением сажусь на его член.

Я двигаюсь очень быстро, поэтому уже через несколько секунд Майк закатывает глаза и начинает издавать стоны. Но я не могу ответить ему тем же. Мои мысли сейчас не здесь. Через какое-то время такого дикого, буквально животного, секса Майк резким движением снимает меня с себя и с криком кончает себе в руку. Ему было настолько хорошо, что он даже не заметил, что я не издала ни звука.

Я легла на кровать и тупо уставилась в потолок.

— Детка, что это было? — спросил он меня, посмеиваясь и вытирая руку влажными салфетками.

Я не ответила. Все так же продолжила лежать, глядя в потолок немигающим взглядом. Но, кажется, Майку не нужен ответ. Он лёг рядом со мной, нащупал мою ладонь и взял в свою.

Секунда — и то, что я семь лет назад в свой девятнадцатый день рождения похоронила глубоко внутри себя, резко вырвалось наружу. Сознание отбросило меня на восемь лет назад — в день свадьбы моего отца и Елены.

Мы с Максимом вернулись домой и лишились друг с другом девственности. Ну, я так точно. А после мы легли рядом, он нащупал мою руку и взял в свою.

Прямо, как сейчас Майк.

Резко подскакиваю с кровати и начинаю надевать на себя одежду, которая валяется на полу.

— Крисси, ты куда? — Недоуменно спрашивает Майк.

Я не отвечаю ему. Застегнув джинсы, я выбегаю из комнаты, хватаю в прихожей сумку, телефон, ключи, запрыгиваю в кроссовки и пулей вылетаю из дома, громко хлопнув дверью.

Я не знаю, куда я бегу. У меня нет цели. Но ноги почему-то сами приводят меня на центральный вокзал. Я подхожу к кассе, просовываю в окно деньги и говорю:

— Один билет до Нью-Йорка, пожалуйста.

Девушка выдает мне билетик и сдачу, но я не беру деньги. Срываюсь с места и несусь к третьему пути, с которого через 10 минут отправится поезд.

«В любой непонятной ситуации уезжай в Нью-Йорк», — всегда говорил мне Илья.

Да, это именно так. Нью-Йорк — отличная антистрессовая терапия. И сейчас именно такая ситуация — непонятная.

Поезд стремительно едет вперёд. Я смотрю в окно немигающим взглядом и, кажется, даже не вижу, что за ним. Перед моими глазами пролетают не пейзажи штата Массачусетс, а моя жизнь в течение последних восьми лет.

Глава 2. Восемь долгих лет

Мой первый год в Гарварде был безнадежно потерян из-за глубочайшей депрессии, в которой я находилась. Я была живым трупом, который ходил, разговаривал, улыбался, что-то делал, но внутри был мёртв. Из этого состояния меня вытянул Илья. Пришёл ко мне в мой девятнадцатый день рождения и собрал меня по кусочкам.

Все эти годы он был рядом со мной. Помогал, поддерживал, оберегал. Я тоже всегда была рядом с ним в его трудные минуты. Три года назад в Москве у него в аварии погибла младшая сестра. Он очень переживал эту потерю, ушел в депрессию наподобие той, что была у меня из-за Максима. В своё время Илья вытащил меня с самого дна. Три года назад я вытащила со дна его. А сколько литров слез мы выплакали друг другу в жилетки — не сосчитать. Я ему из-за Максима, а он мне из-за сестры.

У меня нет ответа на вопрос, кем мы с Ильей стали друг другу. Наше общение всегда было на грани. На грани дружбы, на грани любви, на грани соперничества. Наверное, мы могли бы встречаться, если бы он не знал о Максиме. Илья слишком горд, чтобы заводить отношения с девушкой, сердце которой принадлежит другому. Наверное, мы могли бы стать друзьями, если бы на самом деле не являлись конкурентами. Наверное, мы могли бы стать полноценными соперниками, если бы не родство душ, которое нас связало.

Год назад Илья окончил МВА и вернулся в Россию. Когда он приехал ко мне в квартиру попрощаться, я не смогла сдержать слез. Он обнял меня крепко-крепко и сказал:

— Жду тебя дома, красотка. Не терпится сразиться с тобой в жестоком бизнесе. Имей ввиду: я поддаваться не буду.

Я засмеялась сквозь слезы.

— Я еще не скоро вернусь. Так что поплавай пока в бассейне с другими хищными акулами. Я обязательно к тебе приплыву, но дай мне еще несколько лет.

Он оторвался от меня, взял в руки мое лицо, вытер большими пальцами одинокие слезинки с моих щёк и посмотрел прямо в глаза.

— Кристина, что бы с тобой ни случилось, будет достаточно одного твоего звонка — и я тут же приеду. Возьму билет на ближайший рейс и уже через 10 часов буду в Америке. Хорошо?

— Хорошо, — я ему грустно улыбнулась, — надеюсь, в этом не будет необходимости. В моей жизни уже давно все в полном порядке. Благодаря тебе, Илья.

Он мне широко улыбнулся, еще раз крепко обнял и прошептал на ухо.

— Люблю тебя, красотка.

Я знаю, что он говорит мне это не как девушке, в которую он влюблён, а как человеку, с которым он многое прошёл. И который многое прошёл с ним. Как могут любить два человека, которые когда-то вытащили друг друга с самого дна и теперь безмерно друг другу благодарны.

— Я тоже тебя люблю. И мне тоже не терпится сразиться с тобой на арене. Будь уверен: я вернусь с острыми зубами.

Он тихо засмеялся, крепко поцеловал меня в лоб и в щеку, пожал руку Майклу и ушел.

Майк молча наблюдал сцену моего прощания с Ильей. Мы говорили на русском языке, поэтому мой парень ничего не понял. Майк прекрасно знал, как много мы с Ильей значим друг для друга. Он так же знал, что между мной и Ильей не может быть никаких романтических отношений, поэтому даже не ревновал.

Если бы мы с Токаревым хотели, то уже давно бы были вместе. Но это действительно никогда не было нужно ни ему, ни мне. У Токарева был миллион возможностей и поцеловаться со мной, и переспать, и даже начать встречаться. Но он этого не хотел. Такой же миллион

возможностей сделать с Ильей все вышеперечисленное был и у меня. Но я тоже никогда этого не хотела.

Впрочем, однажды мы с ним все же поцеловались. Я тогда была на третьем курсе, а Илья на четвёртом. Мы тусили на одной из вечеринок в кампусе, кто-то из присутствующих предложил поиграть в игру «Правда или действие», и все согласились. Нас было человек 20. По правилам нельзя выбирать правду больше двух раз, поэтому, когда ко мне обратились в третий раз, я была вынуждена выбрать действие.

Желание мне загадывал мой однокурсник, который давно за мной увивался, но никогда мне не нравился. Он почему-то этого не понимал и был уверен, что я тоже питаю к нему чувства, просто не нахожу подходящего момента, чтобы проявить их к нему. И он сказал:

— Кристина, поцелуй прямо сейчас кого-нибудь в этой комнате. Но поцелуй по-настоящему: взасос и с языком.

И он уже склонился ко мне за поцелуем и даже слегка прикрыл глаза. Я отлетела от него, как ошпаренная, оглядела всех присутствующих в комнате и поняла, что единственный из них всех, кого я могу поцеловать — это Илья. Подошла к нему и тихо спросила:

— Выручишь?

Он выглядел очень смущенным, тяжело сглотнул и кивнул головой.

Я накрыла его губы поцелуем. Он длился недолго, нам обоим было неловко друг перед другом и не терпелось немедленно прекратить. К счастью, условий по продолжительности поцелуя не было, поэтому мы исполнили формальность — взасос и язык — и тут же оторвались друг от друга.

Потом, когда Илья провожал меня до моей комнаты в кампусе (начиная со второго курса, я по настоянию Токарева переехала из своей квартиры в студенческое общежитие), он решил аккуратно прояснить ситуацию.

— Крисси, то, что я тебе сказал в твой девятнадцатый день рождения, когда пришёл тебя поздравить, актуально до сих пор. Ты офигенная, но я не хочу никаких романтических отношений между нами.

— Я знаю, Илья. Я тоже не хочу, чтобы между нами было что-то большее, чем есть сейчас. На самом деле то, что мы имеем — это намного лучше и намного круче классических отношений между мужчиной и женщиной.

— Полностью согласен. — Он одобрительно кивнул и замолчал. А потом добавил со смешком в голосе. — Но если тебя еще раз нужно будет так выручить, то обязательно обращайся. — И хитро подмигнул мне.

Я засмеялась и игриво ударила его кулаком в плечо.

Но не все мои мужчины и не все женщины Ильи понимали и принимали такие отношения между нами. Токарев расстался, как минимум, с тремя девушками, которые сильно его ко мне ревновали. Одна из них оказалась настолько чокнутой, что стала строчить мне письма с угрозами. Илья тут же с ней порвал и настоял на том, чтобы я написала заявление в полицию. После беседы с копами эта сумасшедшая больше не приближалась ни к нему, ни ко мне.

Паре моих парней до Майка тоже не нравилось мое столь тесное общение с Токаревым. Один из них даже всерьёз порывался набить Илье морду. Но тут же был послан мною на три буквы.

Сколько у меня было мужчин за эти восемь лет? Я не знаю. Наверное, много. Возможно, очень много. Первые пару лет после моего девятнадцатилетия у меня было много кратковременных и ничего не значащих интрижек.

Я убеждала себя, что просто наслаждаюсь собой, своим телом и тем, что оно привлекает мужчин. Но в глубине души я понимала, что это не так. Я отчаянно пыталась стереть с себя руки и поцелуи Максима. Я пыталась стереть их из своей головы и из своего сердца. Но, надо признаться, получалось очень фигово.

Потом у меня появились первые более-менее продолжительные отношения. Я четыре месяца провстречалась с Кристианом, однокурсником Ильи из Германии. Он как раз оказался из тех, кто не смог спокойно смотреть на нашу дружбу с Токаревым.

После Кристиана был Джейкоб. Наши отношения продлились восемь месяцев. Мы расстались из-за того, что ему предложили работу в Лос-Анджелесе, и он переехал.

После Джейкоба был испанец Маноло. Несколько месяцев отношений, его дикая ревность к Токареву, желание набить морду и мое «Да пошел ты, Маноло, кто ты вообще такой, чтобы вставать между мной и Ильей?». После Маноло у меня долго не было постоянных отношений. Снова лишь скоротечные интрижки на ночь-другую. А два года назад я познакомилась с Майклом.

Я защитила магистерскую диссертацию на «отлично» и получила раннее приглашение на поступление в МВА. По этому случаю я собрала своих друзей выпить в баре. Помимо Ильи там были мои одноклассники Джессика, Триша, Кевин и Питер, а также несколько однокурсников Ильи, с которыми я тоже хорошо сдружилась — Тиффани, Айла и Джаред. У Ильи на тот момент был год, как умерла сестра, и он постепенно стал приходить в себя и куда-то выбираться.

Нам всем уже было очень весело, когда Триша неожиданно сказала, что не знает никого, кто мог бы залпом выпить три рюмки текилы без закуски и не вырубиться через 20 минут после этого (по ее мнению, текила накрывает не сразу, а через какое-то время). Я, естественно, как самый смелый человек, который легко принимает любой вызов, собралась доказать всем обратное — что такой человек существует, и это я.

Я подошла к барной стойке, попросила у бариста три рюмки текилы без лайма и без соли. Залпом их опустошила и с торжественным видом повернулась к своим друзьям.

— Я засекаю 20 минут! — Крикнула мне Триша.

В этот момент над моим ухом склонился какой-то парень, который стоял рядом и наблюдал эту картину.

— Русские не сдаются? — Со смешком спросил он меня.

Я удивленно к нему обернулась.

— Откуда ты знаешь, что я русская?

— Похожа внешне.

— И чем же?

— Холодными глазами.

Я в голос засмеялась. За шесть лет в Америке я наслушалась столько шуток и стереотипов о холодных русских женщинах, крепких русских мужчинах, водке, балалайках и медведях, гуляющих по Москве, что уже просто не могла реагировать иначе, чем смехом.

Обычно смехом мое общение с такими людьми и заканчивалось. Я уже собиралась вернуться за столик к друзьям, но бросила последний взгляд на парня. Очень симпатичный, высокий блондин с серыми глазами. На нем была майка без рукавов, открывающая татуировку чёрного дракона на плече. Он скрестил на груди руки и с вызовом на меня посмотрел. Глаза хитро прищурены, правый уголок губ приподнят в усмешке.

— Да, ты знаешь, русские действительно не сдаются. Никогда, — со злостью выдала ему.

— Спорно, — он покачал головой.

— И чем же это спорно?

— Русские отдали Наполеону Москву в 1812 году. Петр I проиграл русско-турецкую войну в 1713 году. В 1600-х была русско-польская война, которая также закончилась проигрышем России. Ну и Великую Отечественную войну все-таки выиграла не Россия, а Советский Союз. Но Россия почему-то упорно перетягивает одеяло победы на себя. А Вторую Мировую выиграл союз стран.

От его спича и алкоголя, который уже вовсю разлился по моему телу я немножко прифигела. Ах, значит, знаток истории, да? Ну сейчас ты у меня посмотришь.

Резко развернулась к нему корпусом и тыкнула его носом во все американские поражения. Он стал мне отвечать, я ему. Между нами разгорелся жаркий спор. 20 минут уже давно прошли, и я до сих пор не вырубилась, хоть и еле стояла на ногах. Я выиграла спор с подружкой. Осталось выиграть спор с этим засранцем-всезнайкой истории.

Мы громко дискутировали о Второй Мировой войне. Я упорно ему доказывала, что вклад Советского союза в эту победу был намного больше, чем вклад стран-союзников СССР, включая США. Мои друзья на это внимание не обращали, были предоставлены сами себе. Лишь Илья не сводил с нас глаз.

В какой-то момент он уже не выдержал и подошёл к нам поближе. Сначала он смотрел на моего оппонента с подозрением, потом немного расслабился и стал улыбаться. Наконец, он достал из кармана телефон и несколько раз нас сфотографировал. Мы с моим собеседником обернулись на щелчок фотоаппарата и будто очнулись. Мы настолько увлеклись дискуссией, что вообще забыли, где находимся.

— Илья, — протянул он руку моему оппоненту.

— Майкл, — он ответил на его рукопожатие. А затем обернулся ко мне и спросил. — А тебя как зовут, горячая русская женщина?

И это был первый раз за шесть лет, когда американец назвал меня горячей русской, а не холодной.

— Кристина, — я пожала ему руку тоже.

Он пристально посмотрел мне в глаза и широко по-доброму улыбнулся.

— Какими судьбами в этом баре? — Спросил он меня.

— Отмечаю защиту магистерской. А ты?

— Отмечаю свой переезд в Бостон, — он слегка засмеялся.

— Откуда ты? — Поинтересовалась я.

— Из Чикаго. Два года назад я окончил Чикагский университет со степенью магистра, факультет истории. Мне предложили работу в Гарварде.

— Прикольно. А я вот как раз в Гарварде магистерскую и защитила. И Илья тоже в Гарварде учится. Уже MBA получает.

Дальше у нас потекла непринужденная беседа о жизни, учебе и перспективах на будущее. После этого дня мы с Майком больше не расставались. Он преподавал историю в колледже Гарварда для абитуриентов. Это типа российских подготовительных курсов при вузах.

Мой первый год в MBA я продолжала жить в кампусе, Майкл же снимал квартиру в Бостоне. Я мало рассказывала ему о себе. Он не знал, что мой отец является строительным магнатом в России, у меня есть шикарная квартира в центре Бостона и огромный счёт в банке. В Америке не принято выставлять своё богатство напоказ. Тут все ходят в потертых джинсах и кедах, несмотря на то, сколько денег имеют. Я сразу это поняла и тоже сменила свои Лабутены и дизайнерские платья на простую удобную одежду из масс-маркета.

Но когда через год мы с Майком поехали отдыхать в Майами, он был удивлён тому, как я не экономила в ресторанах. Он подмечал, что я сорю деньгами, но никак это не комментировал. После совместного отдыха он предложил мне съехаться. А точнее — переехать в его небольшую съемную квартирку. Тогда-то я ему и рассказала в общих чертах о том, из какой я семьи, с какой целью приехала учиться в Гарвард, и показала свою квартиру в Бостоне.

Он не скрывал своего удивления. Сначала даже обиделся на меня за то, что я утаивала от него информацию о себе. Но потом все же успокоился, и мы переехали жить ко мне.

Полюбила ли я Майка? А, главное, забыла ли я Максима?

До сегодняшнего дня я думала, что да. Но сейчас, когда поезд мчит меня в Нью-Йорк, у меня больше нет однозначного ответа на эти вопросы.

В какой-то момент я действительно перестала думать о Максиме. Точно не помню, когда именно это произошло. Просто однажды я перестала засыпать и просыпаться с мыслями о нем. Думаю, это случилось еще до встречи с Майклом. Потому что его мысленно я с Максимом уже не сравнивала. В отличие от всех своих предыдущих парней.

Ну, не то, чтобы я вообще перестала думать о Максиме. Конечно, иногда он всплывал в моих мыслях. Чаще всего это происходило, когда глаза в зеркале натыкались на татуировку. Или когда кто-то из посторонних спрашивал, что моя татуировка означает. У меня не было одной конкретной легенды о том, что для меня означает слово Hero на сердце. Каждому, кто спрашивал, я придумывала на ходу новую ложь. Лишь один человек знал правду — Илья.

Несколько раз я собиралась свести татуировку, но так и не получилось это сделать. Будто что-то не давало. Первый раз я записалась для этого в салон на четвёртом курсе. Зима тогда выдалась снежной и холодной, и я сильно заболела. И в назначенный день не смогла прийти, потому что валялась с температурой под 40. А когда я поправилась, сразу начались экзамены. После них нужно было писать диплом и готовиться к защите, потому что я оканчивала бакалавриат.

Второй раз я записалась на сведение татуировки ровно через полтора года, когда окончила первый курс магистратуры. Но снова не смогла пойти, потому что мне позвонил Илья и сказал, что погибла его сестра. Я тут же примчалась к нему, помогла собрать вещи и проводила в аэропорт в Нью-Йорке. Затем я все дни была, как на иголках. Илья звонил мне каждый час и в прямом смысле слова плакал в трубку. Сразу после похорон он был вынужден вернуться в Америку, потому что ему предстояла защита магистерской и поступление в МВА. У меня снова не было времени на поход в тату-салон, потому что ежедневно я была с Ильей.

И третий раз я записалась на сведение татуировки, когда мы с Майком только начали встречаться. В этот раз мне уже ничего не помешало. В назначенный день и в назначенное время я пришла в салон, меня проводили в кабинет к мастеру, усадили в специальное кресло и сказали: «Подождите пять минут, ваш мастер сейчас подойдёт». Я спокойно выждала это время, а когда в кабинет зашёл мастер и приблизился ко мне со специальным аппаратом, я вдруг поняла, что не могу.

Я не могу свести эту татуировку. Вот просто не могу и все. Не знаю, почему.

Я резко подскочила с кресла, надела на себя футболку и, прокричав «Извините, я передумала», пулей вылетела из салона. Я бежала, что есть сил. Ноги, как и сейчас, привели меня на центральный вокзал Бостона, где я купила один билет до Нью-Йорка и уехала, выключив телефон. Я бродила по мегаполису весь вечер и всю ночь. А когда вернулась обратно в Бостон и включила смартфон, обнаружила 10 пропущенных вызовов от Майка и 20 от Ильи. Потом я получила хорошую взбучку от них обоих за то, что уехала без предупреждения.

Вот и сейчас я выхожу из Центрального вокзала Нью-Йорка и просто иду. У меня нет маршрута и нет цели, я двигаюсь, куда глаза глядят. Я не замечаю ничего и никого вокруг, потому что мои мысли сейчас не здесь. Они в Москве.

Я не была дома восемь лет. Первые три года я не приезжала из-за Максима: не хотела его видеть. Хотя папа очень настойчиво меня звал на каждые каникулы. После четвёртого курса я не поехала, потому что защищала диплом и поступала в магистратуру. После первого курса магистратуры не получилось уехать, потому что нужно было поддерживать Илью, у которого тогда погибла сестра. После второго курса магистратуры я поступала в МВА и познакомилась с Майком. После первого курса МВА мы с ним решили поехать в отпуск в Майами и к нему в Чикаго. Поездку в Россию мы запланировали на новогодние праздники. Но снова поехать не получилось: в самый канун Рождества у Майка скончалась бабушка. И снова всю неделю мы с ним провели в Чикаго.

Я бы, наверное, могла поехать этим летом после окончания МВА, но получила работу в крупнейшей строительной компании США — U.S. Development. Она находится в Нью-Йорке,

до которого от Бостона три-четыре часа на поезде. Мы с Майком планировали, что я сниму себе тут квартиру, а видаться мы будем каждые выходные. Ведь что такое три-четыре часа на поезде? А на машине и того быстрее.

Получить место в этой компании было очень сложно. У них была всего одна вакансия в интересующем меня отделе антикризисного менеджмента, а желающих ее занять — 105 человек. Они выбрали меня.

За эти восемь лет у меня не было ни одной проигранной битвы. Сначала я была лучшей ученицей на своём потоке, потом на своём факультете, а затем и во всем Гарварде. Лучшие компании США — не только строительные — с удовольствием приглашали меня на летние стажировки, а затем слезно просили прийти к ним работать после окончания учебы.

Но у меня была одна конкретная цель — работа в U.S. Development. Эта компания по какой-то причине не сотрудничала с Гарвардом, у них больше были налажены связи с Колумбийским университетом, из которого они и набирали основную массу своих новых сотрудников. Но мне удалось обойти 104 выпускника Колумбийского университета и получить оффер от антикризисного отдела U.S. Development.

С отцом я виделась два-три раза в год, когда он приезжал в Америку. В какой-то момент он уже перестал звать меня в Россию. До сегодняшнего дня. В висках до сих пор пульсируют его слова:

«Максим женится. Нужно, чтобы ты приехала на свадьбу»

«Пора возвращаться домой. Ты нужна мне в компании»

Готова ли я к возвращению? Я не знаю...

Ноги сами вывели меня к Бруклинскому мосту. Я смотрю с него на воду и открывающийся пейзаж города и вспоминаю свой школьный выпускной, когда мы с Максимом стояли на моем любимом Патриаршем мосту.

Я вру, когда говорю, что вспоминаю Максима только при взгляде в зеркало на татуировку. Еще я вспоминаю его каждой ночью, когда просыпаюсь в холодном поту. Прошло восемь лет, а он до сих пор мне снится. Сны все примерно одинаковые. Некоторые из них повторяются. Какие-то я видела еще тогда дома, перед отъездом в Америку и нашим с ним расставанием.

Чаще всего мне снится сон, в котором я подхожу к Максиму, а он говорит, что не знает меня. Еще я часто во снах вижу рядом с ним девушку. Ее лицо от меня всегда скрыто, но общий образ почему-то кажется знакомым. И несколько раз повторялся сон, который я видела, когда мы с Максимом ездили на Волгу.

Я захожу на кухню в «Золотом ручье», а там стоит он. Я приближаюсь к нему и вижу на безымянном пальце его правой руки обручальное кольцо. Беру ладонь в руку и пытаюсь снять с пальца кольцо, а оно так плотно сидит и все никак не хочет сниматься.

Чувствую, как слезы градом стали скатываться по моему лицу. Я словно снова возвращаюсь на семь лет назад, в тот свой день рождения до прихода Ильи ко мне домой. Снова каждой клеточкой своего тела чувствую предательство Максима. Абсолютное, жестокое, беспощадное предательство. Когда сегодня тебе клянусь в вечной любви, а завтра вычеркивают тебя из своей жизни.

Интересно, он хоть раз думал обо мне? За все эти долгие восемь лет я ему хотя бы раз приснилась?

Закрываю глаза и представляю его лицо. До сих пор помню каждую черточку, каждую ямочку. Да, у меня получилось сфотографировать Максима в своей голове. У меня получилось сделать то, чем я занималась каждую проклятую бессонную ночь, — увековечить Максима в своей памяти.

Я научилась жить дальше. Илья действительно вытащил меня с самого дна. И в какой-то момент мне удалось стереть с себя прикосновения и поцелуи Максима. Мне удалось больше не засыпать и не просыпаться с мыслями о нем каждый день. Я похоронила в себе все воспо-

минания о сводном брате, закрыла их в сундук на десять замков, а потом скинула его на дно океана. У меня получилось, я смогла.

Тогда какого черта мне сейчас так больно???

Я ухожу с моста и снова иду, куда глаза глядят. Кажется, начинается дождь. Через пять минут он перерастает в ливень. Холодные капли хлестают меня, но я даже не чувствую этого. На моем лице дождь смешивается со слезами, наверняка вся тушь уже стекла по щекам. Я иду по Times Square, дождь усиливается, люди торопятся спрятаться под каким-нибудь навесом. У меня нет зонта и я не ищу укрытия. Я промокла до нитки, кроссовки уже наполнились водой. Но мне все равно, я не замечаю этого.

Ноги выводят меня к небоскребу Empire State Building. Покупаю билет и поднимаюсь на смотровую площадку. Из-за дождя людей на ней сейчас нет. Ливень идёт стеной, я подхожу к решетке и смотрю через нее на серый мрачный Нью-Йорк. Слезы все еще катятся по моему лицу, но уже не различишь, где они, а где дождь.

Я прислоняюсь лбом к решетке и беспомощно опускаю веки. Боль такая, будто в сердце вонзают кинжалы. Хочется упасть на землю и свернуться калачиком. А еще лучше прыгнуть с этого небоскреба. Как жаль, что смотровая на нем вся в решетках.

Чувство предательства Максима снова разливается ядом по венам. Перед глазами мелькают картины: наш выпускной, наша первая ночь вместе, наша поездка на Волгу, визит в лагерь, купание у пирса, день рождения его друга. А потом Максим в честь меня делает на сердце татуировку.

Неужели это все было ложью? Неужели он притворялся? Неужели он не любил меня так, как любила его я?

В памяти всплывают слова Максима на утро после того, как я уснула в гамаке в саду после разговора с отцом.

«Я люблю тебя, Кристина. Знай это, что бы ни случилось».

Беспомощно несколько раз бьюсь головой о решетку. Какая ложь, какое предательство... За что же он так со мной? За то, что была с ним жестока в самом начале, когда он приехал? За то, что не хотела, чтобы он общался с моими друзьями и вливался в мою компанию?

Рука тянется к телефону в сумке. Достая аппарат и включаю его. Тут же приходят оповещения о пропущенных от Майкла, следом падают десятки сообщений от него с вопросами, где я. Захожу в телефонную книгу и звоню Илье. После пятого гудка в трубке слышится сонный голос.

— Кристина, блин, у меня три ночи.

— Илья... — Реву ему в трубку.

— Кристина, ты плачешь? Что случилось? — Его голос тут же стал бодрым.

— Илья... — И снова рыдаю. Я сейчас не в силах выдавить из себя ничего больше его имени.

— Кристина, где ты? Что случилось? Тебя кто-то обидел?

Я лишь всхлипываю ему в трубку.

— Кристина, не молчи!!! Что произошло???

Я делаю тяжёлый глоток и выдавливаю из себя.

— Илья, он женится...

— Кто? Кто женится?

Но я снова не могу говорить, рыдания захватили меня с новой силой.

— Кристина, о ком ты говоришь? Кто женится? Майкл? Он тебе изменял? Он тебя обманывал?

— Нет... — выдавливаю из себя, — Максим. Он женится...

На том конце провода повисла тишина.

— Кристина, — начал Илья серьезным тоном, — но ты ведь уже прошла эту историю. Она ведь в прошлом. Не так ли?

— Я не знаю, Илья. Я так думала. Я была уверена, что забыла его. Но сегодня позвонил папа и сказал, что я должна ехать на свадьбу. А я не могу. Понимаешь? Не могу! Он женится, Илья!

И на этих словах я буквально согнулась от рыданий. Села в лужу на бетонном полу смотровой и прислонилась спиной к решетке. Дождь все еще идёт, хоть уже и не так сильно.

Я слышу на том конце провода тяжёлый вздох, а потом Токарев говорит:

— Я вылетаю к тебе ближайшим рейсом. Жди меня часов через 18.

— Хорошо, — мямлю ему в трубку и делаю отбой звонка.

Я не знаю, сколько я так еще просидела. Охранники косились на меня, но не подходили. Я очнулась, наверное, когда закончился дождь. Встала с пола я пошла вниз со смотровой. Дошла до Центрального вокзала и купила в кассе билет до Бостона. Поезд отправлялся через 40 минут.

Я вернулась домой глубокой ночью. Мокрая до нитки и с размазанной по всему лицу косметикой. Когда я вошла в квартиру, Майкл тут же подскочил ко мне с криком.

— Крисси, где ты, черт возьми, была??? Я чуть с ума не сошёл!!! Я уже собирался звонить в полицию!!!

Он растерянно оглядел меня снизу вверх и обратно.

— Крисси, почему ты мокрая? Что произошло?

Я ничего не могу ему ответить. Я просто стою и смотрю на Майкла. И понимаю одно: каким бы хорошим и замечательным он ни был, он не Максим. Никто не Максим. Можно сколько угодно прятаться от своего прошлого, восемь лет избегать встречи с ним, но от себя не убежишь. Можно закопать все чувства и воспоминания о человеке глубоко внутри себя, но от этого они не перестанут существовать.

— Он женится, — говорю своему парню сиплым голосом и чувствую, что дрожу. Наверное, я заболела.

— Кто женится? — недоуменно спрашивает Майк.

— Мой герой, — и я тяну руку к татуировке. Засовываю ладонь под ворот кофты и накрываю ею область сердца. — Мой герой женится, Майкл. Ты понимаешь это? Он женится...

Лицо моего парня вытягивается в изумлении. Он спрашивал меня однажды, что означает моя татуировка. Я соврала, что любила в детстве мультики о супергероях.

— О ком ты говоришь, Кристина? — очень сухо и холодно спрашивает Майкл. Кажется, он начал догадываться, что моя татуировка не в честь марвеловских персонажей.

— О моем герое. Я думала, что забыла его, но оказалось, что нет. Я до сих пор люблю его, Майкл. А он женится на другой. А еще восемь лет назад он очень сильно меня предал. Но я все равно люблю его. Все эти годы любила.

Майк плотно сжимает челюсть, я вижу, как желваки заходили по его щекам. Он тяжело дышит и смотрит на меня с большой злостью.

— Надо понимать, между нами все кончено? — цедит он.

Я смотрю мгновение на этого красивого, доброго, замечательного парня, который действительно подарил мне счастливые два года и лишь тихо говорю:

— Да. Ты не он. Вы все — не он.

Майк ничего мне не отвечает. Разворачивается и уходит в нашу спальню. Я подхожу к дивану в гостиной и сворачиваюсь на нем калачиком. Слышу, звук молнии его чемодана, слышу, как Майк бросает в него одежду, открывает и закрывает ящики комода.

Через час он выходит в гостиную, но у меня даже нет сил поднять на него глаза. Меня всю знобит и трясёт.

— Прощай, Крисси, — говорит мне Майкл, и я слышу, как он кладёт на тумбочку в прихожей ключи от моей квартиры.

— Прощай, Майк, — сирым голосом отвечаю ему, но он уже не слышит, потому что входная дверь хлопнула.

Глава 3. Верни его себе

Я не знаю, сколько я так лежу. В полудреме, полубреде. Я все еще в мокрой одежде, мне то холодно, то жарко. А иногда и то, и другое одновременно. Я не понимаю, сплю я или нет. Но я снова вижу Максима. Он стоит такой красивый, в костюме, улыбается. Я к нему подхожу и говорю:

— Здравствуй, Максим.

Он недоуменно на меня смотрит и спрашивает:

— Мы знакомы?

Я теряюсь, явно не ожидала от него такого ответа.

— Да. Это ведь я, Кристина.

Он хмурит брови, с сомнением смотрит на меня, а потом отвечает:

— Девушка, вы меня с кем-то путаете. Мы с вами не знакомы.

В этот момент звенит какой-то звонок. Максим медленно растворяется. Я пытаюсь схватить его за руку, но он уже исчез. Звонок повторяется. Потом снова и снова. Звенит очень настойчиво. Я приоткрываю глаза и в этот момент понимаю, что это звонок моей входной двери.

Но у меня нет сил встать, мое тело меня не слушается. А звонок все звенит и звенит. Потом я слышу, как начинает звонить мой телефон. Но он в сумке, а сумка в прихожей. Я медленно скатываюсь с дивана на пол. Больно падаю, но это отрезвляет. Я все же нахожу в себе силы кое-как встать на ноги. Медленно бреду до входной двери, держась за стену. Поворачиваю ручку, открываю дверь и буквально падаю в руки Илье.

— Кристина, господи...

Он подхватывает меня на руки и заходит в квартиру. Закрывает за собой дверь и несёт меня в мою спальню. Укладывает на кровать, садится рядом и дотрагивается до моего лба.

— Ты вся горяишь.

Он снимает с меня мокрую одежду, даже лифчик. Оставляет на мне только трусики. Накрывает меня одеялом и куда-то уходит. Через несколько минут он возвращается с аптечкой и стаканом воды. Засовывает мне в рот какие-то таблетки, даёт их запить. Слегка приподнимает меня на кровати и укладывает ближе к стенке, а сам ложится рядом поверх одеяла. Он мягко гладит меня ладонью по голове, и я проваливаюсь в сон.

Мне снова снится Максим. Он стоит на моем любимом Патриаршем мосту и смотрит вдаль. Я подхожу к нему сзади и кладу руку на плечо. Он резко оборачивается.

— Восемь долгих лет, — говорю ему с грустной улыбкой.

Он удивленно на меня смотрит.

— Девушка, а вы кто?

Я тихо смеюсь.

— Я что, так сильно изменилась? — спрашиваю его.

Он прищуривается и смотрит на меня с недоверием.

— Вы меня, наверное, с кем-то путаете. Я вас не знаю.

Я открываю глаза и делаю глубокий вдох, будто мое дыхание было долго задержано. В горле очень сухо, на лицо падает солнечный свет, от которого я морщусь. Ощущение, будто и лежу в воде. Провожу под одеялом рукой и понимаю, что простынь подо мной вся мокрая. Медленно поворачиваю голову налево и вижу спящего рядом со мной Илью. Он лежит поверх одеяла в джинсах и джемпере.

— Илья, — хочу сказать ему громко, а получается сиплый шёпот.

Он не слышит, и тогда я тянусь к нему рукой. Аккуратно дергаю за плечо. Илья резко открывает глаза и подсакивает на кровати. Недоуменно вертит по сторонам головой.

— Я что, уснул тут? Прости, Крисси, я просто хотел прилечь и подождать, когда у тебя спадёт температура.

— Пить, — сиплю ему.

— Что? — Он склоняется головой над моими губами.

— Пить, — стараюсь сказать громче, но все равно выходит сиплый шёпот.

— А, пить? Сейчас.

Илья подскакивает с кровати и бежит в сторону кухни. Через минуту возвращается со стаканом воды. Он придерживает его, пока я пью. Затем откладывает пустой стакан в сторону и трогает ладонью мой лоб.

— Температура прошла. Но давай еще таблетки выпей.

И он снова уходит за водой, возвращается, засовывает мне в рот лекарства и, придерживая мою голову, помогает их запить. Я закрываю глаза и проваливаюсь в очередной сон.

Я снова вижу Максима. Он куда-то идёт, а я пытаюсь его догнать. Когда мне, наконец, это удаётся, я хватаю его за руку. Он оборачивается, несколько секунд на меня смотрит, а потом недоуменно спрашивает:

— Мы знакомы?

Я просыпаюсь от того, что в нос мне бьёт вкусный запах. Желудок сразу начинает противно урчать. Аккуратно пытаюсь привстать на кровати и неожиданно понимаю, что силы в теле есть. Я отбрасываю одеяло в сторону и встаю. Нахожу в шкафу майку и шорты, надеваю на себя и иду на запах. Илья на кухне печёт блинчики. Увидев меня, он расплывается в широкой улыбке,

— Привет, красотка! Рад видеть тебя живой.

Мы с Ильей не виделись ровно год. С того момента, как он пришёл ко мне попрощаться перед возвращением в Россию. Поэтому сейчас я просто со всех ног несусь на него и крепко обнимаю. Он приподнимает меня в объятиях и немного кружит по кухне.

— Я соскучилась, — бурчу ему в грудь.

— И я.

Он целует меня крепко в щеку и выпускает из объятий.

— Иди в ванную и возвращайся через 15 минут. Завтрак почти готов.

Я послушно бреду в душ и возвращаюсь из него новым, здоровым человеком. Сажусь на стул и наблюдаю за тем, как Илья кладёт мне и себе блинчики и ставит нам на стол кофе. Мы едим в тишине, но я уже очень хорошо знаю Илью. Он даёт мне время собраться с мыслями, чтобы устроить допрос с пристрастием. Как только мы покончили с блинами и остался один только кофе, Токарев начал:

— Ну, рассказывай.

И я рассказала. Абсолютно все. Как позвонил отец и сказал, что Максим женится, а мне пора возвращаться домой. Как убежала от Майка в Нью-Йорк и ходила там под ливнем. Как вернулась домой и рассталась с парнем.

Илья задумчиво вертит в руках пустую кружку из-под кофе. Смотрит в одну точку на полу и ничего мне не отвечает.

— Так и будешь молчать? — Спрашиваю его.

Он поворачивает голову на меня.

— Твой отец прав. Тебе действительно нужно возвращаться, Крисси.

Меня очень удивляют его слова. Наверное, я ожидала какой угодно ответ, но не такой.

— Почему?

— Потому что компания твоего отца в глубоком кризисе. Как, в общем-то, и моего.

— Чтоооо???

Илья тяжело вздыхает и устраивается на стуле поудобнее.

— Ты не знала, и я тоже не знал. Четыре года назад в России появилась новая строительная компания, которая стремительно набрала обороты и отвоевала хорошую долю рынка у наших отцов. В общем-то, в появлении нового конкурента ничего особо страшного нет, если бы не одно «но». Эти ребята — типичные выходцы из девяностых, которые играют в грязную. У них серьёзные связи в федеральном правительстве, поэтому все лакомые куски сразу уходят им. Нашим компаниям сейчас остается довольствоваться лишь тем, чем побрезговали они. С этим реально нужно что-то делать. Если так пойдет и дальше, то эта компания задавит нас окончательно. У меня полгода ушло на то, чтобы разобраться, что вообще происходит. И последние полгода я стал активно внедрять и применять все то, чему нас учили в Гарварде. И ты знаешь, Крисси, это реально работает. За все время учебы я несколько раз задавался вопросом, а пригодится ли вся эта теория на практике? И знаешь, да. Пригодается.

Токарев немного помолчал, а потом продолжил.

— В общем, Кристин, тебе реально нужно ехать домой и применять свои мозги в семейном бизнесе, если ты хочешь его сохранить.

Я настолько ошарашена словами Ильи, что даже не знаю, что сказать.

— Но папа мне ничего никогда не говорил...

— Мой мне тоже. Видимо, не хотели нас беспокоить, пока мы учились.

Тихо про себя хмыкаю. Я потеряла все ради того, чтобы получить лучшее бизнес-образование в мире и применить его потом в компании отца. А когда пришло время это сделать, я дорожу от страха.

— Я не могу вернуться, Илья...

— Из-за него?

— Да...

Токарев тяжело вздыхает.

— Я думал, ты перешагнула эту историю.

— Я тоже так думала. А когда позвонил отец и сказал, что Максим женится, и я должна приехать на свадьбу, меня накрыло. Я до сих пор люблю его, Илья.

В моих глазах уже стоят слезы. Токарев тихо встает со своего места, обходит стол и садится на корточки у моего стула. Заглядывает в глаза и говорит:

— Крисси, он твой. Всегда был твоим. Значит, верни его себе.

Меня очень удивляют эти слова. Впервые за все годы Ильи так говорит. Обычно он призывал меня забыть Максима.

— Илья, я не могу. Он меня бросил и предал. После всего, что между нами было. А теперь он вообще женится.

— Но ты ведь его тем не менее любишь.

— Да...

— Если ты так и не смогла разлюбить и забыть его, значит, ты должна сделать его своим. Иначе ты не будешь счастлива. Ведь до сих пор ни один мужчина тебе его не заменил. Восемь лет не восемь месяцев, Крисси. Если спустя столько лет ты из-за одного упоминания о нем ломаешься, то с этим нужно что-то делать.

— Но что? — Я чувствую, как слезы уже текут по моим щекам, и Илья торопится стереть их большими пальцами.

— Вернуть его себе.

— Но ведь он женится!!!

— Ничего страшного. Разведётся.

Я уже громко всхлипываю.

— Илья, он меня предал. Я не знаю, смогу ли простить ему это. Да, я люблю его, но это предательство было слишком большим.

Токарев тяжело вздыхает.

— Кристина, просто поезжай домой и увидься с ним, поговори. Ты же не общалась с ним ни разу после своего отъезда. Для начала тебе просто нужно снова с ним встретиться. И после этого уже будешь решать, что делать дальше.

Илья пробыл у меня еще два дня. Он снова собрал меня по кусочкам и поставил на ноги. Токарев много рассказывал мне о новой строительной компании, которая медленно, но верно, давит наши. Говорил о том, как сильно изменилась Москва за эти годы. Илья приезжал домой во время учебы, но всегда не на долго, поэтому не успевал хорошо рассмотреть родной город.

Мне страшно встречаться не только с Максимом, но еще и с Москвой. Я не была там восемь лет. За эти годы Бостон в частности и Америка в целом стали мне настоящим домом. Я объездила всю страну, была во всех главных местах США. И просто так сейчас взять и уехать из этой страны мне действительно страшно.

После отъезда Ильи я усиленно готовилась к защите проектной работы в МВА. В свободное время я просто гуляла по улицам Бостона и мысленно прощалась с этим прекрасным городом, который стал мне таким родным. Я массово назначала встречи всем своим близким и не очень друзьям, прощалась с каждым.

Приглашение на свадьбу от Максима мне пришло по почте через три недели после разговора с отцом. Ровно на следующий день после моей защиты в МВА. На красивой плотной бумаге было написано:

«Дорогая Кристина!

8 августа состоится наша свадьба!

*Мы хотим разделить этот самый важный день с близкими людьми,
поэтому будем счастливы видеть тебя.*

С любовью,

твои Максим и Ольга»

Когда я это прочитала, меня разобрал истерический смех. Я, конечно, понимаю, что это текст типового пригласительного, в который просто вставляется имя каждого гостя, но уж для меня Максим мог бы придумать что-нибудь другое??? Например, просто сухо: «Я женюсь, приезжай, как никак мы с тобой родственники». Или: «Твой отец сказал, что ты должна быть на моей свадьбе, так что вынужден тебя пригласить. Но если не приедешь, не расстроюсь».

И интересно, что это за Ольга. В памяти всплывает наша одноклассница Оля Олейникова, с которой Максим начал встречаться, чтобы отвлечься от меня. Уж не на ней ли он женится? Хотя вряд ли, он же бросил ее прямо на нашем выпускном. Нашел себе новую Ольгу, видимо. Имя-то распространенное.

Я вылетаю в Москву чуть больше, чем за две недели до свадьбы Максима. Напоследок я открываю ключом ту самую комнату, которую планировала сделать своей спальней изначально, но разнесла ее в пух, когда отец сказал, что Максим сменил номер телефона. На полу по-прежнему валяются осколки зеркал и стекла, моя кровь на них за эти восемь лет высохла и изменила цвет на коричневый.

Я прохожу в комнату, сажусь на корточки и аккуратно, чтобы не порезаться, достаю из-под осколков браслет с буквой «К», который Максим подарил мне на Новый год. Он в ту ночь был на мне, но я сняла его перед приездом скорой помощи и бросила на пол. Так он все восемь лет тут и провалялся. Больше я в эту комнату не заходила ни разу.

Я закрыла дверь спальни на ключ, взяла чемодан, окинула последним взглядом свою квартиру, заперла ее и села в такси, которое за пару часов должно довезти меня до аэропорта Нью-Йорка. Часа два я проведу в аэропорту, а потом еще 10 часов в полете.

Уже завтра я встречу лицом к лицу со всеми призраками своего прошлого.

Глава 4. Милый дом

Самолёт садится в «Шереметьево», я выхожу из салона, попадаю в аэропорт и первое, что мне режет слух — это русская речь. Очень много русской речи. Так непривычно. В Америке на улице иногда тоже можно было услышать наш язык, но не в таком количестве, как сейчас. Тут абсолютно все говорят по-русски, надписи все на русском. Я как-будто попала в другой мир. Хотя так и есть.

Меня встречает папа со своим водителем Василием. Он до сих пор у него работает, вот только автомобиль отец сменил. У него снова «Мерседес», но более новой модели. Мы с отцом крепко обнимаем друг друга.

— Доча, ну неужели ты приехала? Я не верю, — кажется, папа пустил скупую слезу.

— Мне тоже не верится.

В машине отец пытается говорить со мной на какие-то отвлеченные темы, но я его не слушаю. Жадно смотрю в окно на российские пейзажи.

— Василий, а можете, пожалуйста, поехать через Москву, а не по МКАДу? — Обратилась я к водителю.

— Могу, но соберём все пробки.

— Ничего страшного.

Мы едем по Ленинградке, сворачиваем на Третье транспортное кольцо, потом на Кутузовский проспект. Моя родная любимая Москва... С одной стороны, совсем не изменилась. А с другой, столько новых магазинов и торговых центров. Только сейчас смотрю и понимаю, как же я скучала по этому жестокому циничному городу. В самое ближайшее время обязательно съезжу на Патриарший мост и выпью Дайкири в баре «Стрелка».

Заезжаем на территорию «Золотого ручья», и сердце начинает колотиться с огромной силой. Подъезжаем к нашему дому, и я снова жадно всматриваюсь. Он совсем не изменился. Даже ворота те же самые. Они открываются, и машина заезжает во двор. Не успело авто остановиться, как я уже открыла дверь и вылетела из салона.

— Ну вот мы и дома, Кристиночка, — посмеиваясь сказал мне отец, выходя из машины во двор.

В этот момент открылась входная дверь и на крыльцо вышла Елена. Она постарела. Хотя видно, что очень за собой следит, модная прическа, дорогая одежда. Но глаза уставшие, потухшие. Как у человека, который перенёс что-то очень тяжелое.

Она грустно мне улыбается, спускается с крыльца и подходит ко мне очень близко.

— Здравствуй, Кристина, — тихо говорит.

— Здравствуйте, Елена, — также тихо отвечаю ей.

Секунду мы просто смотрим друг на друга, а потом она меня крепко обнимает. Я обвиваю ее руками в ответ. На глаза почему-то наворачиваются слезы.

— Наконец-то ты вернулась, — ее голос дрожит, — тебя тут очень не хватало. Нам всем.

Я молчу и чувствую, как по щеке скатывается слеза. Хочется спросить, а Максим входит в число «нас всех»? Но я, конечно же, не задаю этот вопрос.

Она выпускает меня из рук, и мы заходим в дом. Внутри все так же. Папа не делал ремонт с тех пор, как я уехала. Я поднимаюсь на второй этаж и захожу в свою комнату. Тут все так, как я оставила перед отъездом. Мой любимый бежевый комод, моя кровать, мой шкаф, мой стол, на котором лежат какие-то редкие предметы. Прохожу в свою ванную. То же джакузи, та же душевая, та же раковина. Глаза падают на унитаз.

Возвращаюсь в комнату, выдвигаю нижний ящик комода, открываю шкатулку, поднимаю панель с танцующей балериной и достаю ключ. Возвращаюсь в ванную, с трудом отодвигаю крышку унитаза и вижу сейф. Открываю его и смотрю на содержимое. Те же пачки денег, те же

мешочки с бриллиантами, тот же пистолет и... те же шприцы с ампулами. Викино лекарство. Беру его в руки и рассматриваю упаковку. Взгляд падает на срок годности. Он истек шесть лет назад.

Слезы уже текут ручьём по лицу. Вика... Моя названная сестра. Крестная дочь моей мамы. Как она? Где она? Что с ней? Я не разговаривала с ней с тех пор, как попрощалась перед отъездом. Она тогда старалась держаться молодцом, но в конце все равно заплакала. Я так и не смогла сказать ей, что уезжаю в том числе и из-за нее. Я просто больше не могла нести за нее ответственность. Только сейчас понимаю, как сильно я предала ее. Она меня любила, а я вычеркнула ее из своей жизни.

Как меня Максим.

Я возвращаю просроченное лекарство в сейф, закрываю его и кладу ключ на место. Снова оглядываю свою комнату. Покрывало на кровати слегка сбито и помято, будто на ней кто-то сидел и лежал. Странно. Когда я уезжала, точно помню, что кровать была заправлена идеально. Домработница делала это при мне, пока я собирала последние вещи, а Максим был в душе, из которого он вышел и бросил меня.

Кто-то заходил в мою комнату и проводил время на моей кровати? Интересно. Может, папа, когда скучал по мне?

Подхожу к столу и внимательно его осматриваю. Несколько учебников по английскому языку, пара тетрадей, пенал с ручками, наушники, жесткий диск. На мгновение мой взгляд задерживается на нем. Беру в руки и рассматриваю. Кажется, перед отъездом я скидывала на него наши с Максимом фотографии из поездки на Волгу. Я ему тогда еще сказала, когда он вернулся из душа, что оставила жесткий диск с фотографиями на столе в моей комнате. Он так тут и лежит. Ровно, как я его положила восемь лет назад.

Тихо хмыкаю. Он даже не взял его, чтобы посмотреть наши фотографии.

Выхожу из своей комнаты, пересекаю коридор и захожу в спальню Максима. Сердце колотится, как бешенное. Осматриваюсь и понимаю, что хозяин этой комнаты уже давно тут не живет. Пустой стол, пустой комод, пустая прикроватная тумба, идеально заправленная кровать. Подхожу к шкафу и отодвигаю дверцу. Пусто, одежды нет.

Снова смотрю на кровать, на которой спала последние два месяца перед отъездом. Сколько раз Максим признавался мне в любви на этой постели? Сколько раз говорил, что ему кроме меня никто не нужен? Сколько раз обещал, что мы будем вместе, несмотря ни на что?

Закрываю глаза и чувствую, как противные капли слез текут по шее. Какая ложь, какое предательство... И я до сих пор люблю этого человека? Который так со мной поступил?

— Максим здесь уже давно не живет, — слышу голос за своей спиной и резко вздрагиваю.

Поспешно вытираю лицо от слез и оборачиваюсь. Елена стоит в дверях и смотрит на меня с грустной улыбкой. Еще раз внимательно вглядываюсь в ее лицо: примерно так же выглядела мать Ильи после гибели дочери. Она приезжала тем летом в США к сыну, и я с ней виделась. Но ведь у Елены же сын не умер. Жив, здоров, женится.

— Извините, что зашла в комнату Максима. Просто ностальгия нахлынула.

— Ничего страшного, Кристиночка. Это твой дом.

— А где теперь живет ваш сын? — Аккуратно интересуюсь.

— В Москве со своей невестой. Они завтра вечером приедут на ужин. С тобой повидаться.

В этот момент чувствую, как задрожали мои руки.

— Хорошо, — выдавливаю из себя улыбку, — буду их ждать.

Мы выходим из комнаты Максима, и я возвращаюсь к себе. Подхожу к шкафу, отодвигаю дверцы и смотрю на одежду, которую не забрала с собой в Америку. Я планировала перевезти все свои вещи постепенно. Хотела приехать на рождественские праздники и забрать еще

часть одежды. А потом на весенние каникулы и снова увезти с собой пару чемоданов любимых вещей. Но я так ни разу и не приехала, и вся моя одежда осталась тут висеть.

Беру подол голубого платья, в котором была на школьном выпускном и вытягиваю из шкафа. В этом платье я сошла с ума от любви с Максимом. На глаза снова наворачиваются слезы и я спешу опустить подол. Прохожусь взглядом по вешалкам и замечаю кое-что странное. Некоторые мои вещи висят не так, как я вешаю их обычно. Я в плане ухода за одеждой очень педантична. У меня всегда все развешено по цветовой гамме. Я никогда не накидываю, например, белое платье поверх чёрного на одну вешалку.

У меня все цвета в шкафу идут слева направо: от белого до чёрного. А сейчас вижу, что синяя кофта висит на вешалке с бежевым платьем. Красная блузка накинута на вешалку к белой. Я так сделать точно не могла. Кто-то рылся в моем шкафу? Доставал из нее одежду, а потом неправильно вешал ее обратно?

Странно, очень странно. Кому это могло понадобиться? Может, домработница залезала? Если она заходила в мою комнату, почему тогда оставила постель смятой?

Вопросов больше, чем ответов. Ясно лишь одно — в мое отсутствие кто-то рылся в моей комнате.

Впрочем, по фиг.

Закрываю шкаф, спускаюсь вниз и осматриваю первый этаж. Захожу на кухню, в спортзал, библиотеку. Ничего не изменилось. Иду в сад. Моя любимая беседка, мой любимый гамак — все на месте. Слышу приближающиеся сзади шаги отца.

— Я ничего не менял без тебя. Как все было, когда ты уехала, так все и осталось.

Я обернулась к отцу.

— Вижу, пап. Спасибо.

— Ты будешь тут жить?

Меня немного удивил этот вопрос.

— А где мне ещё жить?

— Ну мало ли. Может хочешь отдельно быть. Все-таки ты столько лет жила одна, привыкла уже, наверное. Да и лет тебе уже достаточно для проживания без родителей. Если хочешь, купим тебе квартиру в Москве.

Я задумалась. Идея неплохая. Действительно, почему бы и нет? В «Золотом ручье» все слишком напоминает о Максиме. И каждый день смотреть на дверь его пустой комнаты мне, скорее всего, будет тяжело.

— Возможно, пап. Я подумаю. Скажу тебе потом.

— Хорошо, дочь. Пойдём поужинаем и ложись отдыхать.

Мы просидели с папой и Еленой на кухне часа два. Я очень устала с дороги, почти не спала в самолёте, но мне не хотелось с ними расставаться. Даже с матерью Максима. Я почти не общалась с ней все эти годы, только по праздникам. Я поздравляла ее с днем рождения, она меня, на Новый год папа тоже передавал ей трубку. И на этом все. Три коротких телефонных разговора в год. Она никогда не говорила мне о Максиме, а я и не спрашивала. Вот и сейчас разговор идёт о чем угодно, кроме ее сына и его предстоящей свадьбы.

У себя я иду в душ и снова непроизвольно думаю о том, сколько раз мы с Максимом мылись тут вместе. И не только мылись. Да, папа прав. Мне стоит купить отдельную квартиру. Тут все слишком напоминает о событиях восьмилетней давности. Я ложусь спать и сразу проваливаюсь в сон. К счастью, мне сегодня ничего не снится.

Глава 5. Я тебя не помню

На следующий день я просыпаюсь в три часа дня и еще долго просто валяюсь в кровати. Чувствую себя разбито, мне потребуется какое-то время, чтобы привыкнуть к другому часовому поясу. В половине пятого бреду в душ, потом тщательно сушу волосы. В половине шестого возвращаюсь в свою комнату в легком халате и сажусь на кровать.

Ровно в семь приедет Максим со своей невестой. При каждой мысли о скорой встрече руки начинают предательски дрожать. В Гарварде нас хорошо учили самообладанию, но в случае с Максимом никакие приемы никогда не действовали. Он единственный, в присутствии которого я такая, какая есть на самом деле — ранимая, уязвимая, незащищенная.

Подхожу к шкафу и открываю дверцы. Как мне одеться для первой встречи с ним? В простую домашнюю одежду? Или во что-то очень красивое и сексуальное? Или в обычные джинсы и футболку? А делать ли макияж? А прическу?

Пытаюсь вспомнить, как я была одета 9 лет назад, когда Максим первый раз переступил порог этого дома. Кажется, я как-то специально не одевалась. Помню лишь, что ждала его очень, все время смотрела во двор. Но одежда вроде была обычной домашней. Я тогда чаще всего разгуливала по дому в коротких джинсовых шортах и майке. Но мне уже не 17 лет, а 26. Так я уже не оденусь для первой встречи.

Совершенно точно хочу, чтобы татуировка была закрыта. Во-первых, отец о ней до сих пор не знает. Не то чтобы я в 26 лет боюсь родительского гнева, но все же. Во-вторых, не хочу, чтобы ее видел Максим. К чему тыкать его носом в нее?

Мой выбор падает на белую футболку с рисунком какого-то города. На ноги решаю надеть обычные голубые джинсы-скинни с порезами на коленках. По волосам слегка прохожусь утюжком. Пусть будут просто прямые. На лицо наношу тонкий слой тонального крема с пудрой, слегка выделяю румянами скулы, делаю тонкие стрелки на глазах, ресницы крашу тушью. Губы намазываю обычным бесцветным бальзамом. Моя любимая красная помада сейчас ни к чему.

18:30. Сажусь на кровать, закрываю глаза и начинаю делать успокаивающие дыхательные упражнения. Периодически считаю до десяти. Каким-то чудом удаётся сдержать дрожь в руках и успокоить сердце.

А что мне ему сказать при встрече? Просто «привет»? А обнять? Или просто пожать руку? Или ни то, ни другое?

Интересно, он сейчас волнуется перед встречей со мной?

19:00. Их еще нет. 19:05. Не приехали. 19:15. Ворота открываются.

На подкашивающихся коленках подхожу к окну и вижу, как с водительского сиденья выходит Максим. Лица не видно, только голову и плечи. С переднего пассажирского вылезает девушка с темными вьющимися волосами. Они направляются к крыльцу.

Тяжело сглатываю. Еще раз глубоко вдыхаю и выдыхаю и иду на выход из своей комнаты. Спокойно, Морозова, спокойно. Ты выиграла такое количество битв. Выиграешь и эту.

Выхожу из комнаты и уже слышу голоса родителей и Максима с девушкой. Они здороваются, смеются. Я тихо спускаюсь по лестнице и останавливаюсь на нижних ступеньках, Максим стоит ко мне боком и снимает обувь. За ним его невеста, но на нее я даже не смотрю. Я прикипела взглядом к нему одному.

Он стал сильнее, в плечах еще шире. Но профиль такой же. Это он. Мой герой.

Тут я неожиданно замечаю, что Максим напрягся, но ко мне еще не обернулся. Я знаю, что он заметил меня боковым зрением. Он сам мне однажды рассказал, что всегда чувствует, когда на него со стороны кто-то смотрит. Инстинкт каратиста.

Мои руки предательски начинают дрожать, сердце бешено колотится. Он все еще ко мне не обернулся.

Но зато ко мне повернулись папа с Еленой.

— Максим, это моя дочь Кристина, ты ее не помнишь, — вдруг говорит отец. Что?

В этот момент Максим ко мне поворачивается полным корпусом, и я тут же забываю слова отца. Мой герой смотрит мне прямо в глаза, а я ему. Мы стоим так несколько секунд, потом я вижу, что он тяжело сглатывает и обводит меня взглядом снизу вверх и обратно. А я так и застыла на одной точке.

Мой герой. Он повзрослел. Возмужал. На лице легкая щетина. Футболка хорошо подчеркивает его сильные руки и пресс. Джинсы на нем свободные, но за ними все равно угадываются сильные ноги.

— Привет, — выдавливают он. Подходит ко мне ближе и протягивает руку.

— Здравствуй, Максим, — говорю ему, и вместо того, чтобы пожать ладонь, спускаюсь с оставшихся ступенек и подхожу к нему вплотную.

А дальше я себя не контролирую. Крепко обвиваю его шею руками. Он на мгновение замирает, явно не ожидая от меня такого, но уже через секунду крепко обнимает меня за талию.

— Восемь лет, Максим, — шепчу ему на ухо. — Восемь проклятых лет. Ты можешь мне не верить, но мне жаль, что все так обернулось. Егор был прав, когда говорил, что мы не уступим друг другу. Мне жаль, что наши принципы оказались сильнее нас.

Я уже не особо контролирую, что говорю. К счастью, я шепчу ему в то ухо, что не со стороны родителей и его невесты, так что они не слышат. Максим же замер, как истукан, и, кажется, не дышит. Не знаю, что еще я могла ему наговорить, если бы меня не отвлек звонкий женский голос со стороны.

— Привет, Кристина!

Эти слова резко отрезвляют, и мы с Максимом тут же выпускаем друг друга из объятий. Перед тем, как повернуть голову на голос, мы с Максимом встречаемся взглядами последний раз. И я вижу в них удивление и недоумение.

Я оборачиваюсь к его невесте и вижу... Олю Олейникову.

Вот так сюрприз... Все-таки он с ней. Она тоже повзрослела и перекрасила свои светлые волосы на несколько тонов темнее.

— Привет, Оля, — выдавливаю из себя.

Она смотрит на меня с вызовом и явной неприязнью, челюсть плотно сцеплена. Олейникова делает несколько шагов, становится рядом с Максимом и явно демонстративно берет его под руку, при этом продолжая сверлить меня взглядом.

— Кристина, — обращается ко мне отец, и я поворачиваюсь к нему. У меня ощущение, что я в состоянии аффекта, — я тебе сначала не сказал, не хотел тебя беспокоить, когда ты только переехала в Америку. Я думал, ты приедешь на зимние каникулы и сама все узнаешь, но ты так и не приехала ни разу. В общем, когда ты улетела, Максим попал в очень страшную аварию, чудом остался жив. У него была очень сильная травма головы, он пробил головой лобовое стекло и вылетел из машины. — Отец нервно закашлялся, а я будто перестала дышать от его слов. — Максим был несколько дней в коме, потом перенес несколько операций на голову... — Пап тяжело сглотнул, помолчал несколько секунд и продолжил. — В результате аварии, комы и операций у него произошла частичная потеря памяти. Максим не помнит некоторые отрезки своей жизни. И он не помнит последний год перед аварией. — Отец глубоко вздохнул. — Максим не помнит тебя.

Я приросла к одной точке и не в силах ни сдвинуться с места, ни издать хоть какой-то звук. Слова отца проникают в мое сознание будто через какую-то пелену. Когда смысл наконец-то доходит до меня, я чувствую, что воздуха катастрофически не хватает. Я начинаю очень быстро дышать и в ужасе поворачиваюсь снова к Максиму. Он пристально на меня смотрит,

будто все еще разглядывает. Думаю, он смотрел на меня все то время, что папа говорил свою речь.

— Максим, ты не помнишь меня? — спрашиваю его отчего-то хриплым голосом.

— Нет, — выдавливают он.

— Совсем???

Он мгновение снова смотрит мне в глаза и выдыхает:

— Совсем.

Я больше не в силах что-либо говорить. Просто стою и смотрю на него. А он на меня. И Олейникова под руку с ним сверлит меня взглядом.

— Пойдёмте ужинать! — весело говорит Елена, явно пытаюсь разрядить обстановку.

Оля тут же разворачивает Максима за руку и ведёт в сторону кухни. Я, будто робот, следую за ними, все еще плохо понимая происходящее. Сажусь на первый попавшийся стул и оказываюсь ровно напротив Максима. Пока домработница накладывает нам еду, все молчат. Я тупо смотрю в тарелку, но чувствую на себе пристальный взгляд Максима. Он смотрит на меня, как и девять лет назад, когда только переступил порог этого дома и мы так же, как сейчас, пошли все ужинать.

Когда домработница удаляется, я решаю прервать тишину. За эти пять минут мне удалось более-менее отойти от шока и взять себя в руки.

— А теперь кто-нибудь может мне еще раз подробно объяснить, что произошло? И, самое главное, почему мне восемь лет никто ничего не говорил? — Последнее предложение я говорю с явной злостью и поворачиваю голову в сторону отца. Он виновато потупил глаза.

Елена тяжело вздохнула.

— Кристиночка, — спокойно начала она, — в тот день, когда ты улетела в Америку, Максим попал в аварию. Это произошло на какой-то сельской дороге в 100 километрах от «Золотого ручья». Никто из нас не знает, что Максим там делал, почему он туда поехал. Но это уже и не важно. Максим ехал очень быстро и не был пристегнут ремнём безопасности. В какой-то момент на дорогу выбежали два барана, которые паслись в той местности стадами. Так как Максим ехал очень быстро, он не успел затормозить. В результате его выкинуло из водительского сиденья, он пробил головой лобовое стекло и вылетел из машины. И это большое счастье, что Максим не был пристегнут. Потому что дальше машина скатилась в кювет и несколько раз перевернулась, а потом загорелась. Так же большим везением оказалось, что со стадом баран там был пастух, который все это увидел. Он тут же вызвал скорую помощь, но она ехала очень долго, так как местность сельская. Помимо очень сильной травмы головы у Максима был перелом шеи, правой руки и правой ноги, были сломаны несколько рёбер, сильно ушиблена спина. Из-за того, что скорая ехала долго, было потеряно драгоценное время. В результате Максим провёл два с половиной дня в коме, потом ему требовались тяжелые операции. Восстановление длилось полгода. Когда все закончилось, оказалось, что Максим частично потерял память. Он не помнит некоторые случаи из детства, которые раньше помнил. Но это ерунда. Главное — он не помнит последний год перед аварией: Максим не помнит переезд в Москву и вашу школу.

Елена закончила рассказ и за столом воцарилась гробовая тишина. Отец так и не оторвал глаз от тарелки. Максим продолжает пристально на меня смотреть. Олейникова переводит взгляд с меня на Максима, с Максима на меня.

— Папа, почему ты мне ничего не сказал? — спрашиваю спокойно, не выдавая своих настоящих эмоций.

Он поднял на меня голову.

— Когда все произошло, я не хотел тебя пугать. Максим был в коме, а ты только приземлилась в Америке. Прогнозы врачи давать боялись. Когда Максим очнулся и хорошо перенёс первую операцию, я решил ничего не говорить, потому что у тебя уже началась учеба и ты

жаловалась, что очень тяжело. В итоге я подумал, что ты приедешь на новогодние праздники и сама все узнаешь. Но ты так ни разу за восемь лет и не приехала.

— То есть, это я виновата в том, что не знала о произошедшем с Максимом? — Я сверлю его взглядом.

— Нет, ни в коем случае. Просто ты ни разу не спрашивала про Максима, и я подумал, что тебе неинтересна его жизнь.

Я хмыкаю и перевожу взгляд на Максима. Нет смысла сейчас спорить с отцом. Я скажу ему все, что думаю, когда мы останемся наедине. Максим по-прежнему меня пристально рассматривает. Может, у меня что-то не то с лицом? Переборщила с макияжем?

Или пытается меня узнать? Тоже смотрю ему в глаза. Затем скользя по лицу.

Восемь лет я думала, что он меня предал. Восемь лет я думала, что он меня не любит. Восемь лет я из-за этого не приезжала...

— Максим, передай мне, пожалуйста, соль, — подаёт голос Олейникова. Явно пытается прервать наш с ним зрительный контакт.

Максим отводит от меня взгляд, передаёт ей солонку и снова продолжает на меня смотреть. Ей явно это не нравится.

А откуда она вообще взялась, если Максим потерял память???

— А как вы встретились? — Спрашиваю у Максима с Ольгой.

— Мы учились вместе в школе, — отвечает он. Его голос за восемь лет не изменился. — Но, как ты понимаешь, я этого не помню. С Олей мы снова встретились в МГИМО. Мы там учились. Первый семестр я пропустил, потому что лежал в больнице, начал занятия со второго семестра. Оля увидела меня в коридоре и подошла поздороваться. Я ее, естественно, не узнал, рассказал, что со мной произошло. Так мы и стали снова общаться.

Я перевожу взгляд с Максима на нее. Олейникова продолжает смотреть на меня с вызовом.

— Насколько я помню, ты планировала поступать в МГУ. Как ты в итоге оказалась в МГИМО?

— А у тебя хорошая память, Кристина, — иронизирует.

— Да, в Гарварде был отдельный факультатив по развитию памяти. Я его посещала.

И это правда. У нас действительно был такой факультатив, на котором мы делали различные умственные упражнения, чтобы лучше запоминать.

— Я не поступила в МГУ. Не хватило нескольких баллов до проходного. А в МГИМО прошла. Вот и пошла туда учиться. И не жалею. В МГИМО языки сильнее, к тому же там мы снова встретились с Максимом. — И она опять демонстративно берет его под руку.

Сучка.

Я оборачиваюсь к Елене.

— А почему вы мне никогда не говорили о произошедшем?

Она пожала плечами.

— Так вы ведь с Максимом не общались. Насколько я помню, вы все время игнорировали друг друга. К тому же, когда я сама несколько раз спрашивала у сына, как складываются ваши отношения, он всегда говорил, что никак, что вы не общаетесь. Я думала, тебе неинтересна жизнь Максима.

А вот это сейчас шах и мат. Это сейчас наглядные последствия нашего с Максимом решения не рассказывать о нас родителям.

Я полностью владею собой и происходящей ситуацией. Внутри меня бушует пламя, но внешне я спокойна, как слон. Это замечательно. Это прекрасно. Действительно Гарвард многому научил. Даже присутствие Максима меня сейчас не обезоруживает.

А он все продолжает на меня смотреть... Сейчас старается делать это не так явно. Ковыряет в тарелке, засовывает в рот кусочки мяса, но все же бросается в меня взглядами. А мне же кусок в горло не лезет.

Восемь лет я ничего не знала... Восемь проклятых лет я была уверена, что он вычеркнул меня из своей жизни...

— Давайте выпьем за встречу! — Старается, как можно более радостно сказать отец, но я различаю в его интонации напряжение. Он разливает всем вино по бокалам, и я с удивлением замечаю, что он наливает и Максиму.

— Пап, Максим ведь не пьёт.

— Уже давно пьёт, — цедит мне Олейникова.

Максим лишь слегка улыбается.

— Чего еще я о тебе не знаю? — Тихо спрашиваю его, игнорируя выпад Ольги.

— А что ты обо мне знаешь? — Так же тихо спрашивает меня. Будто сейчас нет никого рядом с нами.

Я пожимаю плечами.

— Всё.

Максима удивляет мой ответ. Он снова пристально смотрит мне в глаза, но больше ничего не говорит. Обстановка за столом немного напряженная. Олейникова уже метает молнии, Елена смотрит на нас с большим изумлением, папа ёрзает на стуле.

— Ну, за встречу! — Начинает торжественно отец. — Наконец-то вся семья в сборе!

Мы ударяемся бокалами, я делаю глоток и снова замечаю, что Максим не сводит с меня глаз.

Разговор за столом не клеится весь вечер. Папа пытается разрядить обстановку, но выходит не очень. Я погружена в свои мысли, Максим продолжает, не стесняясь, меня рассматривать. Олейникова все видит, и ей это явно не нравится. Она то и дело пытается отвлечь своего жениха от меня. Он отвечает на ее вопросы, передаёт ей то соль, то перец, то салфетки, но после этого снова и снова возвращается глазами ко мне.

Он смотрит на меня очень жадно. Всматривается в каждый миллиметр моего лица, шеи, рук. А стоит мне поднять на него взгляд, как он тут же впивается своими глазами в мои. Он пытается меня вспомнить? А если нет, то зачем он еще это делает?

Что я чувствую, когда смотрю на него?

Что люблю. Безмерно. Бесконечно.

Мой герой. Мой единственный. Все эти восемь лет был только он. Как же я была глупа, когда пыталась стереть с себя его губы и руки с помощью других мужчин. Как же я была наивна, когда думала, что смогу его забыть.

Нет, никогда не смогу. Поэтому я сделаю все возможное для того, чтобы вернуть его себе. Илья прав: Максим мой. Всегда был моим. И я сделаю все для того, чтобы мы снова были вместе. Я уничтожу любого, кто встанет на моем пути.

Он женится? Плевать. Разведётся. Олейникова мне не соперница. Однажды он уже бросил ее из-за меня. Бросит и второй раз.

После ужина папа и Елена поднимаются на свой третий этаж, а Максим и Ольга уходят в его комнату. Меня же ноги на второй этаж не несут. Не хочу думать о том, что они делают за закрытой дверью. Не хочу представлять их спящими на его кровати. На той, где мы с Максимом проводили каждую ночь перед моим отъездом. На той, где Максим признавался мне в любви.

Я иду в сад и ложусь на свой любимый гамак. Просто тупо смотрю в небо и думаю о том, как несправедлива жизнь. Восемь лет я не жила, а выживала, думая, что Максим меня больше не любит. Восемь лет я была уверена в его предательстве.

Слышу папины шаги. Он тихо садится на стул рядом с гамаком и виновато смотрит на меня.

— Ты не имел права утаивать это от меня, — говорю ему бесцветным голосом.

— Я не утаивал. Ты не спрашивала о нем, я и не говорил. Ты могла бы приехать и сама все узнать, но ты не хотела.

— Ты сказал мне, что Максим сменил номер телефона, потому что явно не хочет с кем-то общаться. Что я должна была подумать?

— В этом я тебе соврал, да. Это было сразу после того, как мы узнали об аварии, я не хотел тебя беспокоить. Я действительно думал, что ты приедешь на Новый год. Но ты не приехала ни разу за восемь лет, Кристина. И ни разу не спрашивала меня о Максиме. Я думал, он тебе больше не интересен.

Я лишь хмыкаю.

— А ты знаешь, пап, что со мной творилось, когда я думала, что Максим вычеркнул меня из своей жизни? Ты знаешь, что я чуть вены себе не перерезала? Ты знаешь, что я провалялась в осколках зеркал несколько часов не в силах встать с пола? Ты знаешь, что меня в США хотели в психушку посадить, потому что думали, что у меня суицидальные наклонности? А они ведь у меня и правда были. Каждый раз, когда я приезжала в Нью-Йорк и поднималась на смотровую небоскрёба Empire State Building, я думала, что не будь тут решетки, я бы с удовольствием сорвалась вниз. Именно так я представляла себе свою идеальную смерть: прыжок с Empire State Building. И все почему? Потому что ты мне наврал о том, что Максим поменял номер телефона, а после не рассказал правду.

Я повернула голову на отца. В его глазах читалось чувство вины.

— Я верну себе его, пап. Чего бы мне это ни стоило.

— Не лезь в чужую семью, Кристина. Прошло восемь лет, Максим уже давно счастлив с другой девушкой, они женятся, у них семья. Не смей разбивать чужую семью. Лучше создай свою. Да, я виноват, что не сказал тебе ничего. Но ты могла быть хоть раз приехать.

Я медленно встаю с гамака и подхожу к отцу. Он поднимается со стула. Мы стоим очень близко друг к другу и смотрим прямо в глаза.

— Я верну себе Максима. И только попробуй мне помешать.

Папе явно не нравится мой тон.

— Не смей. Лезть. В чужую. Семью, — цедит мне каждое слово. Я лишь громко смеюсь.

— А то что? Не отдашь мне компанию? Лишишь меня наследства? Я знаю, что фирма в полной заднице, Токарев-младший рассказал мне. И я правда в шоке от того, что ты довёл ее до такого состояния. Ты ничего мне не сделаешь, папа, потому что прекрасно понимаешь, что если не я, то твой «Капитал-Строй» просто обанкротится. Я нужна тебе, как воздух, поэтому теперь все будет так, как я скажу, а не ты!

Отец сглатывает, но ничего не отвечает мне.

— Я сотру в порошок любого, кто попытается помешать мне быть с Максимом, папа. Даже тебя.

— Что они там с тобой сделали в этом Гарварде? В кого они тебя там превратили, что ты говоришь такие вещи даже родному отцу?

— Вероятно, они сделали меня той, кем ты хотел, чтобы я стала.

— Нет, Кристина. Я просто хотел, чтобы ты получила хорошее бизнес-образование. Но они превратили тебя в хищную стерву, способную идти по головам, угрожать родному отцу и разбивать чужие семьи.

Мой смех уже похож на истерический.

— Хищная стерва? Приму за комплимент.

Я разворачиваюсь и ухожу в дом. Быстро поднимаюсь по ступенькам и залетаю в свою комнату, успев заметить щелку света из спальни Максима. Я захлопываю свою дверь и просто сползаю по ее обратной стороне.

Вот теперь можно снять с себя броню и дать волю слезам.

Глава 6. Мы обязательно будем вместе

Этой ночью я почти не сплю. Сначала я несколько часов прорыдала в подушку, но потом все же взяла себя в руки и стала думать, что делать дальше. Нет смысла сейчас посыпать голову пеплом, винить отца за то, что не сказал правду, или винить себя за то, что не приезжала. Что сделано, то сделано. Восемь лет безнадежно потеряны. Теперь надо думать, как выкручиваться из сложившейся ситуации, и не потерять еще восемь лет. А то и больше.

Сейчас я абсолютно уверена в том, что Максим любил меня по-настоящему. Да, когда я уезжала, он ставил мне ультиматум, угрожал расставанием, но это было потому, что он боялся меня потерять, не хотел отпускать меня от себя. К тому же такие поцелуи, нежные прикосновения и признания в любви, которые он мне дарил — нельзя подделать. Максим меня любил. И как я только посмела сомневаться в этом?

Но произошла авария, и он меня забыл. Вопрос: может ли перестать любить сердце того, кого забыл мозг? Мне хочется верить, что нет. Мне хочется верить, что чувство любви ко мне жило в Максиме, несмотря на то, что его голова меня больше не помнила.

В какой-то момент ему под руку подвернулась Олейникова, утешила, приласкала, наверняка наплела ему об их большой школьной любви, вот он с ней и остался. Что-то я сильно сомневаюсь, что она ему рассказала о произошедшем на нашем школьном выпускном. А, возможно, она вообще ему про их школьные отношения ничего не рассказывала, будто они были просто одноклассниками и все. В общем, это и не столь важно.

А важно другое. Мог ли он ее полюбить за столько лет? Боюсь, что мог. Меня не было и про меня ему никто не рассказывал, а она всегда была рядом. Если он был с ней все эти годы, с самого момента выхода из больницы и встречи в университете, то это не просто так. Семь лет не живут с человеком, которого не любят. И уж тем более на нем не женятся.

А вот это уже настоящая проблема...

И что мне делать?

Просто прийти к Максиму и сказать «Мы с тобой любили друг друга, но расстались на восемь лет из-за дурацкого стечения обстоятельств» — не вариант. Его это, скорее всего, только отпугнёт. Возможно, у меня будет шанс, если Максим каким-то чудесным образом сам все вспомнит. Но надежда на это очень призрачная. Если он не вспомнил всё за столько лет, то с чего вдруг он возьмёт и вспомнит сейчас?

И еще один очень важный момент. Забыл ли он нашу первую встречу в детстве? Елена сказала, что он не помнит некоторые отрезки из детства. Входит ли лагерь на Волге в их число? Как бы мне ни было страшно признаваться в этом самой себе, но, скорее всего, Максим забыл и нашу детскую встречу. Он и так не помнил ее, когда приехал в «Золотой ручей», он не узнал меня, пока я ему сама не подсказала. А если учитывать тот факт, что Максим вспомнил меня в детстве в тот период своей жизни, который сейчас он забыл, то, наверное, он забыл и лагерь.

Господи, как же все сложно...

Я в растерянности. Я не знаю, как мне его вернуть. Просто подружиться с ним и ждать, пока он снова в меня влюбится? А если не влюбится? Что если он действительно любит Олейникову?

Черт, черт, черт!!!!

Ладно, в данном случае, наверное, лучше всего действовать по ситуации. Сначала нужно просто наладить с ним нормальное общение. А то вчера на кухне отец и Елена столько раз сказали, что я никогда не спрашивала про него и никогда не интересовалась его жизнью, что он легко мог подумать, что мне на него наплевать. А если сюда еще добавить, что я восемь лет не приезжала, то именно так все и выглядит со стороны.

Невольно вспомнила слова, которые сказала ему в прихожей, когда он зашёл, и я его обняла. Да, для человека, который ничего не помнит, это, наверное, звучало, как какая-то абракадабра. «Мне жаль, что все так обернулось», «Егор был прав»... вот он офигел, наверное. Он и Егора-то не помнит.

Ставлю будильник на 7 утра и укладываюсь спать. Родители, Максим и Олейникова уезжают завтра с утра, надо с ними позавтракать. И я же совсем на ужине ничего не спросила у Максима о его жизни сейчас... Чем он занимается? Где работает? Что делал все эти восемь лет?

Мой герой... Не знаю, как, но мы обязательно снова будем вместе. Не сегодня, не завтра, не через неделю и, возможно, даже не через месяц. Но однажды этот день настанет. По-другому просто быть не может.

Глава 7. Приглашение в гости

В 7:15 я спускаюсь на кухню и уже слышу голоса. Я не стала краситься, просто расчесала прямые волосы. Оделась в джинсовые шорты и футболку, закрывающую татуировку. Странно будет спускаться на завтрак в джинсах. Хотя они все уезжают на работу и, наверное, одеты, как надо. Перед выходом из комнаты надеваю на запястье браслет, который Максим подарил мне на Новый год. Наконец-то я могу носить его, он мне всегда нравился. Но сначала Максим меня отверг, потом я думала, что он меня предал, вот и не носила украшение. Теперь мне уже ничего не мешает. К тому же Максим все равно его не помнит.

— Доброе утро, — говорю всем с улыбкой, заходя на кухню.

— Доброе утро, — отвечают мне все в один голос.

Сажусь на вчерашнее место ровно напротив Максима. Он мне улыбается и снова начинает пристально меня разглядывать. Пока домработница накладывает мне кашу и делает капучино, Максим скользит глазами по моему лицу, волосам, шее, рукам, задерживает взгляд на браслете и слегка щурится. Потом хмурится. Потом от браслета поднимает взгляд на мое лицо и смотрит ровно в глаза.

Интересно, о чем он сейчас думает?

— Максим, а чем ты занимаешься? Где работаешь? — спрашиваю, когда домработница удаляется.

— Я год назад основал свою юридическую компанию.

Я в искреннем удивлении поднимаю бровь.

— Интересно. На чем специализируется твоя компания?

— В принципе, фирма предоставляет все виды юридических услуг, но лично я занимаюсь финансовым правом, а также сделками слияний и поглощений. В том числе международных.

Да, мой герой. Я узнаю тебя. Ты потерял память, но остался верен себе и своим мечтам.

Засовываю в рот ложку каши, Максим отхлёбывает кофе. Мы не прерываем зрительного контакта. Олейникова сидит с кислым лицом, папа с виноватым, Елена с радостным.

— А ты ездил учиться в Швейцарию, как планировал?

— Да. Последние два года бакалавриата я учился в Женеве. — Он на мгновение замолчал, а потом подозрительно спросил. — А ты откуда знаешь, что я планировал учиться в Швейцарии?

— Ты сам мне об этом говорил, но не помнишь, — и слегка улыбаюсь ему. — А где находится офис твоей юридической фирмы?

— В «Москва-Сити».

— Ого! — Я не скрываю своего искреннего изумления. — Вот это да, молодец! В какой башне?

Он смущенно улыбается.

— Башня «Федерация». 71 этаж.

— Круто, Максим. Поздравляю, — и я говорю это от всей души.

— Спасибо. Если хочешь, приезжай в гости, покажу офис.

Я замерла. Наверное, даже перестала дышать. Смотрю ему внимательно в лицо. Он серьезен, лишь слегка улыбается уголками губ.

— С удовольствием бы посмотрела, — буквально выдыхаю.

Он кивает.

— Запиши мой номер телефона. Позвони, когда захочешь приехать, я тебя встречу.

Я тут же хватаю свой смартфон и записываю цифры, которые он диктует. Сохраняю номер и сбрасываю ему звонок. Он тоже сохраняет мой контакт.

Олейникова аж позеленела.

— Кристина, расскажи нам, а как ты жила в Америке? У тебя есть парень? — Спрашивает меня она.

Максим уже отложил в сторону свой телефон и внимательно на меня смотрит.

Я пожала плечами.

— Я училась все восемь лет, Оля. Сначала были четыре года бакалавриата, потом два года магистратуры, потом еще два года МВА. Летом я стажировалась в различных американских компаниях. Преимущественно в антикризисных подразделениях. Также на тему антикризисного менеджмента я защищала выпускную работу в бакалавриате, потом магистерскую диссертацию, а затем и проектную работу в МВА. Меня взяли работать в крупнейшую строительную компанию США — U.S. Development, но я была вынуждена отказаться, потому что папа сказал, что я нужна ему в нашей фирме. Собственно, поэтому я и вернулась. А парня у меня нет.

И я делаю глубокий глоток кофе.

— Кристиночка, — вмешивается Елена, — а Игорь говорил, что у тебя есть молодой человек в Америке. Кажется, Майкл, зовут, да? — И она с немым вопросом обернулась к отцу, мол, «Я ничего не путаю?».

В этот момент я перехватила взгляд Максима. Он слегка нахмурился.

— Мы расстались перед моим возвращением в Россию.

— Очень жаль, — она искренне погрузилась, — твой папа его хвалил.

Я лишь пожала плечами. Да и что на это ответить? «Елена, я люблю вашего сына, и никакой Майкл мне его не знаменит»?

— А сколько вы были вместе? — Спросила меня Олейникова.

Вот для чего ей эта информация?

— Два года.

— Приличный срок. И ты легко рассталась с ним и вернулась в Москву?

Сучка.

— Да.

Она хмыкнула.

— Узнаю тебя, Кристина.

Тварь.

Максим странно сверлит меня взглядом. Сейчас как-то исподлобья и совсем без улыбки. Что же творится в его голове?

— Кристина, — подал голос отец, — а что у тебя с Токаревым-младшим?

Я застыла. Вот это он сейчас к чему публично спрашивает? Наедине не мог поинтересоваться?

— В каком смысле, пап? Не очень понимаю твой вопрос.

— Ну, я так понял, ты с ним очень тесно общаешься.

— Да.

— И что означает ваше столь тесное общение? Вы друг другу кто? — Отец пристально на меня смотрит. Мстит мне за вчерашнее такими вопросами при посторонних? Похоже на то.

— Мы с Ильей вместе учились. Помогали друг другу, когда кому-то из нас было тяжело. Вот и все.

Нельзя говорить отцу, что мы друзья. Прицепится к тому, что я дружу с конкурентами. Нельзя говорить, что мы любовники. Во-первых, это не так. Во-вторых, не нужно, чтобы Максим думал, что у меня много мужчин. Достаточно того, что Елена ляпнула про Майкла. Нельзя говорить, что мы с Ильей друг другу никто. Это будет предательством с моей стороны.

Отец поджал губы и больше не произнёс ни слова.

После завтрака родители и Максим с Ольгой собрались уезжать. Я пока предоставлена сама себе, выходить в компанию отец меня не торопит. Да я и сама пока не готова. Хочу

немного отдохнуть после бесконечной учебы на протяжении восьми лет. К тому же нужно заняться одним важным делом.

Я вышла проводить их в коридор. Поцеловала в щеку отца и Елену, кивнула Олейниковой. Хотела просто кивнуть и Максиму, но он неожиданно склонился ко мне и приобнял за плечи.

— Буду ждать тебя, — прошептал мне на ухо так, чтобы никто не услышал, и слегка коснулся губами моей щеки.

Сердце пропустило удар, по телу прошёл разряд тока. Кажется, Максим тоже слегка дернулся. Затем он быстро отстранился и на секунду внимательно посмотрел мне в глаза, как бы спрашивая «Хорошо?». Я закрыла и открыла глаза, отвечая ему «Да».

К счастью, Олейникова уже вышла из дома и направилась к машине, поэтому не видела этой картины. А вот отец заметил.

Когда все ушли, я еще долго стояла в коридоре положив ладонь на то место, которого коснулись губы Максима. А когда наконец очнулась, все еще в недоумении направилась в свою комнату и стала собираться.

Глава 8. Мама и подруга

Я выгоняю из гаража свою старую Audi и уезжаю из Золотого ручья. Папа до сих пор не продал мою машину. Спасибо ему за это. Уже вышла более новая модель, но мне нравится и моя. Не хочу менять автомобиль, хотя ему уже лет десять.

Я останавливаюсь у цветочного магазина, покупаю большую охапку белых роз, которые так любила мама, и еду к ней на кладбище.

— Здравствуй, мамочка, — тихо говорю я, касаясь рукой памятника. — Прости, что не навещала тебя так долго.

Могила чистая, ухоженная. Я знаю, что папа следит за ней и приезжает сюда, когда есть время. Я положила цветы на землю и присела на лавочку рядом. Я не была на ее могиле восемь лет. По щекам потекли слезы.

Я всматриваюсь в мамино лицо на памятнике и вспоминаю свадьбу отца с Еленой. Именно на ней мне пришла в голову мысль, что мама пожертвовала своей жизнью ради моей повторной встречи с Максимом. Ведь, если бы она не умерла, отец никогда не женился бы на Елене, и мы с Максимом никогда бы не нашли друг друга вновь. Я помню, что он не согласился с мной, когда я ему об этом рассказала, но я все равно уверена в своих мыслях.

Я встаю с лавочки и присаживаюсь на коленях возле памятника. Обвиваю его руками и говорю:

— Твоя смерть не будет напрасной, мама. Обещаю. Ты подарила мне встречу с моим героем, и я обязательно буду с ним. И однажды я приду к тебе сюда с нашими детьми. Они будут знать, кто их бабушка. Я люблю тебя, мамочка.

Я целую памятник и, утирая слезы, иду к машине.

Через час я подъезжаю к Викиному дому. Паркую машину у ворот в ЖК, набираю код, который до сих пор помню наизусть, и захожу во двор. Подхожу к подъезду, снова набираю цифры, и вхожу внутрь. Поднимаюсь на лифте на последний этаж и звоню в дверь.

Мне открывает их старая домработница — Людмила Николаевна. Уже тогда она была женщиной в годах, а сейчас и того сильнее постарела.

— Кристина! — Ахнула она. — Это ты? Проходи, деточка.

Я вошла внутрь и оказалась в такой знакомой и родной гостиной с выходом на большую террасу, с которой по ночам открывается изумительный вид на Москву.

— Как ты изменилась! Настоящая взрослая девушка теперь! — Приговаривает Людмила Николаевна, усаживая меня на диван в гостиной.

— Здравствуйте, Людмила Николаевна, — широко улыбаюсь ей. Это очень хорошая добрая женщина, которая никогда не выдавала Викиным родителям наши с ней детские проделки. Будь то разбитая дизайнерская ваза, которые коллекционировала Викина мать, или случайно устроенный пожар на кухне, потому что мы с Викой решили поиграть в «Ресторан».

— Как ты, Кристиночка? Как Америка? Ты в гости или уже навсегда домой?

— Навсегда. Я закончила учебу и вернулась.

— Какая ты умничка!

— Вики нет дома? — Задаю интересующий меня вопрос.

Людмила Николаевна тяжело вздохнула.

— Вика тут уже давно не живет.

— А где она?

Людмила Николаевна развела руки.

— Никто не знает.

— То есть как? — Я искренне удивилась.

— После того, как ты уехала, Вика очень замкнулась в себе. Приступов не было, но она почти перестала общаться. Она поступила в институт, но связалась там с дурной компанией. Стала много пить, употреблять запрещённые вещества. С родителями дома начались проблемы. А ты ведь сама знаешь, что, прости Господи, отношения с ними у Вики никогда не ладились. В общем, в какой-то момент Вика собрала вещи и уехала к сожителю. Институт она бросила, с родителями общаться перестала, никогда больше сюда не приезжала. А они ее и не искали. А потом и вовсе Степановы развелись, и сейчас у Викиного отца новая молодая хозяйка в этом доме. А недавно у них родился ребенок. — И Людмила Николаевна недовольно поджала губы.

Я сидела и молчала. У меня не было слов.

— И у вас нет идей, как можно найти Вику? — наконец выдавила я из себя.

Она покачала головой.

— Нет, к сожалению. Тот номер телефона, который был у Вики, уже давно не работает.

Я посидела с Людмилой Николаевной еще какое-то время, рассказала ей о своей жизни на протяжении этих лет и поехала домой, испытывая острое чувство вины за то, что произошло с подругой. Я не имела права так ее предавать.

Дома папа со мной почти не разговаривал. Обижался. Хотя на самом деле это я должна на него обижаться.

— Кристина, когда ты планируешь выходить на работу? — Спросил у меня через пару дней.

— А когда надо?

— Вчера.

Дела в компании настолько плохи?

— Хорошо, завтра после обеда буду.

Я поднимаюсь в свою комнату и долго в нерешительности верчу в руках телефон. К Максиму надо ехать завтра утром, другого времени не будет, если я выйду в компанию. Звоню ему и зажимаюсь от страха. Он отвечает после третьего гудка.

— Привет, Кристина, — говорит он мне ровным голосом и, мне почему-то показалось, что он улыбнулся на том конце провода.

— Привет, Максим. Не отвлекаю?

— Нет, все в порядке. Как твои дела?

— Спасибо, хорошо, осваиваюсь дома. Твои как?

— Тоже хорошо, работаю.

Я секунду помедлила.

— Тебе будет удобно, если я приеду завтра утром?

— Да, до трех часов я свободен. Потом нужно будет уехать к маме в вашу компанию.

— Я тоже во второй половине дня должна буду приехать к отцу. Пора выходить на работу. Могу тебя подвезти.

— Было бы отлично, — и мне снова показалось, что он улыбнулся.

— Тогда во сколько мне будет лучше подъехать? Сколько времени может занять экскурсия по твоему офису?

— Экскурсия много времени не займёт. Максимум час. Но, если хочешь, перед тем, как уехать в «Капитал-Строй», можем еще пообедать вместе.

Я замерла.

— Да, давай. Отличная идея.

— Тогда приезжай к 11 утра. Я закажу на тебя пропуск. Башня «Федерация», 71 этаж. Перед тем, как зайти в лифт, позвони мне, я выйду на этаж и встречу тебя.

— Хорошо, Максим, — я улыбнулась. — До завтра.

— До завтра, Кристина.

И мы повесили трубки.

Я закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула. Кажется, Максим очень охотно идёт на контакт со мной. Впрочем, он всегда был готов нормально общаться. Это я, когда он только приехал, воротила от него нос. Дура.

Глава 9. Экскурсия

На следующий день я надеваю деловое чёрное платье чуть выше колен и с короткими рукавами, на ногах чёрные лаковые шпильки. Волосы завиваю в легкие кудри, подвожу глаза светлыми тенями и стрелками, выделяю румянами скулы, губы крашу любимой красной помадой. Как же давно я так не одевалась! Даже соскучилась. Восемь лет проходила в Америке в джинсах и кроссовках.

В 10:50 я захожу в здание, получаю пропуск и возле лифтов звоню Максиму. Он отвечает тут же.

— Привет! Ты уже приехала?

— Привет. Да, жду лифт.

— Хорошо, выхожу.

Когда я поднимаюсь на 71 этаж, Максим уже меня ждёт.

— Привет. — Снова здоровается и окидывает меня взглядом, а затем слегка приобнимает за талию и целует в щеку. На Максиме очень красивый чёрный костюм, белая рубашка и галстук.

— Привет. — Я едва касаюсь губами его щеки, чтобы не оставить след от помады.

Это длится от силы несколько секунд, но ощущение, что все происходит в замедленной пленке. Взмах его ресниц, резко расширяющиеся на моих глазах зрачки, движение ладони по моей талии, прикосновение горячих губ к щеке. Сейчас он поцеловал меня сильнее, чем тогда дома, когда уходил и прошептал, что будет ждать меня.

На мгновение мне показалось, что он слегка склонился к моим волосам и вдохнул запах. Я все эти годы не меняла ни парфюм, ни средство для волос. Я по-прежнему пахну сладкой розой с примесью жасмина. Но он все равно не помнит эти ароматы, которые когда-то очень любил.

— Пойдём, — сказал он мне с улыбкой, когда отстранился, и повёл меня за матовую стеклянную дверь. — Тут сидят рядовые сотрудники, — он обвёл рукой опен спейс.

Довольно большой зал, со множеством столов и компьютерами в ряд. Вместо стены — большое окно, с которого открывается вид на другие башни «Москва-Сити» и Москву с 71 этажа. По нему снуют туда-сюда молодые люди в брюках и рубашках, девушки в платьях или же тоже в костюмах.

Мы прошли опен спейс и повернули направо.

— Тут переговорные комнаты, — он указал на несколько помещений со стеклянными стенами и дверями. За ними виднелись круглые или прямоугольные столы, доски, на которых можно что-то писать, кулеры с водой, кофе-машины, а рядом с ними небольшие белые кружки с блюдами. В одной из таких переговорок как раз шла встреча. Три деловые женщины лет за 40 что-то бурно обсуждали с двумя мужчинами.

Мы прошли дальше.

— Тут кухня для сотрудников, — Максим завёл меня в нее.

Довольно большое пространство с красивым коричневым гарнитуром, несколькими раковинами, кулером, тремя чайниками, двумя кофе-машинами и двумя холодильниками. Столы и стулья красивого светло-коричневого цвета. Несколько человек как раз сидели завтракали и непринуждённо общались. Увидев Максима, они слегка засмутились и снизили голоса на несколько тонов.

Боятся начальника?

— Я противник жесткого рабочего дня с 9 до 6 или с 10 до 7, а также обеда в строго отведённое время. — Тихо пояснил мне Максим. — Каждый сотрудник сам выбирает удобный для него график. Завтраки, обеды и ужины в офисе тоже, кто когда сам захочет. Очень многие

ребята сильно перерабатывают, поэтому время приёма пищи я так же не ограничиваю. Вообще, я сторонник гибкого графика. Мне не важно, во сколько человек пришёл на работу или ушел. Для меня главное, чтобы вся работа была сделала четко и ровно в срок, а на любой мой вопрос по тому или иному делу я мог получить ответ моментально.

Я аккуратно повернула на него голову и улыбнулась.

— А ты хороший начальник, Максим Алексеевич.

Он тихо засмеялся.

— Очень бы хотелось, чтобы это было так.

Мы вышли из кухни и пошли дальше. Перед нами предстали несколько комнат также со стеклянными стенами. За ними виднелись диванчики и столы для пинг-понга.

— Это комнаты отдыха для сотрудников. Иногда от канцелярского бюрократического языка мозг закипает, особенно под вечер. Тогда ребята могут сюда прийти и немного отдохнуть, чтобы с новыми силами вернуться к работе. Тут же некоторые сотрудники за игрой в пинг-понг обсуждают дела вместо того, чтобы идти в переговорку. В расслабленной обстановке проще найти решение сложным задачам.

— Это очень правильно. Я давно еще говорила отцу, чтобы он сделал комнаты отдыха в «Капитал-Строе».

Мы прошли дальше и перед нами показались четыре деревянные двери.

— Это кабинеты моих заместителей, — указал он на первые три.

— Кто твои замы?

— Мои однокурсники, в способностях которых я не сомневался ни разу за все время совместной учебы. А это моя приемная, — указал он на четвертую дверь и повёл меня за нее.

На нас тут же повернула голову ухоженная девушка лет тридцати пяти. Видимо, это его секретарша.

— Максим Алексеевич, — сходу начала она, — пришли документы вам на подпись. Есть несколько срочных командировок, которые вы должны завизировать.

— Чуть попозже, Катя, — сказал он ей и провёл меня через всю приемную к следующей двери, — а это мой кабинет, — обратился уже ко мне и открыл дверь.

Я прошла и искренне восхитилась. Большое помещение, метров, наверное сорок. За массивным деревянным столом и кожаным креслом окно на всю стену, за которым также открывается вид на башни и Москву. Компьютер у Максима MAC фирмы Apple. У противоположной стены два дивана стоят друг напротив друга, между ними журнальный столик. У другой стены массивный стеллаж. Я подошла к нему ближе и увидела очень много виниловых пластинок, а рядом и проигрыватель.

— Слушаешь винил? — Удивилась я.

— Да. Открыл его для себя несколько лет назад.

Я подошла к окну за столом Максима и посмотрела на открывающийся вид. Шикарно. Работать в такой обстановке, наверное, — одно удовольствие. Интересно, где Максим взял деньги на открытие собственной фирмы и аренды такого офиса? Попросил у моего отца? Или взял кредит в банке? Поинтересуюсь потом аккуратно у папы.

Я, видимо, слишком засмотрелась на пейзаж с 71 этажа, потому что очнулась, только когда почувствовала, что Максим подошёл ко мне сзади вплотную. Я резко обернулась, и мы с ним оказались лицом к лицу. Между нами, наверное, сантиметров десять, максимум пятнадцать.

— Кристина, — тихо начал он почему-то хриплым голосом, — у меня к тебе несколько вопросов. Отвечай, пожалуйста, честно.

От такой близости Максима мне стало немного не по себе. Я посмотрела ему в глаза и снова заметила, что у него расширяются зрачки.

— Хорошо, — буквально выдохнула севшим голосом.

Не прерывая зрительного контакта со мной, он спросил:

— Ты помнишь нашу первую встречу? Не ту, что была девять лет назад, когда я приехал в Москву. А другую. Самую первую.

Чувство адреналина резко разлилось по моей крови, сердце бешено заколотилось. Этого просто не может быть... Он помнит...? Я молчу, продолжая смотреть на него немигающим взглядом. Отчего-то резко стало не хватать воздуха.

— Ты ведь та самая девочка из детского лагеря, которую я спас на пирсе, когда ее хотели бросить в воду? Я сразу узнал тебя, когда зашёл в дом и посмотрел в твои большущие синие глаза. Это ты, Кристина.

— Да, — тихо выдохнула ему. — Но как ты меня до сих пор помнишь, Максим? Прошло 19 лет.

— Тихая, кроткая девочка из лагеря снилась мне на протяжении всех этих гребанных восьми лет.

И он сделал небольшой шаг по направлению ко мне. Я была вынуждена отступить назад, но уперлась в стекло. Максим нависает надо мной, скользит по моему лицу взглядом, дышит тяжело. Он напряжен.

— Второй вопрос, Кристина. Мы с тобой девять лет назад, когда я приехал, узнали друг друга?

— Да. Но не сразу.

— Как это произошло? Как мы вспомнили друг друга?

Я замерла. Рассказать ему правду? Про то, как он спас меня в темном дворе? Про то, как мы ушли с выпускного, а потом целовались на Патриаршем мосту, где я помогла ему узнать меня?

— Я узнала тебя раньше. Мы с тобой занимались у одного репетитора по английскому. Мы уходили от нее поздно вечером, когда уже было темно, а она жила в мрачном районе. За мной увязались три каких-то придурка, а ты меня от них защитил. Вырубил их своими каратистскими приемами. В этот момент я тебя вспомнила.

— А как тебя вспомнил я?

Я тяжело сглотнула.

— Я помогла тебе. Это было намного позже после того, как тебя вспомнила я, за два месяца до моего отъезда. Мы гуляли ночью по Москве, и я спросила, неужели ты не помнишь нашу самую первую встречу. И тогда ты меня вспомнил.

Он продолжает тяжело дышать. Я уже вжалась в стекло, но Максим, кажется, не намерен отходить от меня.

— Третий вопрос. Я помню, что маленькая девочка из лагеря очень хотела, чтобы мы с ней снова встретились. Она обещала, что будет с нетерпением меня ждать. Тогда почему, когда мы снова нашли друг друга и ты меня узнала, ты не разговаривала со мной, всячески меня игнорировала, а когда уехала в Америку ни разу за эти проклятые восемь лет не позвонила мне, не написала, не спросила у родителей, как мои дела, и не приехала домой?

Он загнал меня в угол. В горле уже пересохло. От его близости катастрофически не хватает воздуха.

— Это слишком сложно, Максим, — тихо ответила ему. — Это слишком-слишком сложно...

— Ничего, я постараюсь понять.

Я молчу. Что я должна сказать? Правду? «Мы с тобой любили друг друга, но я подумала, что ты меня бросил»? «Отец наврал мне, что ты поменял номер телефона, и я подумала, что это из-за меня»? Кажется, на мои глаза стали наворачиваться слезы, потому что голос задрожал.

— Это не совсем правда, что мы с тобой не общались. Просто твоя мама не знала об этом и думала, что мы игнорируем друг друга. И я звонила тебе из Америки, когда только приехала

туда. Но твой телефон был выключен, и отец сказал мне, что ты сменил номер. Он не сказал, что с тобой произошло на самом деле. Я подумала, что раз ты не сообщил мне свой новый телефон, ты не хочешь больше со мной общаться. А не приезжала я, потому что мне было не к кому приезжать. Меня тут никто не ждал, Максим.

— Даже я? — Тихо выдохнул он.

— Я так думала. Прости.

Он больше ничего не сказал. Тяжело сглотнул и резко от меня отвернулся, отошёл на несколько шагов и замер, сильно сжав кулаки. А я так и осталась стоять, будто прилипла к стеклу.

— В твоём присутствии меня накрывает дежавю, — прохрипел он, — дебильное чувство.

— Я знаю. Девять лет назад оно у меня тоже было. До того, как я вспомнила нашу первую встречу в детстве.

Максим разжал ладони, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Постепенно его спина расслабилась, он снова ко мне обернулся и спросил уже невозмутимым голосом:

— Пообедаем?

Глава 10. Подставная девушка

Обедать мы спустились на 60 этаж башни «Федерация» в ресторан «Sixty». Довольно дорогое пафосное место. Егор водил меня сюда несколько раз, когда мы встречались. Максим сейчас держится вполне невозмутимо. Будто не стоял ко мне в упор и не вжимал меня в стекло 20 минут назад. Надо сказать, было мало приятного. То и дело меня одолевал страх, что окно каким-то образом треснет, и я сорвусь вниз. Смерть моей мечты — по-прежнему прыжок с Empire State Building, но никак не падение из кабинета Максима.

Однако когда принесли салат, я уже полностью владела собой. Да, я действительно научилась быстро брать себя в руки даже в присутствии Максима — человека, рядом с которым ни один мой приём никогда не работал.

— Расскажи, как ты жил эти восемь лет? — Спросила я его, отправляя в рот кусочек тунца.

Он пожал плечами.

— Первые полгода после твоего отъезда я провёл в больницах. В конце января меня наконец выписали и в феврале после каникул я вышел на учебу. Было очень тяжело, пришлось закрывать всю первую сессию. Преподаватели шли навстречу, зная о моей ситуации, но все равно требовали не мало. Где-то в марте столкнулся в коридоре университета с Олей. Она ко мне подошла поздороваться, а я ее не узнал. Рассказал, что со мной произошло. Мы стали общаться. Она пыталась помочь мне вспомнить, но я так и не смог. Потом мы начали встречаться. На третьем курсе я уехал в Женеву, а она осталась в Москве. Мы продолжали отношения на расстоянии. После бакалавриата я поступил там же в Женеве в магистратуру и пошел работать юристом в один швейцарский банк. Так прошли еще два года. Я заработал неплохую сумму и вернулся в Россию. Год работал юристом по финансовым сделкам в одной крупной адвокатской фирме, а еще через год основал свою. Половина необходимых денег для этого у меня уже была, вторую половину взял в банке.

Я про себя хмыкнула. Значит, с Олейниковой на отношения на расстоянии он согласился, а со мной не хотел. Неужели действительно полюбил ее?

— А что говорят врачи? Есть шанс, что память к тебе все-таки вернется?

— Все эти восемь лет они упорно твердят, что шанс есть. Сначала я им верил и надеялся, но уже нет. Да в общем-то, мне теперь и не важно, что тогда было. Столько лет прошло. Мне сейчас 26 лет, а то был 11 класс в школе. Что там вспоминать? Уроки? ЕГЭ? Выпускной? Пофиг на это.

Я сглотнула. Знал бы ты, Максим, как прошёл твой выпускной.

— А Оля тебе рассказывала про наш школьный выпускной? — Аккуратно интересуюсь.

— Да, и Оля, и мама рассказывали. Мы там с тобой вроде стали королем и королевой бала. Детский сад. Ну а потом был какой-то ресторан.

— А про ресторан что тебе рассказывали?

Он пожал плечами.

— Особо ничего. А что там такого интересного могло произойти, что мне обязательно нужно это помнить? — И он неожиданно поднял на меня глаза и в упор посмотрел.

Значит, Олейникова ему умолчала об их расставании и о том, что мы вместе ушли оттуда. Какая же сучка. Секунду смотрю ему в глаза, а потом иду ва-банк.

— В эту ночь ты вспомнил нашу детскую встречу.

Максим выронил вилку, и она со звоном ударилась о тарелку.

— А вот с этого момента поподробнее, Кристина, — его голос снова захрипел.

Я продолжаю внимательно на него смотреть, медленно дожевывая салат. Максим снова напрягся, желваки на его щеках дернулись.

— Мы ушли с тобой из ресторана и пошли гулять по ночной Москве. И тогда я помогла тебе вспомнить нашу первую встречу.

Он удивлён. Откинулся на спинку стула, все еще продолжая сверлить меня взглядом.

— Как видишь, это не правда, что мы с тобой совсем не общались, — тихо продолжаю. — Мы общались, Максим. И общались бы до сих пор, если бы отец не соврал мне о том, что ты поменял номер телефона.

— Зачем он это сделал?

— Говорит, что не хотел меня беспокоить, когда я не смогла до тебя дозвониться по приезду в Америку.

Максим сделал глоток воды.

— Ты ведь могла приехать, Кристина... Хоть раз.

— Я объяснила тебе в твоём кабинете, почему не приезжала. — И мгновение помедлив, добавила. — А ты, Максим? Ты хоть раз интересовался жизнью своей сводной сестры? Ты хоть раз спрашивал у родителей, как мои дела? Я понимаю, что ты меня не помнил, но все же ты мог хотя бы раз поздравить меня с днем рождения?

Он тяжело опустил веки и быстро задышал. А когда открыл, выдал из себя:

— Я хотел, Кристина. Но мне все вокруг говорили, что ты меня ненавидела. Не общалась со мной, презирала меня, игнорировала. Я ходил однажды в нашу школу на встречу выпускников. Про тебя там все говорили, как про очень надменную девушку, которая не умеет проигрывать. Но также они сказали, что ты проиграла мне. Якобы я лучше тебя учился, и тебя это бесило.

— А Алена, Серёжа и Вика были на той встрече выпускников?

— Кто? — Он не понял моего вопроса. — Нет, людей с такими именами, по-моему, там не было. А кто они?

— Это были наши друзья.

Максим удивился.

— Мне никто про них не рассказывал.

— А я смотрю, тебе многое не рассказывали, — хмыкнула я.

Он мне ничего не ответил. Было видно, что Максим растерян. Дальше мы с ним ели почти в молчании, лишь изредка перебрасываясь фразами на отвлеченные темы. Нам принесли счет, Максим расплатился и мы спустились на парковку в мою машину. Ехали мы тоже в тишине. Он был слишком погружён в свои мысли.

— А ты хорошо водишь машину, — прервал он затянувшееся молчание минут через 15 поездки.

— Ты меня научил, — спокойно ответила ему, не отрываясь от дороги.

Я почувствовала, как Максим повернул ко мне голову и пристально посмотрел. Он ничего не успел мне сказать, потому что в этот момент у меня зазвонил телефон. Это Илья.

— Привет, Илюш! — Радостно сказала ему, поставив телефон на громкую связь, чтобы не отвлекаться от трафика, — омела.

«Омела» — это наше с Токаревым кодовое слово, когда мы разговариваем по телефону в присутствии постороннего человека. Оно означает, что рядом находятся лишние уши, поэтому говорить следует осторожно. В таком случае беседа идёт или на темы, которые можно знать чужим людям, или же вовсе мы договариваемся созвониться в другой раз.

Этот пароль был у героев фильма «Четыре рождества». Если кто-то из них его называл, это означало, что нужно сваливать. Мы с Ильей однажды посмотрели это кино и как-то так получилось, что тоже стали использовать это слово.

— Привет, красотка! Как дела?

Судя по тому, что он не сливается со звонка, значит, разговор пойдет о том, что можно знать постороннему человеку.

— Хорошо, осваиваюсь потихоньку. Ты как?

— Я в порядке. Ну что, как тебе Родина восемь лет спустя? Приняла тебя? — Смеётся.

— Пока непонятно, — тоже тихо смеюсь.

— На работу уже вышла?

— Вот как раз еду. Сегодня будет первый рабочий день у меня.

— Понял. Крисси, у меня к тебе будет просьба. Очень надеюсь, что ты меня выручишь.

— Какая?

— Тут такое дело. Моя первая школьная любовь, которая разбила мне сердце, выходит замуж и пригласила меня на свою свадьбу. Сходишь со мной под видом моей девушки?

Я в голос засмеялась.

— Илья, ну что за детский сад?!

— Крисси, не смейся! Для меня это важно. Пожалуйста, прикинься моей девушкой на один вечер! Очень прошу тебя.

— Ну зачем, Илья?

— Хочу утереть ей нос. Представь, я приду весь такой крутой из Гарварда под руку с офигенной красоткой. Пусть видит, кого она потеряла!

Я снова засмеялась.

— Илюш, ты до сих пор ее любишь что ли?

— Нет, конечно. Но в школе она мне нервы изрядно потрепала. Я весь десятый класс стоял у нее под подъездом с букетами в зубах, а она все равно меня бросила и стала встречаться с каким-то придурком из параллельного класса. А у меня до конца школы так больше девушка и не появилась. Представь, каким я лузером выглядел? А сейчас она вообще меня на свою свадьбу пригласила. И если я приду туда один, то снова буду, как лузер. Подумает еще, что так и не смог себе никого найти после нее.

— Ну так не ходи тогда на ее свадьбу!

— Нет, Крисси, я хочу пойти.

Я закатила глаза.

— А когда эта свадьба хоть?

— В первую субботу сентября.

— Пффф, Илья, еще куча времени. Может, найдёшь себе настоящую девушку и сходишь с ней?

Он вздохнул.

— Ну так ведь нужна не просто какая-нибудь девушка, а умная, крутая, офигенная красотка. Как ты. А такую быстро не найдёшь.

Я снова засмеялась.

— Токарев, немедленно прекрати мне льстить!

— Я не лшу. Я говорю чистую правду. Крисси, ты что, уже забыла, что была одной из самых красивых девушек нашего факультета? Да на тебя половина парней Гарварда облизывалась!

В этот момент мне стало не по себе, потому что я почувствовала, что Максим прожигает меня взглядом. Скосила глаза на него. Он повернул на меня голову и пристально смотрел, плотно сцепив челюсть.

— Крисси, ты тут?

— Да-да, я тут. Я не знаю, Илья. Еще непонятно, какой у меня будет график работы. Я вот только еду в офис. Вообще не знаю, что меня там ждёт. Но, похоже, ты был прав, когда говорил, что дела не очень. Отец совсем не в духе.

— Крисси, ну, пожалуйста! Ну будь ты человеком! Вспомни, сколько раз я прикидывался твоим парнем, чтобы отогнать от тебя какого-нибудь назойливого ухажера? Я тебе ни разу не отказал.

Кажется, Максим тяжело сглотнул. Но Илья говорит правду. Он меня так выручал не один раз.

— И вспомни еще, как мы на какой-то тусовке играли в «Правду или действие» и один твой придурочный поклонник загадал тебе, чтобы ты с кем-нибудь поцеловалась, надеясь, что ты поцелуешь его? Я тебя тогда выручил и поцеловался с тобой!

Твою мать, Токарев, я убью тебя! Сказала же «омела»! Скосила глаза на Максима, он все так же смотрит на меня в упор немигающим взглядом.

— Илюш, ну я же сказала в начале, — назвала ему аккуратно наш второй код. «Я сказал в начале» — это на случай, если кого-то из нас во время разговора при посторонних понесёт не в ту степь.

— Ой, сорри, красotka. Ну так что, выручишь?

Я тяжело вздохнула.

— Ладно, постараюсь. Но точно еще скажу тебе, когда мне станет понятен масштаб работы в компании.

— Хорошо. Буду надеяться, что у тебя все-таки получится. Кстати, Крисси, я наконец-то свалил от предков. Купил себе отдельную квартиру. Приезжай в гости.

— О, круто! Поздравляю! Постараюсь как-нибудь к тебе заехать.

— Можешь даже с ночевкой ко мне приехать. Может, затусим?

«Затусим» означает начать выпивать дома, а дальше, как пойдет. Либо вырубиться на одном диване, либо, если будут силы, все-таки отправиться в какой-нибудь клуб.

Я глубоко вздохнула.

— Илья, ну мы же уже не студенты.

— Но еще и не пенсионеры. Давай, Крисси, я соскучился по тебе и по нашим вечерам.

— Я тоже соскучилась, Илюш...

— Ну так приезжай ко мне и повторим наш классический гарвардский вечер! Ты же как с Майком начала встречаться, так вообще перестала куда-либо ходить. А потом и я уехал из Америки.

— Давай я в ближайшие несколько дней пойму, какой у меня будет график, и мы с тобой тогда договоримся?

— Хорошо.

— Пока можем попробовать поужинать вместе на днях.

— Супер, давай.

— В общем, я тебе в ближайшее время сообщу свое расписание и тогда договоримся обо всех наших встречах.

— Идёт. Ну все, пока, красotka. Люблю тебя.

— И я тебя, Илюш.

Я отключила звонок и посмотрела на Максима. Мгновение он сверлил меня злым взглядом, а потом отвернулся к окну. Восемь лет назад я бы подумала, что он ревнует. А вот что думать сейчас, даже не знаю.

Мы продолжили ехать в гробовой тишине. В какой-то момент она стала слишком неловкой, и я потянулась включить радио, чтобы хоть как-то разрядить обстановку в машине. Но не успела я нажать кнопку, как Максим прервал молчание.

— Это тот самый Токарев-младший, про которого ты сказала своему отцу на кухне, что вы просто вместе учились и все? — Он хмыкнул.

— Да, — я вернула руку с радиопанели назад на руль. — Ты с ним, кстати, знаком, но не помнишь этого.

Мои последние слова про знакомство Максим пропустил мимо ушей.

— Что-то по вашему разговору не скажешь, что вы просто вместе учились, — и он снова повернулся ко мне и пристально посмотрел.

Я пожала плечами.

— У нас с ним такой стиль общения.

— Какой такой?

— На грани.

— На грани чего?

— На грани всего.

Максим нервно засмеялся.

— Он с тобой говорил явно не как с человеком, с которым он «просто учился в Гарварде и все», — он попытался скопировать мою интонацию, — и ты с ним тоже.

Я снова посмотрела на Максима. Что, черт возьми, он сейчас от меня хочет? Какое ему вообще дело до того, как и с кем я общаюсь? Восемь лет назад я бы поняла его придирки к нашему с Ильей стилю. Но сейчас мне они непонятны совсем.

— Максим, — я начала спокойным, но твёрдым голосом, — Если бы мы с Ильей хотели, то уже давно были бы вместе, но это никогда не было нужно ни ему, ни мне. Но тем не менее, Илья Токарев — мой самый близкий человек после отца. Мы с ним многое прошли вместе. Когда я только приехала в Гарвард, мне было очень тяжело, и Илья меня буквально спас. Потом также Илью спасала я, когда было тяжело ему.

Я замолчала и нервно сглотнула. Зачем я вообще оправдываюсь сейчас?

— Ну и кто вы с ним друг другу в итоге? — Спросил меня Максим через какое-то время.

Я пожала плечами.

— Есть такое понятие, как «родственные души». Вот это, наверное, про нас.

Он мне ничего не ответил. Отвернулся к окну и больше на меня даже не смотрел. Я все-таки включила радио. Минут за 10 до приезда я спросила у Максима:

— Ты ведь к своей маме?

— Да.

— А зачем?

— Она помогает нам с Олей в организации свадьбы. Нужно кое-что с ней обсудить.

На душе сразу заскребли кошки. И все-таки мне до конца не верится, что Максим женится на другой. Сразу вспомнила все свои сны. И про то, как я к нему подхожу, а он говорит, что не знает меня, и про то, как пытаюсь снять с его пальца обручальное кольцо. Надо же, они оказались вещими.

А про кольцо мне впервые приснилось еще до моего отъезда в Америку, в домике на Волге. В памяти всплыло, как той ночью Максим пришёл на веранду, где я сидела в страхе и растерянности из-за этого сна. Он тогда меня утешал и обещал, что ничего подобного никогда не будет, говорил, что любит только меня и ему больше никто не нужен.

Как же судьба над нами посмеялась...

— В субботу мы с Олей в доме в Золотом ручье проводим что-то типа девичника и мальчишника. — Аккуратно начал Максим. — Ну, не в классическом понимании, а просто собираем всех наших друзей. Посидишь с нами?

Олейникова припрется в мой дом со своими подругами отмечать грядущее замужество с моим героем? А у вселенной действительно хорошее чувство юмора.

— Спасибо за приглашение, Максим, постараюсь, — отвечаю ему через какое-то время, когда уже заезжаю на парковку нашей компании.

Глава 11. Вице-президент

— Что тебе успел рассказать Токарев-младший? — Спросил отец, когда я уже попрощалась с Максимом и зашла в его кабинет.

Папа сидит в своём старом кожаном кресле, в котором я когда-то любила делать уроки, и отхлебывает виски из стакана. И давно это он стал пить на работе? Видимо, дело действительно дрянь.

— Сказал, что четыре года назад в России появилась новая строительная компания, которая играет в грязную, и она уже отъела у нас и у Токаревского «Вижн-Строя» большую долю рынка. Еще сказал, что это выходцы из девяностых с большими связями в федеральном правительстве.

Отец согласно кивнул.

— Да, все так.

— Почему ты мне раньше не рассказывал?

— Не хотел отвлекать тебя от учебы.

Я хмыкнула.

— А тебе не кажется, пап, что как-то слишком много ты решил от меня скрыть, боясь, что это отвлечёт меня от Гарварда?

— Вот будут свои дети — поймёшь!

— Конечно, папа. У нас с Максимом обязательно будут дети. Хочу двоих: мальчика и девочку. Дочку назову в честь мамы, — и я ему широко улыбнулась.

Отец тяжело вздохнул, но ничего мне на это не ответил.

— В общем, Кристин, мы в полной заднице. Держимся еще на наших старых связях с московской мэрией. В регионах мы все стремительно теряем. После последних губернаторских выборов почти во все российские субъекты пришли новые начальники, и они все время отдают предпочтение этим браткам из девяностых.

— Кто конкретно поддерживает их в федеральном правительстве?

— Новый министр строительства.

— Ты с ним встречался?

— Нет, он отказывается меня принимать.

— Почему?

Отец сделал еще глоток.

— Каждый раз разные причины находит. То он в командировке, то он в отпуске, то он на совещании у президента, то просто плотный график. И так четыре года.

Мда, фигово.

— А с новыми губерами ты встречался?

— Да, но еще не со всеми. Но толку от этих встреч не много. Они все ставленники из Москвы и делают то, что им велят из Центра. Новый министр строительства поручил работать с этим «Росстроем», вот они и отдают ему все тендеры.

— Ты не узнавал, какую стратегию выбрал «Вижн-Строй»?

Отец хмыкнул.

— Это ты у нас с Токаревыми снюхалась, не я. Ты мне и скажи, какая у них стратегия.

— Мы с Ильей не обсуждаем дела бизнеса.

Папа недовольно поджал губы и сделал еще глоток.

— В общем, Кристин, мне нужно, чтобы ты написала нам антикризисную стратегию. Мы недавно взяли три новых проекта в Москве и два в Питере. В столице застройка трёх микрорайонов на 25 тысяч жителей каждый, в Петербурге — на 20 тысяч каждый. Но мы упустили строительство новых кварталов в Новосибирске, Красноярске и Екатеринбурге. Новосибирск

у нас отбили Токаревы, а Красноярск и Екатеринбург этот проклятый «Росстрой». Сейчас идёт борьба за Ростов-на-Дону. Но там как раз новый губернатор, который играет не на нашей стороне.

Я задумчиво побарабанила пальцами по папиному столу.

— Ты общался с кем-нибудь из этого «Росстроя»?

— Близо нет. Но на некоторых мероприятиях виделся. Я пригласил их всех на свадьбу Максима, но не знаю, придут ли.

Упоминание о свадьбе Максима снова больно кольнуло в сердце. Но сейчас не до этого. Сейчас нужно работать.

— Кто еще приглашён на свадьбу Максима?

— Все. И новый министр, и все новые губернаторы, и вся московская мэрия. С последними ни в коем случае нельзя терять связи. Если еще и в столице не дай Бог новый градоначальник появится, то можно смело банкротиться.

— А Токаревых ты не звал?

— Нет. В этот раз обойдёмся без «Вижн-Строя». Не хватало, чтобы они еще на нашей свадьбе водили у нас за спиной переговоры. И ты не вздумай Илью тащить.

— Конечно, нет, пап. — Я тяжело вздохнула. — Хорошо, я приступаю к работе. Какая у меня должность, где мой кабинет и кто у меня в подчинении?

Отец гордо улыбнулся.

— Узнаю родную дочь! Должность — вице-президент. Кабинет на этаж ниже меня, рядом с Леной. Секретаршу я тебе уже нашёл. Курируешь антикризисный департамент. Там человек 20. Директора департамента, надеюсь, ты помнишь? Я его не менял. Олег Соколов.

— Да, помню, — в памяти всплыл подтянутый мужчина лет 30. Вернее, это восемь лет назад ему было 30. Сейчас уже, значит, 38. — Что еще известно о «Росстрое»?

— Только то, что есть о них в открытых данных.

— Но нам нужны закрытые данные, пап, — и я хитро улыбнулась.

— Буду очень рад, если ты сможешь их достать. Есть идеи?

Я кивнула.

— Как минимум, нужно заслать им в компанию крысу, которая будет передавать нам всю информацию изнутри.

— Было бы не плохо.

— Кто моя секретарша? Ты ее проверял? Это надёжный человек?

— Более чем. Наша служба безопасности пробилла ее по полной программе. Женщина, 40 лет, зовут Светлана. До этого в строительных компаниях не работала, соответственно, с конкурентами связей не имеет. Раньше она была личным помощником руководителя одного банка.

— Почему ушла?

— Его отправили на пенсию. А новый руководитель пришёл со своей секретаршей.

Я снова одобрительно кивнула.

— Я тогда пошла осваиваться?

— Да, иди.

Я встала со стула и направилась к двери. Но не успела я взяться за ручку, как меня окликнул отец:

— Кристина.

— Да, пап? — Я повернула к нему голову и посмотрела через плечо.

— Знаешь, а я думаю, что с Максимом вы вместе могли бы завоевать мир.

Я ничего ему не ответила. Молча вышла из кабинета и уверенно направилась на свой этаж.

Спасибо за родительское благословение, папа, но я в нем уже не нуждаюсь.

Глава 12. Строгий начальник

Я спустилась на этаж ниже и увидела в коридоре развилку направо и налево в две приемные. У входа в левую висит табличка «Главный экономист Самойлова Е.В.», у входа в правую — «Вице-президент Морозова К.И.». Мама Максима так и не взяла фамилию моего отца. Интересно, почему. Не то чтобы я горю желанием, чтобы она стала Еленой Морозовой, просто интересно.

Отец сделал ее главным экономистом сразу после их свадьбы. Я знаю, что по компании ходили слухи, будто Елена получила эту должность только лишь потому, что вышла замуж за главного босса. Но это не так. Мать Максима действительно первоклассный экономист. Она была лучшей в нашей компании еще до того, как отец вообще начал с ней встречаться.

Внешне Максим на нее совсем не похож. Наверное, он пошел в отца. А вот мозгами Максим, скорее всего, в мать. Я, правда, не знаю, кто его папа, но мне почему-то кажется, что способности к алгебре, которые у него всегда были, передались ему от Елены.

До меня вдруг доносится голос Максима с левого крыла его матери, поэтому я тороплюсь скрыться в своём. Атмосфера во время поездки в машине у нас с ним была немного накалённая. Совсем не хочется снова смотреть на его поджатые губы и ловить на себе разъяренные взгляды. Как-будто я ему изменила или предала. Он даже не помнит, что мы когда-то были вместе. А сейчас вообще женится. Не понимаю, почему из-за него я должна что-то менять в своём общении с Ильей.

У меня довольно просторная приемная. За большим деревянным столом уже сидит женщина. Видимо, она и есть моя секретарша.

— Здравствуйте. Вы — Светлана?

— Да. — Она отрывает глаза от компьютера и смотрит на меня поверх очков.

— Я Кристина Морозова.

Она тут же подсказывает.

— Здравствуйте, Кристина Игоревна. Давайте я провожу вас в ваш кабинет.

И она повела меня через все помещение к следующей деревянной двери. Обращение «Кристина Игоревна» мне немного резануло слух. В Америке нет отчества, поэтому все восемь лет я была там или «мисс Морозова», или «мэм». А для друзей просто Крисси, даже не Кристина. Илья до сих пор любит меня так называть.

Мой кабинет размером метров 30. Большой стол, кожаное кресло, компьютер. За спиной окно. По правую сторону от стола стеллажи вдоль стены. По левую сторону — длинный прямоугольный стол для переговоров.

Мило, но не так круто, как у Максима.

Снова про себя хмыкаю, вспоминая сводного брата. Максим опять меня превзошёл. Чего добилась я? Восемь лет просидела за партой, а потом пришла на все готовое в папину фирму. А он после сильнейшей аварии смог и влиться в учебу в университете, и уехать потом в Швейцарию. А когда учился в магистратуре в Женеве, параллельно работал в банке на полную ставку. И вернувшись в Россию, создал с нуля свою компанию. Даже справился без финансовой помощи родителей.

Мой герой всегда был, есть и будет лучше меня. Во всем: будь то контрольная по алгебре в школе или бизнес во взрослой жизни. Но Максим — единственный человек, проигрывая которому я не чувствую ни обиды, ни злости, ни раздражения. Я готова проигрывать ему хоть тысячу раз. Более того — я мечтаю об этом.

— Кристина Игоревна, будут какие-то распоряжения? — Вернула меня из размышлений моя секретарша.

— Да, позовите ко мне Олега Соколова.

— Хорошо, — и она удалилась.

Я села за своё рабочее место и еще раз осмотрелась. Повернулась на кресле назад иглянула в окно. Пятый этаж, вид на обычную московскую дорогу и жилые дома. Да, не «Москва-Сити», но ладно. Наверное, нужно будет сделать в кабинете перестановку: убрать компьютерный стол от окна. Еще не хватало, чтобы конкуренты подослали мне за спину в окно дрона, который бы снимал все, что я открываю на своём компьютере.

Кстати, а, может, отправить дрона к окну главного босса этого «Росстрою»? Адрес компании легко можно посмотреть в интернете. Вот только узнать бы, где кабинет генерального директора.

— Кристина Игоревна, Олег Витальевич у вас в приемной, — раздался через громкую связь моего рабочего телефона голос секретарши.

— Пусть войдёт.

Через несколько секунд дверь моего кабинета распахнулась и в помещение уверенной походкой зашёл очень крепкий мужчина около 40 лет.

— Кристина Игоревна, рад снова вас видеть, — он протянул мне ладонь для рукопожатия и улыбнулся.

Десять лет назад он называл меня Кристиночкой и любил щелкнуть по носу или потрепать за щечку. Этаким ловелас был, которому почему-то нравилось заигрывать с дочкой начальника.

— Присаживайтесь, — указала я ему на прямоугольный стол для переговоров.

Мы с ним сели напротив друг друга, и пока я отвлеклась на сообщение в телефоне от одной своей американской подруги, Соколов не без любопытства стал меня рассматривать. Наверняка думает, что дочурке шефа стало скучно, и папа решил потешить ее должностью вице-президента.

— Олег Витальевич, — начала я, отложив в сторону телефон и выключив на нем звук, — нам нужно подготовить новую антикризисную стратегию. Думаю, вы знаете, что компания сейчас переживает не лучшие времена. Сколько человек работают в вашем подразделении?

— Двадцать два.

— В самое ближайшее время нам нужно будет провести общее собрание. Я хочу познакомиться с каждым. Также к этой встрече я прошу принести мне досье на всех работников: где учились, где работали до этого, какие заслуги и так далее. Возможно, я захочу кого-то уволить, если мне не понравится послужной список. А кого-то, наоборот, захочу повысить, если мне покажется, что человек достоин большего, чем сейчас имеет. Также мне нужно получить полную информацию по состоянию дел «Капитал-Строя» во всех 85 регионах России. Какие проекты были, какие сейчас в работе, какие хотим получить, а какие мы уступили конкурентам. Также мне нужен рейтинг наших конкурентов по количеству проектов, которые они у нас отбили. Кому мы проигрываем чаще всего? Только ли «Росстрою»? Еще нужно заказать маркетинговое исследование в региональном разрезе: какому субъекту какая недвижимость больше всего нужна? Только ли жилая? Может, кто-то не собирается строить новые ЖК, но испытывает потребность в новых школах, детских садах или больницах? Думаю, в нашей новой стратегии мы предусмотрим диверсификацию бизнеса. Пора строить не только человеиники, но и социально важные объекты.

Я перевела дыхание и заметила, что Соколов смотрит на меня во все глаза, немигающим взглядом. Разве что рот не раскрыл.

— Олег Витальевич, все хорошо?

— Да, — опомнился он, — простите, Кристина Игоревна. Просто вы сильно изменились.

Я пропустила его слова мимо ушей. Будет продолжать относиться ко мне, как к маленькой девочке — вылетит пулей.

— Вы бы лучше взяли блокнот и ручку и стали записывать, Олег Витальевич.

— Ой, а я не взял с собой.

— Очень плохо.

И я встала со стула и направилась к своему столу. Нажала на телефоне кнопку вызова секретаря.

— Слушаю, Кристина Игоревна, — тут же ответила мне она.

— Светлана, принесите, пожалуйста, Олегу Витальевичу в мой кабинет блокнот и ручку. Если блокнота нет, то просто лист бумаги.

— Да, сейчас.

Через минуту секретарша зашла с листом А4 и шариковой ручкой.

— Олег Витальевич, запишите все, что я только что сказала.

— Ой, простите, я не запомнил.

Он издевается???

— Очень плохо. Очень, очень плохо, — я прожгла его взглядом.

За что он вообще зарплату получает?

— Значит так, — я вздохнула, — пишите. №1: принести мне досье на каждого сотрудника вашего подразделения. Желательно сделать это до завтрашнего утра. №2: досье с состоянием дел «Капитал-Строя» во всех 85 регионах России. №3: рейтинг конкурентов по количеству проектов, которые они у нас увели. №4: заказать маркетинговое исследование о потребностях регионов в недвижимости.

Теперь уже Соколов быстро чиркает на бумаге, стараясь успеть за моими словами.

— Также подготовьте мне два отдельных досье по ситуации на строительных рынках стран СНГ и Евросоюза. Также мне нужен список всех строительных компаний государств СНГ и ЕС с их актуальными финансовыми показателями. Было бы не плохо определить, кто из них находится в предбанкротном состоянии. Если вдруг окажется, что в России мы уже бессильны, тогда будем пробовать выходить на международные рынки, в том числе за счет поглощения какой-нибудь хорошей зарубежной компании, которая вдруг оказалась в сложной экономической ситуации. — Я перевела дыхание. — Напоминаю, что досье на сотрудников мне нужны до завтрашнего утра. Досье о ситуации в регионах и за границей, а также рейтинг конкурентов — в течение недели. Маркетинговое исследование заказывайте немедленно и договоритесь, чтобы оно было проведено не позднее, чем через месяц. У нас нет времени ждать полгода. И кстати, а давайте еще маркетинговое исследование потребностей в недвижимости закажем не только по российским субъектам, но и по всем странам СНГ и Европы. Его бы тоже получить не позднее, чем через месяц. Вопросы?

— Нет, Кристина Игоревна, все понятно, — замороженно выдохнул.

— Хорошо, как только я получу всю необходимую информацию, мы начнём подготовку антикризисной стратегии. А теперь идите работать.

Он послушно кивнул и направился к выходу. Уже у двери обернулся ко мне и еще раз с удивлением посмотрел.

— Светлана, позовите ко мне директора службы безопасности, — попросила я секретаря, когда Соколов закрыл за собой дверь.

Через 10 минут ко мне в кабинет вошёл пожилой, но очень крепкий мужчина. Александр Александрович — полковник в отставке. Работал в российских спецслужбах, а после выхода на пенсию пришёл в «Капитал-Строй» директором по безопасности. Он работает у нас в течение всех лет существования компании. И за все время у отца не было к нему ни одного нарекания.

— Здравствуйте, Кристина Игоревна.

Начал он своим грозным басом.

— Александр Александрович, присаживайтесь, пожалуйста, — и я так же сопровождала его к прямоугольному столу.

— Чем могу быть полезен?

— Александр Александрович, нам нужно внедрить крысу в компанию «Росстрой». Мы им сильно проигрываем. Для того, чтобы нам восстановить бывшее лидерство на строительном рынке, необходимо действовать на опережение. А это невозможно, если мы не знаем, о чем они думают.

Он задумался.

— Хорошо, я попробую подобрать кандидата. Сколько у меня времени?

— Его нет совсем, Александр Александрович. И еще. Нужно достать схему расположения кабинетов в здании «Росстроя» и отправить дроны к каждому, у кого компьютер стоит у окна.

— Это, к сожалению, может быть заметно. Камеры видеонаблюдения на здании быстро их вычислят.

— Значит, нужны такие дроны, которые смогут снимать издалека.

Сан Саныч задумчиво почесал затылок.

— Я подумаю, Кристина Игоревна. Сначала, наверное, лучше засунуть им крысу. Она нам и подскажет потом, есть ли целесообразность в дронах.

— Хорошо.

Мужчина кивнул и удалился. Я снова позвала секретаршу.

— Слушаю.

— Светлана, мне в кабинете нужно сделать перестановку. Убрать мой стол от окна и поставить его так, чтобы через стекло никто не смог в него заглянуть.

— Хорошо, организую.

И уже через 15 минут ко мне пришли три крепких парня из хозотдела, которые сдвинули стеллажи правее, а мой стол поставили рядом с ними. Окно теперь справа от меня, солнечный свет хорошо попадает на мое рабочее место, но при этом никакой дрон за окном не сможет заснять, что у меня открыто на компьютере.

Все последующие дни я приезжаю на работу ровно в 9 утра, а ухожу не раньше 11 вечера. Обедать приходится на ходу в своём кабинете, не отрываясь от компьютера или досье с информацией, которые по мере подготовки мне заносит Соколов. Про договоренности с Ильей за напряженной работой я безнадежно забыла. Но он и сам мне больше не звонил и не писал. Оно и неудивительно. Сейчас все готовятся к участию в тендере на застройку нового микрорайона в Ростове-на-Дону. Так пролетели четыре дня и наступила суббота — день предсвадебной вечеринки Максима и Ольги. Их бракосочетание ровно через неделю.

Глава 13. Правда или действие

Максим и Олейникова приезжают в Золотой ручей в два часа дня и сразу идут в беседку начинать подготовку к барбекю. Домработница по заданию Ольги стругает салаты и делает какие-то закуски. С каких это пор наша прислуга исполняет ее приказы? Интересно, если я сейчас подойду к этой домработнице и дам другое задание, она его исполнит или откажет мне, сославшись на то, что уже занята по поручению Олейниковой?

Но я не берусь это проверять. Я просто тупо лежу на кровати в своей комнате и смотрю в потолок. Я так и не вышла с ними поздороваться, хотя, я уверена, Максим знает, что я дома. Он наверняка видел в гараже мою машину. Но и сам он ко мне не поднимается.

Так проходит час, потом второй. Окно в моей комнате открыто, и я начинаю слышать посторонние голоса: постепенно подтягиваются их друзья. Потом кто-то включает музыку и уже всю слышится смех. А я так и лежу, как живой труп. Слез нет, лишь бездонная чёрная дыра внутри.

Неожиданно в мою дверь раздаётся стук.

— Войдите, — говорю бесцветным голосом.

Ручка опускается, и в дверном проеме появляется Максим. Он одет в синие джинсовые шорты до колен и светлую футболку.

— Ты не спустишься? — Тихо спрашивает.

— Я там никого не знаю.

— Ты знаешь меня.

Я хмыкаю.

— А ты меня нет.

Он тяжело вздыхает, приваливается к дверному косяку и скрещивает на груди руки.

— Мне очень жаль, что это так. Но, может, я смогу узнать тебя заново? — И слегка разводит губы в грустной улыбке.

Я ничего не отвечаю и отворачиваю голову от него обратно к потолку. А он так и стоит в дверях и смотрит на меня немигающим взглядом.

— Кристина, пойдём. Пожалуйста, — снова говорит через какое-то время.

— Зачем?

— Затем, чтобы я больше с тобой общался и лучше тебя узнавал.

— Не думаю, что тебе это нужно.

Какое-то время он медлит с ответом, но потом все же говорит:

— Нужно.

Я беспомощно опускаю веки. Кажется, в горле уже стал образовываться ком.

— Кристина, я не отстану от тебя, пока ты не пойдёшь со мной.

Надо было нахрен уехать сегодня из дома с родителями. Они теперь стали работать и по субботам. Как я сразу не додумалась свалить отсюда? Рассчитывала отсидеться в своей комнате. Мазохистка.

— Хорошо, я сейчас спущусь. Дай мне 10 минут.

Максим разводит губы в довольной улыбке.

— Ровно через 10 минут я поднимусь за тобой снова, если ты не придёшь.

Он уходит, притворив дверь. Я встаю с кровати и выглядываю окно. Как хоть одеваться на эту вечеринку? Девушки все в шортах и в верхе купальника. Нет, я так ходить не готова. Не хочу светить татуировкой.

Снимаю с себя домашний сарафан, в котором я была, и надеваю короткие голубые шорты, чёрную футболку, закрывающую слово Него на моем сердце, и обуваю белые кеды марки

Converse. Расчесываю волосы, слегка подправляю легкий макияж, который сделала еще утром, и иду в сад.

Не успела я еще никого разглядеть, как откуда-то сбоку услышала до боли знакомый громкий голос:

— Вы только посмотрите, какие люди в нашем скромном Голливуде! Ну надо же, Кристина Морозова собственной персоной почтила нас, простых смертных, своим визитом!

Я резко оборачиваюсь на голос и буквально замираю. Передо мной стоит... Егор Кузнецов. Он повзрослел, лицо стало мужественнее, а взгляд дерзее. Одной рукой он держит стакан виски, а второй обнимает прильнувшую к нему голубоглазую блондинку с явно силиконовой грудью и надутыми губами.

Что он тут вообще делает???

На его крик в мой адрес обернулись все присутствующие, включая Максима, и сейчас с любопытством за нами наблюдают. Кажется, кто-то даже сделал музыку потише.

— И тебе привет, Егор, — безмятежно отвечаю ему и улыбаюсь, — я приехала к себе домой. А что тут делаешь ты?

— А я на предсвадебной тусовке у своего лучшего друга.

Что?

— И давно вы лучшие друзья? — Спрашиваю со смешком в голосе и сарказмом.

— Семь с половиной лет, Кристиночка. С тех пор, как встретились в коридоре МГИМО.

Ну понятно. Значит, не только Олейникова проехала Максиму по ушам. Я не успеваю ничего ответить Егору, потому что в наш явно ядовитый диалог вклинивается Максим.

— Ребят, познакомьтесь. Это моя сводная сестра Кристина. Она восемь лет прожила в Америке, училась там. Недавно вернулась домой.

Я оборачиваюсь к другим гостям. Их человек десять. Может, чуть больше. Максим представляет мне каждого, но я их не запоминаю. Дима, Костя, Витя, Света, Катя, Лиза... В голове уже каша из имён и лиц. Ребята мне улыбаются, что-то спрашивают про учебу в Америке, я им что-то на автомате отвечаю.

— Что будешь пить? — Спрашивает у меня Максим, когда я сажусь за раскладной стол возле беседки. На моем гамаке развалилась какая-то подруга Олейниковой и разговаривает по телефону.

— Бокал белого вина, пожалуйста.

Он мне наливает и передаёт в руки, а потом отходит к Ольге, которая быстренько подозвала его к себе под каким-то предлогом. Я медленно потягиваю из бокала и наблюдаю со стороны.

Я на этом празднике жизни явно лишняя. Они все из МГИМО, все вместе учились. Им весело, они обсуждают каких-то известных только им людей и вспоминают какие-то известные только им ситуации. Я разговор поддержать не могу. Периодически кто-то говорит тосты за счастливую жизнь Максима и Олейниковой, желают им побольше детей. Ольга то и дело спешит поцеловать Максима в губы. Явно демонстративно при мне. Я вижу, что Максим наблюдает за мной и то и дело хочет подойти, но невеста его не отпускает ни на шаг. И как он собирается узнать меня получше, если Ольга чуть ли не на привязи его сейчас держит?

Егор продолжает сверлить меня взглядом. Мне кажется, он хочет со мной заговорить, но его силиконовая кукла очень крепко к нему прильнула. Когда она наконец куда-то удаляется, я сама к нему подхожу.

— Как дела? — Спрашиваю его.

— Прекрасно. А у тебя?

— Тоже хорошо.

— Рада за своего братишку? — спрашивает с издевкой.

— Очень. Искренне желаю ему счастья, — говорю вполне естественно и с широкой улыбкой так, что это не вызывает у Кузнецова никаких сомнений. Мистер Ричардсон на своих семинарах по искусству убеждения выкладывался по полной и действительно многому научил.

Кажется, Егора мой ответ несколько удивляет. Я вижу, что ему не терпится позлорадствовать надо мной. Но не дожждётся. Мое отсутствие на протяжении восьми лет и полное безразличие к жизни Максима, которое всем виделось со стороны, сейчас играет мне только на руку. Пусть думает, что я уехала и сама вычеркнула Самойлова из своей жизни. О том, что я без Максима чуть не умерла, известно только Илье.

— Ты слышал что-нибудь про Вику? — Спрашиваю его.

— Неа. После школы больше ее не видел. Эта чокнутая была твоей подругой, а не моей. Меня его слова немного оскорбили.

— Вика не чокнутая.

Он засмеялся.

— Ага, я видел.

В этот момент вернулась его барби и громко так ко всем обратилась:

— Ребят, а давайте поиграем в «Правду или действие»?

Неожиданно все соглашаются. Что? Мы играли в этот бред на третьем курсе, а они в 26 лет продолжают? Еще бы в бутылочку поиграли. Но чтобы уж слишком не выделяться, мне тоже приходится согласиться. Я и так тут, как белая ворона.

Первой начинает эта кукла. Она о чем-то спрашивает свою подругу, та выбирает действие, и она загадывает ей залпом без закуски выпить рюмку водки. Потом эта подруга обращается к какому-то парню, а он еще к кому-то, а тот еще к кому-то. Меня, к счастью, никто не замечает. Я уже хочу лечь на свой гамак, так как он наконец-то освободился, как вдруг ко мне обращается один из друзей Максима. Кажется, Костя.

— Кристина, правда или действие?

Я сейчас не намерена говорить правду. В этой игре, конечно, можно легко и соврать, если задают неудобный вопрос, все равно никто не узнает, честно я ответила или нет. Но все равно, не хочу даже разговаривать тут с кем-то. Быстро отделаюсь действием и незаметно лягу на гамак.

— Действие, — отвечаю ему.

Он мгновение смотрит на меня, хмурясь и думая, что бы такое придумать. Потом обводит взглядом всех присутствующих девушек и выдаёт:

— Что-то все девчонки в купальниках кроме тебя. Сними футболку.

— Я без купальника, — говорю ему.

— Тем интереснее.

Все парни, кроме Максима, одобрительно загудели. Кузнецов так громче всех. Мне стало неловко. Я не стесняюсь своей груди, у меня почти третий размер и сейчас на мне очень красивый кружевной лифчик из Victoria's Secret. Но татуировка...

Впрочем, Максим все равно ее не помнит. А свою наверняка давно свёл и уже забыл о ней. Зачем ему татуировка, которую он сам не знает, почему сделал?

Я безразлично пожимаю плечами и снимаю с себя майку, отбрасывая ее куда-то в сторону. Больше десяти пар глаз тут же приковываются к моей груди.

— У тебя татуировка? — Удивленно восклицает Егор.

— Как видишь.

Мне кажется, он хочет спросить что-то еще, но его отвлекает блондинка, начав что-то нащёптывать на ухо. Я разворачиваюсь по направлению к гамаку и невольно бросаю взгляд на Максима. Он сильно напрягся, сцепил челюсть и, кажется, не дышит. Он смотрит то мне в глаза, то на грудь. Хотя, думаю, не на грудь, а на область сердца. Потом он резко отворачивается, и я замечаю, как Максим сжимает кулаки. У него снова дежавю?

Я все-таки спешу улечься на гамак, как меня останавливают.

— Кристина, теперь ты должна что-нибудь кому-нибудь загадать.

Черт, точно. Что и у кого спросить? У Максима при всех не хочу, у Олейниковой тем более.

— Егор, правда или действие?

— Правда, — с вызовом отвечает мне.

Я немного медлю, а потом все же решаю задать интересующий меня вопрос.

— Ты бы смог простить другу предательство?

Улыбку с лица Кузнецова, как рукой сняло. Он нервно сглотнул, а я мысленно захлопала в ладоши.

— Смотря какое предательство, — начал, смотря мне ровно в глаза. — Если оно касается девушки, то да.

— Почему?

— А это уже второй вопрос, Кристина.

Я хмыкнула и наконец-то пошла к гамаку. Напоследок я заметила, что его силиконовая кукла недовольно поджала губы.

Глава 14. Ее грязный секрет

Глава 14.

Они продолжили играть в эту игру, кто-то даже что-то спрашивал у Максима и Олейниковой, но я уже не слушала их. Неожиданно мне на телефон упало сообщение от Ильи.

«Привет! Я сейчас недалеко от Золотого ручья. Ты дома?»

«Да»

«Заеду в гости?»

«ДА!!!!!!»

«Ок, скажи точный адрес»

«Вишневая 17. За 5 минут до того, как будешь подъезжать, набери»

«Ок»

Какое счастье! Наконец-то у меня появится повод свалить с этого чужого праздника жизни. И я действительно давно не виделась с Ильей. Ну как давно. Чуть больше месяца, с тех пор, как он приезжал ко мне в Америку и в очередной раз меня спасал.

Я невольно задумалась о Бостоне и стала вспоминать свою жизнь там. Друзья вовсю мне пишут в мессенджерах, но из-за работы совсем нет времени отвечать. Не знаю, сколько я так пролежала, как вдруг у меня зазвонил телефон.

— Я возле твоего дома уже, — начал Илья.

— Паркуйся у ворот и заходи. Калитка открыта. Я в саду за домом, увидишь.

Я нажала отбой звонка и неожиданно осознала, что до сих пор лежу в лифчике.

Черт!

Моментально подскакиваю и возвращаюсь ко всем присутствующим, которые продолжают играть.

— Ко мне приехал друг, так что вынуждена вас покинуть, — громко им объявила и стала оглядываться в поисках своей футболки. — А где моя майка? Никто не видел?

— Вон она, — указала мне какая-то девушка на деревянное ограждение беседки. Это я ее туда швырнула?

Срываюсь со своего места и судорожно пытаюсь вывернуть ее с изнанки, как назло она выпадает у меня из рук.

— Блин! — Восклицаю и поднимаю ее с земли.

Кажется, на меня сейчас все смотрят. Но я не успеваю надеть на себя футболку, потому что уже слышу из-за спины крик Ильи:

— Красотка!

— Черт! — говорю вслух и оборачиваюсь к нему.

Токарев быстрым шагом и с широченной улыбкой направляется ко мне. За несколько секунд преодолевает оставшееся между нами расстояние и заключает меня в крепкие объятия, поднимая с земли.

— Привет, Крисси, — и целует меня в щеку.

— Привет, Илюш, — целую его в ответ.

В этот момент он от меня отстраняется, кидает взгляд на мою грудь и со смешком выдаёт:

— Это ты меня так встречаешь?

— Не дождёшься! — Бью его кулаком в плечо и натягиваю майку.

— Да ладно тебе, Крисси, а то я тебя в лифчике никогда не видел.

Я закатываю глаза.

Он осматривается вокруг с немим вопросом. Сцену нашей встречи сейчас все очень внимательно наблюдают. Максим сверлит Илью взглядом, Егор почему-то тоже.

— Ребят, это мой ближайший друг Илья. Мы с ним вместе учились в Гарварде.

Я вижу, что ему польстило словосочетание «ближайший друг». Хотя мы с ним и условились давно, что мы не друзья, потому что все-таки конкуренты, но я знаю, что на самом деле ему очень нравится, когда я его так представляю.

— Привет, — ответили ему все в один голос.

Токарев по-хозяйски обнял меня за плечи.

— Я тот, кто знает про Крисси абсолютно все. Каждый ее грязный секретик!

— Замолчи! — Смеюсь и толкаю его в бок. — Ладно, пошли в дом, — я разворачиваюсь и тяну его за руку.

— Эй-эй, подожди. А что у тебя тут за тусовка?

— Это не моя тусовка, Илья. Пошли, — и снова тяну его.

— А чья?

— Моя, — подаёт голос Максим и подходит к нам с Ильей, — меня зовут Максим, — и он протягивает Илье руку.

Токарев замирает. Я вижу, что он узнал Максима. Я не рассказывала до сих пор Илье про то, что на самом деле с ним случилось. Абсолютно не было времени. Я знаю, что он хотел спросить меня про него, когда звонил мне во время нашей поездки с Максимом в машине, но я сказала ему код «омела». Илья знает, что Максим — это абсолютно запретная для меня тема при любых чужих людях. За восемь лет моей жизни в Гарварде ни один друг, ни одна подруга больше не узнали о моей истории.

— Мы с тобой знакомы, — с улыбкой отвечает ему Илья и пожимает руку.

— Я не помню этого.

— Понимаю, много лет уже прошло.

— Нет, я не поэтому не помню. Я восемь лет назад попал в сильную аварию и частично потерял память. Я не помню весь последний год своей жизни до аварии. И не помню людей, с которыми тогда общался.

Илья удивленно на него уставился. Потом перевёл взгляд на меня. Потом снова на Максима. Я нервно закусила губу.

— То есть, ты не помнишь Кристину?

— Нет. Я познакомился с ней заново чуть больше недели назад, когда она вернулась в Россию, спустя восемь лет отсутствия.

Мне показалось или последние слова Максим сказал с горечью в голосе?

Глаза Ильи расширились еще сильнее. Он повернулся ко мне.

— Крисси, что это значит?

— То и значит, Илья. Максим забыл меня в прямом смысле этого слова. Мы знакомились заново.

Токарев несколько секунд помолчал, а потом выдал из себя:

— Охренеть! Просто охренеть!

Самое ужасное, что эту картину сейчас наблюдают все присутствующие.

— Ладно, Илья, пойдём в дом, — я снова попыталась его утащить.

— Кристина, — обратился ко мне Максим, — зачем ты так настойчиво хочешь увести отсюда своего друга? Оставайтесь.

— Да, Крисси, давай останемся, — протянул Илья, с любопытством разглядывая Максима. — А что вы отмечаете?

— У меня с моей невестой Ольгой через неделю свадьба. У нас что-то типа предсвадебной вечеринки.

В этот момент к Максиму подошла Олейникова и взяла его под руку.

— Привет, — с улыбкой сказала она, — Я Оля.

Илья окинул ее холодным взглядом.

— Привет, — процедил он ей.

Спасибо, друг.

— Мы тут играем в «Правду или действие», — подала голос Кузнецовская кукла, — будешь с нами?

Илья засмеялся.

— Это главная игра нашего с Крисси студенчества. Конечно, буду.

— Сейчас моя очередь спрашивать, — подал голос Егор, — вот как раз тебе и задам вопрос. Правда или действие?

— Правда, — не задумываясь ответил Токарев.

— Ты сказал, что знаешь все секреты Кристины. Расскажи нам один самый грязный.

Сволочь Кузнецов! Но я уверена в Илье. Он не расскажет им то, что нельзя знать никому. Скорее всего, вспомнит сейчас какую-нибудь смешную байку.

Токарев задумчиво почесал затылок, а потом обернулся ко мне и хитро прищурился.

— Я расскажу про свои Гавайи.

Я закатила глаза. Стремная история, конечно, но ладно.

— Однажды я поехал отдыхать на Гавайи со своей девушкой. Все было прекрасно, но однажды во время нашей с ней, кхм, совместной ночи у меня раздался звонок. Телефон лежал на тумбочке у кровати, поэтому я кинул на него взгляд, не отрываясь от девушки. Звонил незнакомый номер. Сначала я хотел проигнорировать, но потом подумал, а вдруг что-то с Крисси случилось? Просто я везде был ее контактом на случай экстренной связи и однажды, когда на нее наехала машина, мне так звонили из больницы. В общем, я попросил девушку дать мне пару минут, взял трубку и услышал на том конце провода рыдающую Кристину. Она мне рассказала, что находится в тюрьме и попросила вытащить ее оттуда. Я охренел, когда услышал, что Крисси в тюрьме. Естественно, я тут же собрался, купил билет на ближайший рейс до Бостона, оставил свою девушку одну на Гавайях и полетел к Кристине. Оказалось, что она так же, как мы сейчас, играла в «Правду или действие» и какой-то идиот загадал ей украсть в магазине бутылку вина. Крисси воровать не умеет, поэтому ее тут же поймали, вызвали полицию и увезли в обезьянник. И представьте картину: я захожу вносить за Кристину залог, чтобы ее отпустили до суда, а она реально сидит за решеткой вся в слезах рядом с какими-то проститутками, наркоманами и реальными ворами. В общем, я вытащил Кристину, а через неделю суд назначил ей административный штраф. Но зато Кристина познала жизнь в Америке от А до Я. И в тюрьме была, и в Белом доме.

После рассказа Токарева на мгновение воцарилось молчание, а потом все взорвалось от смеха. Но Максим и Егор почти не смеялись, лишь слегка улыбнулись. Они оба продолжали сверлить нас с Ильей взглядами. Токарев при этом свою руку с моего плеча так и не убрал.

Глава 15. Один-Ноль

Через какое-то время после прихода Ильи мы с ним потихоньку сливаемся с вечеринки. Садимся вдвоём на лавочку в беседке, и он тут же спрашивает:

— Кристина, еще раз расскажи мне, что произошло с Максимом?

На самом деле мне не очень хочется сейчас говорить с Ильей об этом. Мне гораздо важнее узнать, каким таким чудесным образом он оказался возле «Золотого ручья». Он живет совершенно в другой стороне.

— В день, когда я улетела в Америку, Максим попал в чудовищную аварию. Он частично потерял память. Не помнит некоторые фрагменты из детства и свой первый год в Москве. Илья, он в прямом смысле слова забыл меня.

— А почему ты об этом ничего не знала?

— Потому что отец мне ничего не сказал. А я за восемь лет ни разу не приехала.

— Но твой папа же сказал, что Максим поменял номер телефона...

— Он соврал.

У Ильи округлились глаза.

— То есть, ты хочешь сказать, что ты восемь лет убивалась по Максиму, потому что твой отец тебе соврал???

— Да.

— Жесть, — Токарев беспомощно схватился за голову. — Просто жесть. И что ты теперь думаешь делать?

Я закрыла лицо ладонями.

— Я хочу вернуть его, Илья. Я люблю его.

— Конечно, возвращай! Тем более, когда мы точно знаем, что он тебя не предавал.

Я посмотрела на Токарева и тихо вымолвила:

— Но он с ней семь лет, Илья. Семь лет! У них через неделю свадьба...

Он задумчиво постучал пальцами по скамейке.

— Он все эти семь лет должен был быть с тобой, а не с ней. И через неделю у него свадьба должна была быть с тобой, а не с ней. Кристина, она просто тупо заняла твоё место.

От этих слов друга по щекам потекли слезы.

— Илья, ну почему я такая неудачница?!

— Эй, ну ты чего реवेशь? Иди сюда, — и он притянул меня к себе.

Я уткнулась в его плечо, а слезы уже ручьём полились из глаз. Минут через пять Илья мне тихо прошептал на ухо:

— Твой Максим не сводит с нас глаз. И его друг, который просил рассказать секрет о тебе, тоже.

— Этот друг — Егор Кузнецов. С которым я в школе встречалась и из-за дружбы с которым Максим отверг меня в ту новогоднюю ночь.

Я уже отстранилась от Ильи и стала вытирать лицо.

— Подожди, так он же тебя пытался изнасиловать? И Максим же ему еще по морде надавал, ты говорила.

— Да. Но как видишь, теперь они снова друзья, потому что Максим ничего не помнит.

Я скосила на них глаза. И Максим, и Егор действительно сверлят нас глазами и, к сожалению, видят мои слезы. Впрочем, по фиг. Мало ли почему я плачу? Может, мы сейчас Америку вспоминаем и ностальгируем.

В этот момент у меня звонит телефон. Это папа.

— Подожди минутку, мне нужно ответить, — говорю Илье и выхожу из беседки. — Алло, пап.

— Кристина! У меня прекрасные новости! — Зататорил отец, — «Росстрой» утром прислал ответное письмо на приглашение на свадьбу Максима. Говорят, что два вице-президента компании будут! Я вот только сейчас дошёл до бумажной почты и увидел их ответ.

— Отлично, пап! — Радостно отвечаю ему, а уже в следующую секунду чувствую, как почва уходит у меня из-под ног.

Так вот почему Токарев приехал... Он знает, кто будет на свадьбе Максима и хочет на нее напроситься. Папа мне еще что-то говорит, но я его уже не слушаю, потому что вижу, как Илья подошёл к Максиму и о чем-то с ним непринуждённости разговаривает.

— Пап, я тебе перезвоню, — бросаю ему и отключаю звонок. — Максим! — зову его, — мне сейчас звонила твоя мама, просила кое-что тебе передать.

Он что-то говорит Токареву напоследок и направляется ко мне. Олейникова провожает его злым взглядом. Но сейчас не до нее.

— А почему она мне не позвонила? — спрашивает меня, когда подходит в упор.

— Максим, Илья приехал для того, чтобы напроситься на твою свадьбу. Ни в коем случае его не приглашай.

Он удивленно на меня посмотрел.

— Это тебе моя мама сказала?

— Нет! — Шиплю ему. — Твоя мама мне не звонила, это я сочинила, чтобы подозвать тебя. На твоей свадьбе будут одни очень важные люди. Токареву нужно с ними пообщаться, поэтому он сейчас сюда приехал, хочет получить приглашение.

Он секунду помолчал, а потом спросил с сарказмом.

— И это твой ближайший друг?

— Да. И ближайший конкурент в одном лице тоже.

Максим еще какое-то время смотрит на меня, а потом тихо спрашивает:

— Почему ты плакала?

— Вспоминали Гарвард, расчувствовалась.

Он по-прежнему не сводит с меня глаз, на его лице читается недоверие.

— Кристина, — буквально выдыхает, и я вижу, как Максим снова напрягается, — а что означает твоя татуировка?

— Это личное, — выдавила ему.

Я спешу от него отойти, но Максим перехватывает меня за руку и разворачивает к себе. Он делает это довольно грубо, но по телу все равно уже побежали мурашки.

— Ответь.

— Я уже ответила, — нервно сглатываю, — извини, мне нужно идти, надо разобраться с Ильей.

Я освобождаю свою руку из захвата Максима и направляюсь к Токареву. Он смотрит на меня в упор. Я подойду к нему секунд через 10. За это время я быстро беру себя в руки, надеваю маску и вполне невозмутимо говорю ему:

— Вернёмся в беседку?

— Да, конечно, — так же непринуждённо отвечает.

Мое сознание сейчас будто делится на две части. Первая ведёт непринужденную беседу с Ильей о Максиме и о том, что делать дальше, а вторая быстро соображает по делу.

Во-первых, откуда Илья узнал, что «Росстрой» будет на свадьбе Максима? Он подослал крысу к ним? Или к нам? Папа сказал, что бумажное письмо с ответом пришло утром. Значит, Илья узнал сегодня, вот и поспешил спонтанно приехать. Если бы он знал заранее, что «Росстрой» у нас будет, то придумал бы более правдоподобную причину, чем просто «Я тут мимо проезжаю». Совершенно точно крыса Ильи читает почту: либо папину, либо «Росстроевскую». В зависимости от того, где сидит. А, возможно, он и к ним, и к нам подсунил стукачей.

Во-вторых, откуда Илья узнал, что сегодня Максим в «Золотом ручье»? А то, что он знал про предсвадебную вечеринку — это совершенно точно. Ведь только Максим может его пригласить на свою свадьбу. Так вот почему он не захотел уйти со мной в дом даже после того, как узнал о том, что Максим потерял память. Хотя, по идее, ему должно было быть настолько любопытно, что он сам должен был поспешить меня куда-нибудь утащить. А он еще целый час играл в эту дебильную игру и шутил шуточки с Максимом.

Ну, Илюша, ну молодец!

Вот мы с тобой и стали реальными конкурентами... Этого стоило ожидать. Однажды должен был настать день, когда нам пришлось бы нащупать друг у друга второе дно.

— А ты будешь рассказывать Максиму про то, что между вами было? — Безмятежно спрашивает меня друг.

— Пока нет. Не хочу так сразу его пугать. Я пока постепенно ему рассказываю события тех лет. Но он помнит нашу самую первую детскую встречу, — также безмятежно отвечаю ему и смотрю пристально в глаза.

На нем сейчас маска, это сто процентов. Он, как и я, говорит о Максиме, а на самом деле думает о другом.

Ну, Илюша, посмотрим, кто кого? Я тебе проигрывать точно не собираюсь.

Мы сидим с ним так, наверное, еще полчаса. Илья держится очень спокойно и безмятежно, абсолютно никак себя не выдавая. Он больше не порывается подойти к Максиму, потому что знает, что это уже будет слишком подозрительно. Мы выходим с ним из беседки, стоим еще какое-то время у стола. Я пью вино, он сок, потому что за рулем. Мы смеёмся, шутим.

Почти все гости уже разъехались, постепенно начинает темнеть. Сейчас в саду помимо меня с Илей только Максим с Олейниковой и Егор со своей силиконовой куклой. Ольга начинает убирать со стола, Самойлов подошёл к Кузнецову с его барби. При этом оба парня постоянно будто бы невзначай бросают взгляды на меня с Токаревым. Илюша по-прежнему держится молодцом и никак себя не выдаёт. Сейчас рассказывает мне про свою школьную любовь, на свадьбу которой мы скоро пойдём.

— Почему ты никогда не говорил мне про нее раньше? — Смеясь, спрашиваю его.

— Да я забыл о ней, пока она не пригласила меня на свою свадьбу.

Мы снова смеёмся, и Илья приобнимает меня за плечи. Я обвиваю его руками вокруг талии и кладу голову на плечо.

— Илюша, я так рада, что ты у меня есть. Даже не знаю, что бы я без тебя делала.

— И я очень рад, что ты у меня есть, Крисси. Сейчас понимаю, что мое первое время без тебя в Гарварде было серым и пресным.

Мы говорим это друг другу искренне. Это действительно так. Мы с Илей на самом деле родственные души. Но это не отменяет того, что мы соперничаем.

Максим и Егор наблюдают за нашими объятиями со стороны. Кузнецов презрительно хмыкает, Максим зло сверлит взглядом, сцепив челюсть.

А ему то что, кого я обнимаю? Это уже восемь лет, как не его дело.

Когда Илья решает уехать, я иду его провожать. Он открывает дверь своего автомобиля и разворачивается ко мне. Мгновение молчит, а потом хитро улыбается.

— Один-ноль в твою пользу, Крисси. На чем я прокололся?

— На том, что случайно проезжал мимо Золотого ручья. Тебе же вообще нечего делать в этом районе.

Он согласно кивает.

— Откуда ты узнал? Ты засунул к нам крысу?

— Не к вам. В «Росстрой».

— А откуда ты узнал про эту вечеринку? И про то, что тут будет Максим?

— А это, Крисси, пускай будет тебе загадкой на ночь, — и он заговорщицки мне подмигивает.

Я смеюсь.

— Я разгадаю этот ребус.

— Посмотрим-посмотрим.

Мы с ним крепко обнимаемся и целуем друг друга в щеки.

— Крисси, я думаю, ты Максиму небезразлична. Он не сводил с тебя глаз весь вечер, — тихо шепчет мне на ухо.

Я лишь вздыхаю.

— Борись за него, красотка. Это твой мужчина.

— Я попробую. Но я совсем не знаю, что мне делать и как мне быть, Илья.

— Будь собой. Однажды он тебя уже полюбил такой, какая ты есть. Я уверен, что он полюбит тебя снова.

Мы разрываем объятие, Илья садится в машину и уезжает. Я стою еще какое-то время у ворот, пока его автомобиль не скрывается за углом. Разворачиваюсь к калитке и натываюсь взглядом на Кузнецова. Он стоит, скрестив на груди руки, а затем разводит их и медленно хлопает в ладоши.

Глава 16. Скандал

— Чему аплодируешь?

— Тебе, «красотка», — говорит, стараясь передразнить Илью.

Я лишь хмыкаю. Направляюсь во двор, но Кузнецов загородил проход и не намерен отходить.

— Пусти, — говорю ему и порываюсь пройти, но он преграждает путь рукой.

Склоняется к моему уху и зло спрашивает:

— Ну что, Кристина? Ты нашла в своей Америке то, за чем ехала?

— Да. Я получила хорошее образование.

— И оно сделало тебя счастливой?

Я немного от него отступаю и смотрю в лицо. Кузнецов сверлит меня ненавидящим взглядом.

— В чем дело, Егор? У тебя до сих пор бомбит? За восемь лет не остыл?

Он нервно смеётся.

— Мы все реально были тебе настолько безразличны, что ты никому из нас ни разу не позвонила, ни разу не написала? Ты специально удалилась из всех соцсетей, чтобы мы ничего не знали о тебе, а ты ничего не знала о нас? Тебе действительно восемь лет было глубоко наплевать на нас всех, что ты даже ни разу не приехала?

Я шумно сглотнула и обвила свои плечи руками.

— Что ты хочешь от меня сейчас, Егор?

— Сейчас уже ничего, Кристина. Сейчас уже ничего.

— Тогда в чем дело?

— Просто смотрю на тебя и не понимаю, как можно быть такой стервой. Такой хищной сукой. Так переступать через людей, с которыми была очень близка, и вычеркивать их из своей жизни.

Я ничего не успеваю ему ответить, потому что сзади раздаётся злой голос Максима.

— Егор, ты разговариваешь с моей сестрой! Выбирай выражения.

Кузнецов немного отстраняется от калитки, и Максим выходит к нам на улицу.

— Макс, она даже на тебя наплевала. И ты ее защищаешь?

— Что значит «даже», Егор?

Кузнецов осекается, а я хмыкаю про себя. Он не рассказывал Максиму про нас с ним. А сейчас своим «даже» проболтался.

— То, что ты член ее семьи, Макс, — находит он отговорку. А меня это только еще больше выводит из себя.

— Егор, а ты рассказывал Максиму, из-за чего вы в школе перестали общаться?

Самойлов удивленно на меня смотрит, а Кузнецов зло цедит:

— Скажи это ты ему, Кристина. Да, давай. Пускай Максим наконец узнает, что было в конце школы. А потом признайся вслух, что ты бесчувственная стерва, потому что даже несмотря на это, ты уехала. И ни разу не появилась.

— О чем вы говорите? — напряжённо спрашивает Максим.

— Ну же, Кристина, скажи ему. Скажи, как ты в итоге с ним поступила, — продолжает Кузнецов.

Меня уже всю трясёт.

— А ты, Егор, рассказывал Максиму, как ты собирался меня изнасиловать? В мой день рождения! Максим знает, что ему пришлось спасти меня от тебя? Когда ты был настолько пьян и настолько неадекватен, что силой утащил меня в какую-то комнату и стал срывать с меня

платье. Я кричала и вырывалась, но тебе было все равно. Если бы не Максим, ты бы ведь на самом деле изнасиловал меня! Ты рассказывал Максиму, как он надавал тебе по морде за это?

У Кузнецова задергались желваки на щеках. Самойлов переводит взгляд с меня на него. Он тоже очень зол.

— О чем вы, черт возьми, говорите? — буквально выплевывает Максим, — Егор, — он оборачивается к нему, — ты действительно пытался изнасиловать Кристину?

Он молчит. Смотрит на меня немигающим взглядом.

— Да, Макс, пытался, — наконец говорит. — Я безумно сильно ее любил. А в тот день напился и не контролировал себя. Но ты действительно спас ее. И не только ее, но и меня. Потому что, если бы я все-таки это сделал, то никогда бы потом себе не простил.

Максим тяжело сглатывает.

— Ты никогда не говорил мне, что любил Кристину...

Кузнецов безразлично пожал плечами.

— А о чем тут говорить? Я ее любил, она меня нет. Мы встречались, но Кристина меня бросила.

— Почему?

— А это, дружище, — он похлопал Максима пару раз по плечу, — она пускай тебе сама расскажет. Затем он обернулся во двор дома и прокричал, — Настя! Нам пора.

Я решила воспользоваться заминкой и буквально пролетела мимо них. Вбежала в дом и пулей направилась в свою комнату. Закрыла за собой дверь и прислонилась к ней. Сердце в груди бешено колотилось. Когда, наконец, удалось его унять, я включила свет и беспомощно опустилась на кровать. Не знаю, сколько я так просидела, но неожиданно дверь резко распахнулась. Максим влетел в мою комнату и остановился посередине. Он все еще тяжело дышал.

— О чем вы говорили? Что он имел в виду?

У меня больше не было сил. По щекам уже потекли слезы.

— Максим, уходи немедленно. Я не хочу с тобой разговаривать.

— Я не уйду, пока ты не ответишь.

— Пошёл вон! — Заорала я и вскочила со своей кровати. — Убирайся! Иди к своей Оле, с которой у тебя через неделю свадьба!

Он не сдвинулся с места. Так и продолжал на меня смотреть немигающим взглядом. А у меня уже просто началась истерика. Я схватила с кровати подушку и со всей силы швырнула ее в Максима.

— Уходи! — Затем взяла вторую и снова кинула в него. — Убирайся!

Максим схватил меня за плечи и сильно встряхнул. Это отрезвило, я перестала кричать и больше не пыталась что-то в него кинуть. Вот только слезы полились еще сильнее, и я издала громкий всхлип. Максим молча на меня смотрел, тяжело дыша, а рыдания все накатывали и накатывали. Я уже согнулась, когда Максим неожиданно сделал ко мне шаг и притянул к себе. Я уткнулась в его грудь, а он крепко меня обнял и зыркнул головой в моих волосах. Как раньше.

— Не плачь, — очень нежно попросил он, — пожалуйста, не плачь, Кристина.

Но я не могла остановиться. Слезы лились и лились. Наверное, его майка стала уже совсем мокрой и ему это неприятно, но Максим не отстранился. Одной рукой он крепко держал меня за талию, а второй стал мягко гладить по волосам и спине.

— Ну же, хватит, — шепчет на ухо, — Никакая ты не стерва и не сука. Ты очень нежная девочка, Кристина. Самая нежная. Я так хорошо тебя помню в детстве. Ты была такой тихой, такой кроткой, и я так хотел тебя от всех защитить.

От этих слов я замерла. Слезы идти не перестали, но я хотя бы больше не всхлипывала громко. Максим оторвал меня от своей груди и взял лицо в ладони.

— Не верь никому, кто так про тебя говорит. Ты не такая.

Он вытер мои слезинки своими большими пальцами, мягко провёл по лицу ладонью, заправил за ухо выбившуюся прядку.

— Ты понятия не имеешь, какая я, Максим, — дрожащим голосом говорю ему, — Егор прав. Я бесчувственная стерва, потому что всех вас бросила.

— Нет, я в это не верю. — Он заглянул мне в глаза. — Я уверен, что ты другая. И я так хочу снова тебя узнать, Кристина...

— Максим! Нам пора уезжать! — Раздался снизу громкий голос Олейниковой. А я лишь беспомощно опустила веки.

Господи, как же хочется умереть...

Максим тяжело вздохнул и крикнул ей в ответ:

— Иду!

Я так и не открыла глаза, а уже через секунду почувствовала, как его губы мягко целуют мой лоб, а потом и щеку.

— Спокойной ночи, Кристина. Не плачь больше. Пожалуйста, — тихо сказал мне, а затем еще раз крепко к себе притянул и вдохнул запах моих волос.

— Мне жаль, что все так обернулось, Максим... Мне так жаль...

Он не ответил. Лишь еще крепче к себе прижал, но уже через несколько секунд выпустил меня из объятий и ушел, притворив за собой дверь. Когда я услышала звук открывающихся ворот и отъезжающей машины, слезы нахлынули с новой силой, и я беспомощно опустилась на пол.

Глава 17. Частный детектив

В понедельник утром я тут же вызвала к себе своего секретаря.

— Да, Кристина Игоревна?

— Светлана, найдите мне в срочном порядке хорошее детективное агентство.

— Хорошо. Сегодня подберу.

Через 10 минут после ее ухода ко мне пришёл Олег Соколов с готовыми справками, которые я ему заказывала.

— Вот анализ по регионам, — протянул он мне папку. — Если вкратце, то у субъектов действительно очень большая потребность в социальных объектах. Не только в больницах, школах и детских садах, но еще и в домах детского творчества, спортивных школах, детских лагерях. Но денег на это у них, естественно, нет.

— В детских лагерях, говорите? — уцепилась я за самое важное для себя.

— Да. Особенно в этом заинтересованы те регионы, в которых есть хоть какие-то водоемы: реки, озёра и так далее.

— А, в частности, у Саратовской области есть такая потребность?

— Да, у них протекает Волга.

— Спасибо, Олег Витальевич. Я изучу материалы и вернусь к вам.

Когда он уходит, я тут же звоню отцу.

— Пап, помнишь ты говорил, что Саратов скоро будет объявлять тендер на строительство нового ЖК?

— Да. Но еще не объявили. Пока неизвестно, когда он появится.

— А какие у тебя взаимоотношения с их губернатором?

— Нейтральные. Но он обещал быть на свадьбе Максима. Сказал, что будет на этой неделе в Москве по делам и заедет со мной поздороваться.

— У меня есть для него предложение, которое, возможно, сможет его к нам лучше расположить. Познакомь нас.

— Хорошо. У тебя уже есть идеи, как нам выбираться из этой задницы?

— Я думаю, нам нужно усиливать нашу благотворительную составляющую. У субъектов большая потребность в социальных объектах, но денег их строить у них нет. Наверное, нам следует договориться с губернами, что мы будем бесплатно возводить для них больницы и школы, но в обмен они будут лояльнее к нам относиться на тендерах для строительства нового жилья.

— Возможно, ты права. Что-то еще тебе пришло в голову?

— Я жду результаты маркетингового исследования строительного рынка Европы и стран СНГ. Мне кажется, нам пора выходить за пределы России. Тут мы себя уже практически исчерпали.

— И как ты предлагаешь это делать? — Папа заинтересовался.

— Слиться с какой-нибудь местной компанией, у которой уже налажены связи. Но пока еще ничего не могу сказать тебе точно. Нужно дождаться результатов исследования.

— Хорошо, дочь. Держи меня в курсе.

Уже в обед секретарь зашла ко мне с адресом детективного агентства.

— Как мне кажется, это самое квалифицированное и надежное.

— Спасибо, Светлана.

В обед я на ходу перекусываю у себя в кабинете и спускаюсь на парковку. Времени в обрез.

Детективное агентство находится в центре Москвы недалеко от офиса «Капитал-Строя», поэтому я доезжаю за 10 минут. Прохожу через стеклянную дверь-вертушку и попадаю в

приятное светлое помещение с хорошим ремонтом. На ресепшн мне спешит улыбнуться девушка.

— Здравствуйте. Чем можем вам помочь?

— Мне нужно обратиться к частному детективу.

Она согласно кивает.

— Давайте я вас провожу. Скоро у Геннадия Петровича закончится встреча, и он к вам подойдёт.

Девушка проводила меня в переговорную комнату.

— Чай, кофе, воды?

— Капуччино, пожалуйста.

Через пять минут она принесла мне кружку, а ещё через пять появился детектив Геннадий Петрович. Крепкий мужчина лет 45, с усами и в костюме.

— Здравствуйте, — начал он громким басом. — Чем могу быть полезен?

— Здравствуйте. Меня зовут Кристина Морозова, и мне нужно найти одного человека.

Он достал из портфеля блокнот с ручкой и приготовился записывать.

— Назовите всю известную вам информацию об этом человеке. Имя, дата рождения, последнее известное вам место жительства и так далее. Максимум подробностей.

— Степанова Виктория...

И я рассказала ему все, что знаю о Вике. Он внимательно меня слушал, записывал, а в конце спросил:

— Вы уверены в том, что она жива? Или все-таки могут быть сомнения в этом?

Я опешила.

— Очень надеюсь, что жива. А что?

— Просто к нам, бывает, обращаются в поисках какого-то человека, а потом мы узнаем, что он уже несколько лет, как умер. Когда ваша подруга исчезла?

— Я последний раз ее видела восемь лет назад. По словам общих знакомых, она собрала вещи и ушла из дома где-то через год после нашей последней встречи. То есть, семь лет назад.

— И с тех пор ее никто не видел? Никто с ней не общался?

— Нет.

Геннадий Петрович тяжело вздохнул.

— Это очень большой срок. Будьте готовы к тому, что ее больше нет в живых. Мы принимаемся за работу. Сколько займут поиски, точно сказать не можем, все зависит от того, насколько далеко спрятался человек. Но чаще всего мы справляемся за неделю, иногда меньше. Я свяжусь с вами, когда будет хоть какая-то информация.

— Спасибо, — только и смогла выдать я из себя и покинула их офис.

Глава 18. Сестра

Из детективного агентства мне позвонили через три дня.

— Кристина Игоревна, — начал Геннадий Петрович, — мы нашли вашу подругу. Приезжайте.

Я в этот момент проводила совещание с Александром Александровичем насчёт внедрения своего человека в «Росстрой». По словам главы нашей службы безопасности, в этой компании сейчас есть вакансии в международном отделе, поэтому проще всего будет засунуть крысу туда. Я дала одобрение, и уже с завтрашнего дня наш агент начнёт процедуру трудоустройства.

Александр Александрович удалился, и я тут же стала собираться в детективное агентство.

— Светлана, мне нужно отъехать. Если меня будут искать, то говорите, что я на выездной встрече.

— Хорошо.

По дороге к частному детективу я почувствовала, что у меня стали дрожать руки, а сердце быстро заколотилось. Как в предвкушении чего-то того, что ты так давно ждал и вот наконец скоро получишь.

Я еще прождала Геннадия Петровича минут 15, пока он заканчивал встречу с другими клиентами. От нетерпения я уже чуть ли не подпрыгивала на стуле.

— Кристина Игоревна, вот все, что нам удалось узнать о вашей подруге, — положил он на стол передо мной папку и сел напротив, — если вкратце, то она ведёт беспорядочный образ жизни. Употребляет алкоголь и наркотики, несколько раз привлекалась правоохранительными органами в качестве свидетеля, когда за сбыт запрещённых веществ судили ее знакомых. Ей самой обвинений пока не выдвигали, но это «пока». Ее сожитель торгует героином, и она об этом знает. Поэтому, если его когда-нибудь возмут, а его возмут, я в этом уверен, то вашу подругу могут обвинить в соучастии.

Он перевёл дыхание, а я почувствовала, что мое сердце опустилось в пятки.

— Вам нужно срочно забирать ее от него. Но ни в коем случае не езжайте к ним домой одна, это может быть опасно. Ее сожитель был ранее судим не только за наркотики, но и за разбойные нападения, а также за покушение на убийство. Попросите кого-нибудь из знакомых с вами съездить. Их домашний адрес, а также коды от домофона указаны в досье.

Я тяжело сглотнула.

— Хорошо, Геннадий Петрович, спасибо. Держите ваш гонорар, — и я положила перед ним конверт.

Я взяла папку и собралась уйти, но уже на выходе он меня остановил.

— Кристина Игоревна, — я обернулась, — у вашей подруги есть сын. Ему три года, и он живет с ними. Кто отец, нам установить не удалось, но это точно не ее нынешний сожитель. С ним она недавно.

Я лишь кивнула ему и на негнущихся ногах направилась к машине.

Не знаю, сколько я просидела в автомобиле. Почему-то резко захотелось курить, хотя зависимости от никотина у меня нет. На вечеринках в Гарварде я могла затянуться сигареткой-другой за компанию с друзьями, но это бывало очень редко.

Восстановив равновесие, я поехала в «Золотой ручей». Дома я сразу направилась к своему сейфу. Достала из него пачку пяти тысячных купюр и пистолет. Посомневавшись немного, взяла еще вторую пачку. Положила все это в сумку и поехала по адресу из досье.

Мне некого просить съездить со мной. Можно было бы обратиться к Илье, но он сейчас наверняка слишком занят подготовкой к тендерам. Попросить Максима? Он не помнит Вику. Да и она в его присутствии может сболтнуть лишнего. Обратиться к Егору? Он в субботу ясно дал понять, как теперь относится ко мне. К тому же он снова друг Максима, а связываться

с друзьями Самойлова я больше не буду никогда в жизни. Между нами и так достаточно преград. Не хватало еще одной в виде его друга.

Я подъехала к серой пятиэтажке в одном из самых отдаленных районов Москвы уже вечером. Набрала код на двери подъезда и зашла внутрь. В нос сразу ударили запахи мочи и мусора. Стараясь глубоко не дышать, я поднялась на третий этаж и позвонила в дверь. Мне никто не открывал, но я продолжала звонить снова и снова.

Через какое-то время я все-таки услышала за дверью шорох в перемешку с нецензурной бранью. Замок щелкнул, дверь открылась и передо мной предстал пьяный мужик в грязных спортивных штанах и без майки. Его тело было усыпано различными татуировками. Нет, даже не так. Его тело было усыпано зековскими наколками. Довольно длинные для мужчины волосы седого цвета спадали сальными прядями на лицо.

— Чего тебе? — Взревел он.

Я перевела дыхание (насколько это возможно в вонючем подъезде) и выдавила из себя:

— Вика тут живет?

Он удивился моему вопросу. Слегка откинул голову назад и провёл по мне глазами снизу вверх и обратно. У меня тут же появилось желание тщательно смыть с себя мочалкой его взгляд.

— Ну, допустим. — Протянул он. — А ты кто такая?

— Я ее сестра.

Лицо этого типа вытянулось в изумлении. Он еще какое-то время на меня оценивающе посмотрел, а потом крикнул вглубь квартиры.

— Вика! Тут пришла какая-то расфуфыренная цаца и говорит, что она твоя сестра.

В этот момент я услышала, как внутри что-то разбилось. Мне уже надоело стоять у двери, поэтому я просто оттолкнула от прохода этого типа и зашла внутрь.

И через секунду в прихожей появилась она. Моя подруга детства. Моя названная сестра. Крестная дочь моей мамы.

Ей только-только исполнилось 26 лет, но передо мной сейчас стоит не молодая и красивая девушка, какой она когда-то была и какой она должна была остаться до сих пор. Передо мной стоит пропитая, обдолбанная девица лет на 10 старше своего реального возраста. Грязные темные волосы убраны в небрежный пучок, в зубах сигарета, а из одежды только мужская футболка с жирными пятнами.

Она стоит, замерев, и не сводит с меня взгляда. Что я вижу в ее потухших глазах? Лишь обиду и боль.

— Ты? — наконец со смешком выдавливает она из себя и затягивается сигаретой.

— Я, — тихо отвечаю и чувствую, как на глаза наворачиваются слезы.

— Что тебе нужно?

— Я приехала за тобой.

Вика нервно засмеялась.

— Не нужно было. У меня все хорошо и без тебя.

— Мне так не кажется. Собирай вещи, бери своего ребёнка и поехали.

— Я больше не исполняю твои приказы, Кристина. Ты мне больше не старшая сестра. Коля, — обратилась она к стоящему за моей спиной мужику, — выстави ее отсюда.

И она развернулась и ушла вглубь квартиры. Я обернулась к ничего не понимающему Коле и тихо спросила его:

— Мы можем с тобой поговорить наедине?

— О чем? — Хмыкнул он, — Моя женщина попросила выставить тебя, и я с удовольствием это сделаю.

Я подошла к нему вплотную, достала из сумки пачку денег и положила на столик возле входной двери.

— Ты забираешь деньги, а я забираю Вику и ее ребёнка. И ты больше никогда не появляешься в их жизни.

Он снова прошёлся по мне оценивающим взглядом.

— Ты думаешь, я продам свою девушку? — И тихо рассмеялся.

Я молча достала из сумки вторую пачку денег и положила ее рядом с первой. Больше кроме пистолета мне доставать нечего, и я почувствовала, как по спине от страха прошёлся холодок.

— Брюлики еще гони свои.

Я послушно сняла с себя серьги и кольцо и положила рядом с деньгами.

— И вот это, — указал глазами на браслет Максима.

— Это не отдам. Бери, что даю.

Хорошо, что кулон мамы сейчас скрыт под моей блузкой.

Мгновение он еще просверлил меня взглядом, а потом быстро взял деньги, мои украшения, выдвинул первый ящик столика и положил их туда. А потом пошел вглубь квартиры и громко сказал:

— Вика, собирай манатки и проваливай отсюда со своим спиногрызом. И больше, чтобы вы тут не появлялись.

— Чтооооо? — Закричала она.

— Что слышала. Вон из моего дома.

Вика выбежала ко мне в коридор.

— Что ты ему сказала, тварь!?

— Делай, что тебе говорит этот мужчина, — спокойно ответила ей.

Она в недоумении перевела взгляд с меня на него и с него на меня.

— Коля, не слушай ее что бы она тебе ни сказала! Ты не знаешь, какая она на самом деле!

— Вика, я даю тебе на сборы десять минут. Иначе я вышвырну тебя отсюда силой, — спокойно парировал он ей.

Подруга тяжело задышала и завертела головой. В этот момент из комнаты вышел ребенок, одетый в одни трусики.

— Мама, я хочу кушать, — обратился он к ней.

— Мишенька, вернись в комнату. Я сейчас к тебе приду.

Ребенок послушно развернулся и хотел было направиться внутрь, но Николай грубо схватил его за руку и толкнул ко мне. Ребенок тут же заплакал.

— Никаких «вернись в комнату», Вика. Убирайся вместе со своим спиногрызом.

По ее щекам потекли слезы.

— Но как, Коля...?

— Вика, у тебя осталось пять минут, — зло прорычал он ей.

Она мгновение помедлила, еще раз прожгла меня ненавидящим взглядом, а потом выдавила из себя:

— Хорошо. — И ушла куда-то внутрь вместе с ребёнком.

Через пять минут она вышла, одетая в джинсы и другую майку, но не менее грязную, чем была на ней до этого. На мальчике были короткие шорты и футболочка. Вика обула кроссовки, надела обувь на ребёнка, взяла сумку и вышла из квартиры. Я чувствовала ее ненависть кожей.

Мы спустились к моей машине молча. Она села вместе с ребёнком на заднее сиденье и отвернулась к окну. Машина медленно наполнилась запахом перегара, и я опустила до половины окно возле себя.

— Куда ты нас везёшь? — Спросила Вика минут через 15.

— К себе домой.

— Зачем?

— Вы теперь будете жить со мной.

— Я не хочу.

Я тяжело вздохнула.

— А что ты хочешь, Вик? Сесть в тюрьму за наркотики? Чтобы тебя лишили родительских прав и забрали твоего ребёнка в детский дом?

— Думаешь, можешь вот так появиться через восемь лет и все снова будет по-твоему? — Зло выплюнула и повернула голову от окна на меня.

Я ей ничего не ответила. Мы доехали до Золотого ручья в тишине. Дома мы поднялись на мой второй этаж, я достала из своего шкафа какие-то вещи, дала их Вике и сказала идти в душ, которым раньше пользовался Максим. Пока она мылась, я отвела ребёнка на кухню и покормила пюре с котлетой.

Из ванной все еще доносился шум воды, поэтому я решила воспользоваться Викиным отсутствием. Позвонила своей секретарше.

— Светлана, срочно найдите мне хорошую клинику недалеко от Москвы, где лечат от наркотической и алкогольной зависимости. Уже завтра нужно будет положить туда одного человека.

— Хорошо, Кристина Игоревна. Все сделаю.

Затем я набрала домработнице Степановых.

— Кристиночка, здравствуй! — Радостно сказала она мне в трубку.

— Людмила Николаевна, здравствуйте. Я нашла Вику.

На том конце провода повисла тишина.

— Как она? Где она была? — тихо вымолвила женщина.

— Долго рассказывать, Людмила Николаевна. Давайте при встрече. У Вики есть сын, ему три года. Не хотели бы вы уволиться от Степановых и перейти на работу ко мне в качестве няни Викиного ребёнка?

— Очень хотела бы, Кристиночка. Очень!

— Тогда жду вас завтра ровно в семь утра в Золотом ручье. Точный адрес пришлю смской.

— Ой, а я прямо с завтрашнего дня не могу, — затараторила она, — мне надо будет отработать у Степановых две недели. Иначе они меня не рассчитают и...

Я перебила ее на полуслове.

— Людмила Николаевна, я дам вам столько денег, сколько потребуется, и даже больше. Но вы нужны мне уже завтра. Я работаю целый день, сидеть с ребёнком будет некому.

Она мгновение помедлила, а потом сказала:

— Хорошо, Кристина. Присылай адрес. Ровно в семь утра буду у тебя.

Я положила трубку, написала ей адрес и поднялась с ребёнком в свою комнату. За окном уже темнело. Вика вышла из душа и зашла ко мне.

— Я покормила ребёнка, теперь искупай его, — сказала ей я, — но детских вещей у меня нет. Надень на него пока мою майку, — я достала из шкафа первую попавшуюся и дала Вике, — завтра я куплю одежду твоему сыну.

Степанова не проронила ни слова, послушно увела ребёнка в душ. Через полчаса она вышла с ним.

— Мише пора спать. Куда его положить?

— В гостевую, — я проводила ее в одну из свободных комнат на втором этаже.

Вика скрылась за ней. Минут через пять я услышала тихое пение колыбельной песни. Еще минут через десять она вернулась в мою спальню и в нерешительности остановилась посередине. Я тихо встала со своей кровати и подошла вплотную к подруге. В Викиных глазах появились слезы.

— Где ты была? — Тихо начала она с горечью в голосе. — Где ты была, Кристина?

Я молчала.

— Где ты была? — она уже плакала во всю силу. Я обняла ее и притянула к себе, — Где ты, черт возьми, была столько лет!?

Я почувствовала, как по моим щекам тоже потекли слезы.

— Простите меня, — тихо вымолвила ей через какое-то время дрожащим голосом, — простите меня все... Пожалуйста...

Вика рыдала навзрыд.

— Я так тебя ждала, Кристина. Я так тебя ждала. А ты просто вычеркнула меня из своей жизни. Ты меня предала!

Я беспомощно опустила веки, больше ничего ей не ответив. Ведь Вика права. И Егор прав. Я их всех предала.

Я уложила подругу в другую гостевую комнату и присела на краешек ее кровати.

— Тебе нужно вылечиться от зависимости, — тихо начала я.

— Я знаю.

— Завтра приедет Людмила Николаевна. Я попросила ее стать няней твоему Мише.

Вика развела губы в легкой улыбке.

— Хорошо. Спасибо.

— И завтра же тебе нужно будет лечь в клинику. Миша будет жить у нас вместе с Людмилой Николаевной.

— Хорошо.

Мы помолчали еще какое-то время, а потом я встала и направилась из ее комнаты.

— Кристина, — тихо окликнула меня Вика, когда я уже стояла в дверях. Я медленно к ней повернулась. — У меня Мишенька не крещенный. Покрестишь его?

— Да, — также тихо ответила ей, — конечно.

Вика мне еще раз грустно улыбнулась и закрыла глаза. Я притворила дверь ее комнаты и направилась к себе. Чувство вины перед Викой, перед Максимом и даже перед Егором еще долго больно жгло мне сердце.

Глава 19. День не задался

На следующий день в 6:30 утра, за полчаса до приезда Людмилы Николаевны, я делаю папе два объявления. Первое — Вика, ее сын и няня будут жить у нас, и это не обсуждается. Второе — я выбрала район для покупки собственной квартиры. Поэтому гости будут находиться в «Золотом ручье», пока я не перееду к себе. Потом вместе со мной переедут и они.

Я решила купить квартиру на своей любимой станции метро Кропоткинская, чтобы окна выходили на Патриарший мост и Москва-реку. Большую, пятикомнатную, с высокими потолками. Отцу ничего не оставалось кроме как согласиться.

— Людмила Николаевна, — обратилась я к женщине, когда она приехала, — Вика и ее сын еще спят. Они в гостевых комнатах на втором этаже. Прямо в конце коридора там есть еще одна свободная спальня, вы располагайтесь в ней. Та, что напротив моей, принадлежит моему сводному брату, поэтому там никому находиться нельзя, хоть он тут уже и не живет. Держите деньги, — я передала ей два конверта, — в первом ваша зарплата на месяц вперед, во втором деньги на покупку детской одежды для Миши. В 10 утра за Викой приедут из клиники, в которой ее будут лечить от зависимости. Я собрала для нее сумку со своими вещами. Когда ее увезут, обязательно позвоните мне. После этого берите ребёнка и езжайте с ним по магазинам.

— Хорошо, Кристиночка, поняла.

На работе день не задался сразу же. То пролила кофе на важные документы, то пришлось сообщение о проигранном нами тендере, то наорала на Соколова, потому что он никак не мог понять, что я от него хочу. И только в обед я подошла к окну, беспомощно прислонилась лбом к стеклу, закрыла глаза и призналась сама себе в том, что я раздражена не из-за Соколова, не из-за пролитого кофе и даже не из-за проигранного тендера. Я раздражена из-за того, что завтра свадьба Максима.

У меня по-прежнему ни идеи, как его вернуть. Илья сказал, что я Максиму небезразлична. Якобы это заметно. Наверное, я тоже чувствую, что Максим относится ко мне не как к незнакомой сводной сестре. То взгляды, то поцелуи в щеку при встрече и при прощании. Его поведение в машине, когда я разговаривала по громкой связи с Ильей, было очень похоже на ревность. Именно так Максим реагировал восемь лет назад, когда видел меня в присутствии другого парня: то сверлил злым взглядом, то демонстративно отворачивался, то плевался ядом.

Это даёт мне надежду. Вот только все равно завтра он женится. А послезавтра улетает с Олейниковой на две недели на какие-то острова.

Беспомощно бью по подоконнику кулаком. Не знаю, как, но Максим будет моим. Еще немного пообщаюсь с ним по-дружески, а потом просто все ему расскажу. И там будь, что будет. Если его чувства ко мне еще живы, то он с ней разведётся. Если нет, то, значит, будет моя смерть.

Глава 20. Мои похороны

Как одеться на собственные похороны?

Тяжелая задача.

Может, вот это синее платье с глубоким декольте? Или вот это полупрозрачное бежевое? А что если вот это изумрудное с голой спиной?

Или вот это черное с жемчугом на широких бретелях и разрезом чуть выше колена, в котором восемь лет назад на Новый год я потеряла голову? А, может, вот это голубое с пайетками, в котором сошла с ума от любви на школьном выпускном?

Думаю, лучше все-таки новогоднее черное. Оно как раз закрывает мою татуировку. Когда-то я выбирала этот наряд специально для него... И мечтала, чтобы его с меня снял тоже он. Вот только в итоге в ту новогоднюю ночь это платье я в слезах стащила с себя сама.

В этот раз будет точно так же.

На моих похоронах оченьлюдно. Все красивые, нарядные. Смех, веселье, шампанское рекой. Группы девочек делают счастливые селфи, группы мальчиков ищут, кого бы снять на эту ночь. Папа постарался, пригласил человек 300. Он по-другому никогда не умел устраивать мероприятия. Даже на похоронах родной дочери он намерен провести парочку-другую переговоров по бизнесу.

Многочисленные гости замолкают, потому что в зал под торжественную музыку выходят два моих палача. Их приветствуют аплодисментами, а они идут и светятся счастьем.

Через пять минут они меня убьют.

Они становятся перед судьей — женщиной в годах — и с широкими улыбками слушают, что она им говорит.

— Да, — отвечает первый палач.

— Да, — произносит второй.

Я опускаю свинцовые веки. Выстрел сделан прямо в сердце. Я мертва. Вот только, к сожалению, внутри, а не снаружи.

Снаружи я сейчас должна улыбаться и хлопать в ладоши, как и все остальные 300 человек. Изображать счастье и радость. А еще я должна одной из первых подойти к своим палачам и поздравить их.

Я же, черт возьми, сестра жениха!

Уверенной походкой и с широкой улыбкой направляюсь к ним. Ловлю на себе взгляд Максима через плечо какого-то друга, который его сейчас обнимает. Он жадно скользит по мне глазами снизу вверх и обратно. Мне кажется, я даже вижу, как Максим тяжело сглатывает.

Подхожу к нему вплотную и заглядываю в карие глаза. Когда-то я в них тонула. Желваки на его щеках дергаются, челюсть плотно сцеплена. Я обвиваю его шею руками. Он шумно выдыхает и обнимает меня за талию, притягивая к себе. Держит намного крепче и намного ближе, чем полагается держать сестру.

— Поздравляю, братик. Желаю тебе счастья, — шепчу на ухо, а затем едва ощутимо касаюсь губами его щеки.

От моего поцелуя он дергается и на мгновение притягивает к себе еще ближе. Все это занимает секунды, поэтому окружающие нас люди ничего не замечают. Но мы с Максимом замечаем.

— Спасибо, сестренка, — отвечает мне сквозь сжатые зубы и пристально смотрит в глаза.

Я дарю ему еще одну широкую улыбку, освобождаюсь из его рук и подхожу к невесте. Она смотрит с вызовом, чувствует во мне соперницу. Правильно.

— Поздравляю, — говорю ей сахарным голоском и уничтожаю взглядом.

— Спасибо, — зло цедит мне.

Я наклоняюсь к ней, слегка приобнимаю за плечи и произношу на ухо.

— Ты выиграла эту битву. Но не войну.

А затем отстраняюсь и безмятежно смеюсь, как и подобает сестре жениха в день свадьбы брата. Она нервно сглатывает, но ничего не отвечает. Потому что в глубине своей души понимает, что я права.

В ресторане все уже пьяные. Один тост сменяет другой, то и дело кто-то выкрикивает «Горько!». Но я молчу.

— А теперь танец жениха и невесты! — Торжественно объявляет в микрофон ведущий, и гости взрываются аплодисментами.

Максим с широкой улыбкой выводит в центр зала свою новоявленную миссис Самойлову и начинает кружить в танце под какую-то песню. Что-то шепчет ей на ухо, а она смеется. Потом он аккуратно целует ее шею, проводит ладонью по спине, она устраивает свою голову у него на груди.

Не отрывая взгляда от этой картины, наливаю себе в бокал шампанского и залпом выпиваю. На свободное место рядом со мной опускается еще один призрак моего прошлого. Кладет свою руку на спинку моего стула и склоняется над ухом.

— Видишь, как он с ней счастлив? — Тихо говорит мне Егор. — Он ее любит.

Я смеюсь этим словам, а Кузнецов продолжает.

— А знаешь, как красиво Максим сделал ей предложение?

— Ты свечку держал что ли? — Хмыкаю в ответ.

— Нет, но Максим сам мне рассказывал. И советовался, когда выбирал кольцо. Мы ведь с ним лучшие друзья.

Я молчу. Но Егор голосом змея-искусителя продолжает провоцировать меня дальше.

— Ты ему не нужна. Он без тебя смог. — Делает небольшую паузу и шепчет каждое слово по отдельности. — Мы. Все. Без тебя. Смогли. — А затем более громко. — Не ожидала?

Танец Максима и его жены закончился, и они направились к своим местам. Проходя мимо, Максим повернул голову и внимательно посмотрел на меня и Егора.

Я молча встаю со своего стула, Кузнецов поднимается следом за мной. Мы стоим очень близко, смотрим друг другу в лицо. Егор напряжен, в его глазах целый калейдоскоп негативных эмоций: злость, ненависть, обида, раздражение... Он так и не смог меня простить. А Максима простил.

Я мягко хлопаю Кузнецова два раза по плечу, разворачиваюсь и направляюсь прямо к Максиму. Я вижу, что он резко напрягается. Значит, заметил боковым зрением, что я приближаюсь.

— Потанцуем, братик? — Спрашиваю его с улыбкой.

Он на мгновение замирает, явно не ожидал от меня такой просьбы. А затем отвечает с напряжением в голосе:

— Конечно.

Мы идем к танцполу, и я чувствую, как его жена прожигает мне спину. Сейчас играет медленная песня, и Максим торопится положить руки мне на талию.

— Подожди, — останавливаю его, — я попрошу диджея включить одну песню.

Быстро направляюсь к парню у пульта, говорю ему название трека и возвращаюсь к Максиму.

Мелодия заиграла, я положила ладони на плечи Максиму, он опустил свои мне на талию. Из колонок полился приятный голос Мадонны, исполняющей песню Masterpiece. Что переводится как «Шедевр». Когда-то очень давно Максим так меня называл. Я всматриваюсь в область его сердца и через тонкую белую рубашку вижу чёрные прописные буквы. А я все эти годы почему-то была уверена, что он свёл татуировку.

Нет, не свёл.

Максим напрягся с первых слов певицы, пристально посмотрел мне в глаза и сжал зубы.
— Это старая песня Мадонны, — поясняю, будто бы ему это неизвестно.

— Я знаю. Но уже очень давно не слышал.

— Я тоже. Но сейчас хороший повод переслушать ее, не правда ли?

Он ничего не отвечает, лишь шумно выдыхает и слегка опускает веки. Я аккуратно веду свои ладони от его плечей к шее и прохожусь по ней кончиками пальцев. Максим вздрагивает и снова широко распахивает глаза. Шумно сглатывает.

— Кристина... — он мягко выдыхает мое имя.

— Да, Максим? — так же мягко спрашиваю его.

— У меня дежавю.

Я ничего не отвечаю, лишь грустно улыбаюсь. Мы закончили танец молча. Максим все так же был напряжен. То прикрывал свои веки, то, наоборот, широко распахивал глаза и смотрел на меня не отрываясь.

Когда трек закончился, я поспешила удалиться, но Максим остановил меня, схватив за ладонь.

— Почему ты выбрала именно эту песню?

Я помешкалась пару секунд, размышляя, говорить ли ему правду.

— Потому что однажды мы уже под нее танцевали. И тогда эту песню выбрал ты, — я решила все-таки не врать.

Он замер. Смотрит пристально, дышит тяжело. Моя рука все еще в его руке. Наверное, кто-то из гостей может обратить внимание на нашу заминку, но и мне, и Максиму сейчас все равно.

— Я не помню этого, Кристина, — наконец выдавил из себя он.

Я лишь грустно улыбнулась.

— Я знаю, Максим.

Он сделал ко мне шаг и навис сверху. Боковым зрением я заметила, что миссис Самойлова уже метает молнии. Но, кажется, Максиму сейчас нет никакого дела до его жены.

— Кристина, — он настойчиво сжал мою руку, — помоги мне вспомнить тот год. Все говорили, что в моей жизни тогда не произошло ничего особенного, и я долго им верил. Но сейчас мне уже так не кажется. — Он шумно сглотнул. — Пожалуйста, помоги мне вспомнить мой первый год в Москве и... тебя, Кристина.

Я замерла. Максим сам хочет вспомнить, просит меня ему помочь... А ведь чуть больше недели назад, когда мы вместе обедали, он говорил, что ему уже по фиг на то, что было в 11 классе.

— Зачем, Максим? Это ведь всего лишь последний год в школе. Уроки, экзамены, выпускной... Ничего интересного.

Сама не знаю, зачем говорю это. Но горечь и ревность сейчас льются из меня ядом.

— Нет, Кристина. Там было что-то еще. И от меня все это умалчивали.

Максим уже сжал мою ладонь до боли, но я все равно не убираю ее из его захвата. Известно, когда еще мне удастся прикоснуться к нему.

— Если ты вспомнишь, то разочаруешься в людях, которым все эти годы доверял. — Я мгновение медлю, но все же решаю сказать. — В частности, в своей жене и в своём лучшем друге.

Его глаза округляются в удивлении, но Максим ничего не успевает мне ответить, потому что в этот момент к нам подходит Ольга. Как же она меня все-таки боится.

— О чем толкуете? — спрашивает с улыбкой. Неискренней.

— Да так. О том, о сём, — отвечает ей Максим, продолжая смотреть на меня и держать мою ладонь.

Она тянется к его руке и убирает ее от моей. Максим послушно двигается, но будто на автомате, все еще продолжая смотреть мне в глаза.

— Дорогой, пойдём вернёмся. Сейчас уже твои бабушка и дедушка будут звонить, поздравлять нас. Как жаль, что им здоровье не позволило приехать.

Максим одарил меня последним пристальным взглядом и направился со своей женой к их местам. А я лишь горько хмыкнула. Когда-то очень давно Максим обещал познакомить меня с бабушкой и дедом. Но в итоге с ними знакома Олейникова, а не я.

— До сих пор любишь его? — Раздаётся над ухом шёпот Кузнецова. Он наблюдал это все со стороны.

Резко оборачиваюсь и снова оказываюсь с ним лицом к лицу.

— До сих пор любишь меня?

Кузнецов не ожидал такого вопроса. Улыбочку, которой он весь вечер надо мной злорадствует, как рукой сняло. Сейчас стоит с каменным лицом, смотрит ровно в глаза и надрывно дышит.

— Чего молчишь, Егор? Ты любишь меня до сих пор или нет?

— А что тебе даст мой ответ, Кристина?

— А что тебе даст мой ответ, Егор?

Он тяжело сглотнул.

— Просто ответь, почему он, а не я?

— Я бы очень хотела, чтобы был ты, Егор. Очень. Но Максима я встретила намного раньше тебя. И полюбила.

Он засмеялся.

— В смысле раньше меня? Максим приехал в начале 11 класса.

— Мы встречались с ним до этого. Задолго до этого, Егор. В детстве. И я уже тогда полюбила его, а потом в 17 лет мы с ним встретились снова.

Его глаза округлились в удивлении, и я собралась уйти, но Кузнецов задержал меня за руку.

— Скажи, кто стал у тебя первым?

— А ты как думаешь?

— Максим?

— Да.

Он горько хмыкнул.

— В чем твой мотив, Егор? — Решаю все-таки задать интересующий меня вопрос.

— В смысле? Какой мотив?

— Мотив дружить с Максимом, несмотря на то предательство, которое ты получил и от меня, и от него.

Он тяжело вздохнул.

— А нет никакого мотива, Кристин. Я случайно столкнулся в коридоре универа с Олей и Максимом. Я хотел пройти мимо них, не здороваясь, но Олейникова меня остановила и стала представлять Максиму. Я удивился, и она объяснила, что произошло с Самойловым. Тогда я удивился еще больше. Так я изредка на переменах стал снова общаться с ними обоими. Ну а потом выяснилось, что ты уехала с концами: не звонишь, не пишешь, не приезжаешь. И Максим тебя совсем не помнит. И вообще никто о тебе не говорит, даже в вашем доме. Как будто тебя никогда не было. Так я снова сдружился с Максимом.

— Почему ты ничего ему не рассказал?

— А что я должен был рассказать, Кристин? «Чувак, мы были с тобой лучшими друзьями, пока ты не отбил у меня любимую девушку»? Так я должен был ему сказать?

— А если бы я приехала? Если бы Максим меня вспомнил?

Егор пожал плечами.

— Не знаю. В какой-то момент ты стала призраком.

Я опешила от такой характеристики.

— В смысле?

— Это сложно объяснить словами, но, понимаешь, все о тебе знали, все, кроме Максима, тебя помнили, но никто никогда о тебе не говорил. Даже в твоей семье о тебе не говорили. При этом запрет тебя обсуждать тоже никто не вводил. Просто ты исчезла, и все мы вели себя так, будто тебя и не было никогда.

От таких слов сердце больно кольнуло. А Кузнецов продолжил:

— Но ведь ты именно этого и хотела? Когда не приезжала, когда не звонила, когда не писала, когда удалила свои страницы из соцсетей. Ты ведь этого и хотела, правда?

Я помедлила, но потом все же вымолвила с дрожью в голосе:

— Да.

Егор согласно кивнул.

— Ты снова добилась своей цели, Кристина. Ты хотела стать призраком — ты им стала.

И на этих словах он развернулся и ушел. А я так и осталась стоять, пока ко мне не подошёл отец.

Глава 21. Свадьба

— Крестин, саратовский губер приехал. Ты хотела с ним поговорить.

— Да, пап, пошли.

Я направилась за отцом в переговорную комнату, быстро взяв в себя руки. Умение оперативно и в нужный момент натягивать на себя маску у меня уже отработано до автоматизма. И лишь один человек знает, кто на самом деле за ней скрывается: ранимая и беззащитная девочка, льющая слезы, когда никто не видит.

— Семён Павлович, разрешите представить вам мою дочь, — начал отец, — Кристина. Сейчас пока вице-президент «Капитал-Строя», а в будущем моя преемница.

Семен Павлович — мужчина лет 60. Типичный губернатор. Огромное пузо, потеющее лицо, тяжелая одышка.

— Очень приятно, очень приятно, — потянулся он поцеловать мою руку.

Я одарила его широкой улыбкой.

— И мне тоже очень приятно, Семён Павлович. Вы знаете, я так люблю Саратовскую область, у меня столько тёплых воспоминаний с ней связано.

— Да? И каких же?

— У вас раньше был детский лагерь на берегу Волги. «Солнышко» назывался. А, может, он и до сих пор есть. Меня родители отправляли туда перед первым классом. Прошло 19 лет, а до сих пор вспоминаю его с любовью.

Губернатор тяжело вздохнул.

— Да. 19 лет назад у нас еще были детские учреждения на реке. Сейчас ни одного не осталось.

Я изобразила искреннее удивление.

— Да что вы говорите!? Как так?

— А вот так, Кристина Игоревна. Предыдущая команда, которая управляла областью до меня, отдавала приоритет другим направлениям. Не культурно-досуговым. И уж точно не для детей.

— То есть, этого лагеря уже нет?

— Уже никакого нет. Хотя раньше их штук пять по Волге было разбросано, — и он грустно вздохнул.

— Семён Павлович, — аккуратно начала я, — так давайте мы вам поможем восстановить этот детский лагерь, в котором я была. Совершенно бесплатно. У нас есть благотворительная программа. Мы возводим различные социальные объекты в регионах на безвозмездной основе. Давайте мы вас включим в эту программу и уже к следующему лету, я думаю, лагерь удастся отстроить заново.

Губернатор резко оживился.

— Да? Это возможно? Я был бы очень рад.

— Конечно, возможно, Семён Павлович!

— И вас это никак не затруднит?

— Ни в коем случае. Благотворительность — это один из наших приоритетов.

— Ой, Кристина Игоревна, спасибо вам большое. Мы будем вам очень благодарны.

— Тогда уже в понедельник я дам распоряжение. Мне нужно будет отправить к вам команду архитекторов, проектировщиков и дизайнеров. Вы сможете выделить человека, который будет сопровождать моих людей и давать им всю необходимую информацию?

— Конечно, смогу. Я прямо сейчас передам всю информацию нашему департаменту строительства. Они будут для вас на связи 24 часа в сутки.

— Хорошо, — я одарила его еще одной улыбкой, — тогда я заберу все контакты у отца?

— Да, Кристина Игоревна. Передам все вашему папе.

Мы с ним еще раз пожали друг другу руки и уже на выходе из переговорной я услышала слова губернатора, обращенные к отцу.

— Игорь Петрович, мы скоро тендер запускаем на строительство нового ЖК. Будем очень надеяться, что вы примите в нем участие. Вы пока что самая надёжная строительная компания из всех в России...

Я направилась на выход из ресторана. Почему-то колотилось сердце. То ли от просьбы Максима, то ли от разговора с Егором, то ли от того, что я отстрою детский лагерь заново. Мысленно я пообещала себе возвести его еще восемь лет назад, когда мы с Максимом приехали туда и увидели заброшенное здание.

Я стояла, привалившись к ограждению веранды. Потихоньку начинает смеркаться. Ко мне подошёл официант, и я взяла с его подноса бокал шампанского.

— Скучаете? — Раздался приятный мужской голос справа от меня.

Я обернулась и увидела молодого симпатичного мужчину в костюме лет 35. Я знаю, кто это. Изучила его досье перед свадьбой. Буквально за секунду натягиваю на себя маску и закрепляю потуже броню.

— Скорее, отдыхаю.

— Вячеслав, — протянул он мне руку.

— Кристина, — ответила я на его рукопожатие.

Мы с ним обменялись улыбками.

— Какими судьбами на этой свадьбе? — Спросил он меня.

— Я сестра жениха.

На его лице проскользнуло удивление, а потом хитрая ухмылка.

— Та самая Кристина Морозова? Хищная акула из Гарварда? Простите, если обидел вас этими словами. Но так про вас говорят.

Я пропустила это мимо ушей.

— Тот самый Вячеслав Лысов? Из великого и могучего «Росстроя»?

— Он самый, — широко улыбается.

— Она самая, — возвращаю ему улыбку.

Он тоже потянулся за шампанским и слегка коснулся моего бокала.

— За встречу.

— За встречу.

Мы отпили по глоточку, не прерывая зрительного контакта.

— Я слышал, вы восемь лет прожили в США и только недавно вернулись.

— Да, это так.

— Сильно Россия изменилась?

Я пожала плечами.

— И да, и нет. Вроде бы все новое, а с другой стороны, все то же самое. А вы что думаете о нашей стране?

Он тихо засмеялся.

— Что здесь можно и нужно жить. И делать тут бизнес.

— Вы правы. Но не находите, что в одиночку это тяжело?

— Да, есть такое. Поэтому нужны союзники и единомышленники.

— Вы нашли?

— Вот как раз в поиске, — и он многозначительно на меня посмотрел, — думал, может, на этой свадьбе встречу соратников.

— А вам они для чего конкретно нужны?

Он слегка задумался.

— Думаю, в Гарварде вас должны были обучать олигополии. Я считаю, что именно за ней будущее любой рыночной экономики. Что если в России останутся две лидирующие строительные компании, которые честно поделят между собой рынок?

Я согласно закивала.

— Да, вы правы.

— Всегда приятно, когда умные и красивые девушки соглашаются.

А вот тут уже повеяло сексизмом. Терпеть не могу. Я секунду посомневалась, но потом все же решилась.

— Может, поужинаем как-нибудь, мистер Лысов? Обсудим с вами рыночные отношения и все плюсы и минусы олигополии.

Он довольно улыбнулся.

— С удовольствием, мисс Морозова. Я запишу ваш телефон? Предпочитаю самостоятельно выбирать места для ужинов с прекрасными дамами. И самостоятельно их приглашать, а не передавать через секретарей.

Я вернула ему улыбку и продиктовала цифры. Напоследок он поцеловал тыльную сторону моей ладони и удалился. В принципе, можно и мне уже отсюда сваливать. Со всеми, с кем мне надо было, я уже поговорила. Отец тоже представил меня, кому хотел.

Я возвращаюсь в ресторан, иду к своему месту, беру клатч и прощаюсь с отцом и Еленой. К Максиму с Ольгой я решаю не подходить. Им сейчас как раз кто-то очередной раз крикнул «Горько», и они целуются.

Выхожу из ресторана, вызываю такси через мобильное приложение и жду. Лысов дал понять, что они готовы поделиться территорией, но с кем-то одним. Интересно, с Токаревым он тоже встречался и обсуждал это? Наверняка. Скорее всего, «Росстрой» выбирает между нами и «Вижн-Строем». Жаль, конечно, Илюшу, но я сдаваться не намерена. Если помимо «Росстроя» должна будет остаться еще одна лидирующая строительная компания, то это будем мы.

— Уже уходишь? — раздается из-за спины голос Максима.

— Да. Жду такси, — отвечаю ему, не оборачиваясь.

Он встал напротив меня и заглянул в глаза.

— Ольга не дала нам договорить тогда в зале.

— Ага. Тебе не кажется странным, что твоя жена старается по максимуму оградить тебя от меня?

— Кажется.

— Возможно, она помнит что-то, чего не помнишь ты?

Максим хмыкнул.

— Возможно. Но ты же сможешь мне вспомнить?

— Каким образом, Максим? Если ты за восемь лет не вспомнил, то почему это должно произойти сейчас?

Он сделал еще шаг ко мне и навис сверху.

— У меня в твоём присутствии дежавю, Кристина. Впервые за восемь лет я испытываю это чувство. Никогда с момента аварии у меня его не было. Ни с кем. А ты приехала, и стоит мне на тебя посмотреть, как меня накрывает целая волна. Даже сейчас.

В этот момент подъехало мое такси, и я направилась к машине. Максим резко развернул меня за руку и притянул к себе. Обнял за талию, вдохнул запах волос и поцеловал нежно в щеку. Сердце снова бешено заколотилось, а кожа покрылась мурашками.

— Пока, Кристина, — прошептал мне на ухо. — У тебя очень красивое платье.

Когда-то я обошла сотню магазинов, чтобы выбрать его специально для тебя...

— Спасибо, Максим.

Я хочу освободиться из его объятий, но он продолжает держать меня в кольце своих рук.

— Максим,пусти. Ты уже неприлично долго меня обнимаешь.

Он нехотя разомкнул объятия, и я направилась к машине. Уже у двери я обернулась к нему.

— Ты должен понимать, что тебе придется с этим жить.

— С чем?

— С воспоминаниями, Максим. Если они вернуться.

Он мне ничего не ответил. Только грустно улыбнулся. Я села на заднее сиденье и отправилась домой, чтобы уже за закрытой дверью своей комнаты снова разрыдаться.

Глава 22. Страсть

Следующие две недели проходят исключительно за работой. Папа начал покупку квартиры, которую я себе выбрала, Вика легла на полтора месяца в клинику, а Людмила Николаевна и Миша живут в Золотом ручье. Кажется, папа и Елена даже прониклись к нему. По крайней мере я видела несколько раз, как отец катал Мишу на шее, а Елена читала ему сказку.

У меня и самой стали появляться чувства к этому ребёнку. Правда, не получалось проводить с ним много времени, потому что, когда я уходила на работу, он еще спал, а когда я возвращалась с работы, он уже спал. Но тем не менее каждую ночь я заходила к Мише в комнату, тихо садилась рядом на пол и смотрела, как он спит. У Мишеньки Викины черты лица. Такой же носик и губки, разрез глаз.

Мой будущий крестный сын. Я рада, что Вика попросила меня об этом. Илья уже дал согласие на то, чтобы стать крёстным и даже приехал в «Золотой ручей» на выходных, чтобы познакомиться с ребёнком.

— Буду теперь называть тебя «кума», — обратился ко мне Токарев со смехом.

— Только попробуй! Ужасное слово!

Крестины мы решили провести после того, как Вику выпишут.

Вот только неприятный червь бередил мне сердце при каждом взгляде на Илью. Я встретила с Лысовым из «Росстроя». Он предложил нам стать их субподрядчиками в двух проектах, где сами они не успевают закончить работы в срок из-за большой нагрузки.

Наконец, уже было готово и исследование по Европе и СНГ. Оказалось, что во Франции два некогда очень успешных застройщика на ладан дышат. Через их покупку и слияние с нашей компанией можно открыть себе дорогу на европейский рынок, который как раз восстанавливается после предыдущего кризиса. Есть одна строительная компания в предбанкротном состоянии и в Германии.

Я немного посомневалась и решила все же позвонить Илье.

— Привет, красотка! — Услышала его звонкий голос, но все же почувствовала нотки то ли грусти, то ли отчаяния.

— Привет, Илюш. Как дела?

— Да вот, узнал, что ты спелась с «Росстроем». Они привлекают вас субподрядчиками по двум проектам.

Я тяжело вздохнула.

— Обижаешься?

— Да нет, что ты. Какие обиды. Я же понимаю, что это just business and nothing personal. Но ничего, красотка, я готовлю тебе ответочку, — и мне показалось, что я почувствовала, как он хмыкнул на том конце провода.

— Мне кажется, я даже знаю, какую ответку ты готовишь.

— Да? И какую?

— Ты встречался с ростовским губернатором. Они отдают вам тендер на застройку нового микрорайона в Ростове-на-Дону.

— Да, красотка. Но ответку я тебе не эту готовлю, а другую. Намного круче. Ты охренеешь, когда узнаешь.

Я засмеялась.

— Уже умираю от любопытства.

Мы попрощались, и я продолжила изучать досье на французские компании. Денег они, конечно, просят за себя многовато. Надо будет торговаться. Если провести сделки за те суммы, которые они запросили, то мы останемся на мели. А ведь еще неизвестно, получится ли у нас

все-таки пробиться в Европе, даже если мы и сольёмся с двумя их компаниями, которые когда-то застроили почти всю Францию и ее соседние страны.

Время уже близилось к 10 вечера, и я стала неспешно собираться домой, как неожиданно у меня зазвонил телефон. Это Максим. Они с Олейниковой только вчера вернулись из своего свадебного путешествия.

— Алло.

— Ты сейчас где? — Резко и запыхавшимся голосом спросил меня Максим. Ни «привет», ни какое-либо другое приветствие он мне сказать нужным не посчитал.

— На работе. Собираюсь домой уже. А что?

— Не уходи. Я к тебе еду. Скоро буду.

И положил трубку.

Я послушно села на своё кресло и стала ждать. Что-то случилось? Почему я вдруг понадобилась ему в 10 вечера? Моя секретарша уже давно ушла домой. Даже папа с Еленой уехали. В офисе оставалось не много сотрудников. Свет почти на всех этажах уже был выключен.

Максим приехал через полчаса. Он рывком открыл дверь моего кабинета, громко ее захлопнул, повернул ключ в замке и, тяжело дыша, направился ко мне.

— Привет. Что-то случилось? — Я встала и пошла к нему навстречу.

Он взял меня за плечи и, не разрывая со мной зрительного контакта, направил меня к стене.

— Максим, в чем дело?

Он довольно ощутимо впечатал меня в стену и навис сверху. Дышит тяжело. Желваки на щеках дергаются. Он зол. Очень зол.

— Кристина, у меня снова к тебе вопросы, — надрывно начал, смотря мне ровно в глаза. — Отвечай честно.

Я настолько растерялась, что даже не смогла ему ничего ответить. Лишь послушно кивнула и нервно сглотнула.

Ни с того ни с сего Максим вдруг начал медленно расстегивать пуговицы на своей рубашке. Затем он раздвинул ее и склонился еще ближе к моему лицу. Хотя, казалось бы, ближе уже некуда.

— Кристина, что означает моя татуировка?

Не понимая, что происходит я посмотрела на некогда так мною любимую надпись Masterpiece на его сердце и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Отчего-то появилось дикое желание коснуться татуировки своими пальцами. Нежно по ней провести, а потом поцеловать каждую букву. Как раньше. Но я, естественно, этого не сделала.

Сказать ему правду? Или еще рано? Он ведь говорил, что хочет вспомнить тот год. Но от того, что я ему сейчас скажу, воспоминания ведь не вернуться. Тот день в его памяти ведь снова не всплывет.

— Ну, переводится как «Шедевр», — промямлила я.

— Я знаю, как переводится слово Masterpiece с английского, Кристина. — Буквально выплюнул мне в лицо. — Ты скажи, что она означает для меня. Ты ведь знаешь.

Я молчу. Лишь нервно сглотнула и закрыла глаза, чтобы скрыть выступающие слезы. Максим буквально лёг на меня и зашипел на ухо.

— Отвечай. Немедленно отвечай, Кристина. Что означает эта чертова татуировка?

Слезы покатались по щекам. Кажется, я даже тихо всхлипнула, потому что Максим слегка отстранился от меня и взял мое лицо своей ладонью. Вот только отнюдь не нежно.

— ЧТО. ОЗНАЧАЕТ. МОЯ. ТАТУИРОВКА? — Несколько секунд он помедлил, а потом снова процедил со злостью, — посмотри на меня, Кристина. — Я послушно разомкнула веки. — А теперь скажи, что она означает.

Я заглянула в его карие глаза. Такие любимые. Такие родные. Когда-то очень давно они смотрели на меня с такой любовью, с такой нежностью, с такой лаской. А сейчас они смотрят лишь со злостью. Я помедлила мгновение и тихо выдохнула.

— Она означает меня. Когда-то ты называл меня шедевром, Максим. Своим шедевром.

Он мне ничего не ответил. Лишь еще сильнее сцепил челюсть. А дальше он стал делать совсем неожиданные вещи.

Максим потянулся руками к моей блузке и стал медленно, продолжая смотреть мне ровно в глаза, расстегивать пуговицы. А я так и стояла, впечатавшись в стену, и не в силах ни что-то ему сказать, ни оттолкнуть от себя. Даже не было сил поднять к лицу руки и утереть слезы.

Где твоё самообладание, Морозова, которому тебя восемь лет учили в Гарварде?

Оно кануло в лету. Вместе с маской. Вместе с броней. Ведь это Максим вжимает меня в стену. Тот, рядом с которым я такая, какая есть на самом деле: слабая, незащищенная, ничемная.

Когда Максим покончил с последней пуговицей, он развёл блузку в стороны и впился глазами в мою татуировку. Задышал еще быстрее. Потянулся ладонью к сердцу и мягко провёл кончиками пальцев по буквам. Но уже через мгновение его нежность улетучилась, и он снова зло зашипел.

— Второй вопрос, Кристина. Что означает твоя татуировка?

Я молчу. Беспомощно опускаю свинцовые веки и начинаю плакать еще сильнее.

— ЧТО. ОЗНАЧАЕТ. ТВОЯ. ТАТУИРОВКА?

— Тебя, — шепчу ему, не открывая глаз, — она означает тебя, мой герой.

Он шумно выдохнул и беспомощно ударил кулаком по стене рядом с моей головой. Удар получился довольно сильным, поэтому я быстро открыла глаза и снова встретила с его злым взглядом.

— Третий вопрос. Почему мы сделали татуировки в честь друг друга?

Мне больше нечего терять. И эти слова сами рвутся наружу.

— Потому что мы любили друг друга. — Он шумно набирает в легкие воздух и слегка отстраняется от меня. А я продолжаю. — Мы очень, очень сильно любили друг друга, Максим.

Злость в его взгляде сменяется болью. Бесконечной, глубокой, бескрайней болью. Он медленно закрывает глаза и касается своим лбом моего. Беспомощно стучит несколько раз по стене кулаком.

— Почему ты не приезжала? — он так беспомощно скулит, что сердце замирает. — Почему, Кристина?

— Я не приезжала из-за тебя. Потому что я думала, что ты вычеркнул меня из своей жизни. — Быстро зашептала ему. — Я восемь лет прожила с мыслью о том, что ты меня предал, Максим. Я восемь лет тебя любила, но была уверена в том, что ты меня бросил. — Я перевела дыхание и продолжила. — Ты знаешь, какого это, любить восемь лет человека, которому ты больше не нужна? Который клялся тебе в вечной любви и обещал всегда быть вместе, а потом быстро нашел тебе замену? Ты знаешь, какого это, Максим? Поэтому я не приезжала. Не могла найти в себе силы встретиться с тобой вновь.

Он беспомощно закачал головой.

— Разве я мог? Разве я мог вычеркнуть тебя из своей жизни, Кристина?

Слезы уже вовсю льются по шее, но я не замечаю этого неприятного ощущения.

— Я так думала. Прости.

Он мне больше ничего не ответил, потому что жадно примкнул к моему рту. От неожиданности я замерла, но Максим продолжил настойчиво целовать меня. И уже через несколько секунд я так же жадно целовала его в ответ.

Боже, как же я скучала по его губам. Мой герой. Мой единственный. Всегда был только он. Только он один...

Максим нашел мой язык, а потом подхватил меня под бедра. Узкая юбка-карандаш сразу громко затрещала по швам, но это не остановило ни меня, ни Максима. Я обвила его спину ногами, а он развернулся и направился к столу. К тому самому, за которым пару часов назад я проводила совещания со своей командой и обсуждала риски покупки французской компании.

Максим усадил меня на стол, а сам утроился между моих ног. Не разрывая страстного поцелуя, он снял с меня блузку и швырнул ее на пол. Я в свою очередь стащила с него рубашку. Максим облокотил меня на стол и сам лёг сверху. Он пошел губами ниже. К шее, к ключицам, к груди. Одной рукой стянул лямку лифчика, а другую засунул мне под юбку и направился к внутренней стороне бедра.

Боже, как я по нему скучала. Как же я хотела именно эти губы и именно эти руки... Все эти годы.

Я потянулась к его ремню и расстегнула пряжку. Максим уже спустил мой лифчик до живота и посыпал поцелуями грудь. Я не смогла сдержаться и издала стон. Он порвал на мне остатки юбки, а затем и мои трусики. Я же уже расстегнула пуговицу и молнию на его брюках.

Максим спустил с себя боксеры, а затем резким движением вошёл в меня. Мы застонали одновременно. Он двигался очень быстро, при этом страстно целуя мое лицо, мои губы, мою грудь. Я извивалась под ним, беспомощно царапала его спину, громко стонала.

Сколько длился этот животный, ненасытный секс? Я не знаю. Я потеряла счет времени. Оргазм накрыл нас одновременно. Максим шумно выдохнул, посмотрел мне в глаза, а потом очень мягко поцеловал в губы. Как раньше.

— Мой герой, — прошептала ему.

— Моя нежная девочка, — тихо ответил мне.

Он вышел из меня и лёг рядом на стол. Так мы и лежали с ним молча, глядя в потолок. Мыслей в голове не было. Вообще никаких. Лишь чувство бесконечной эйфории от того, что только что произошло.

— Ты изменил своей жене, — начала я. Сама не знаю, зачем говорю это.

— Я знаю.

— И что ты чувствуешь после этого?

— Ничего, — Максим помедлил пару секунд, — я изменял ей раньше. Очень много.

Я в удивлении повернула на него голову, а Максим продолжил, смотря немигающим взглядом в потолок.

— Я искал тебя, Кристина. В каждой девушке, с которой я был, я искал тебя. И каждый раз это оказывалась не ты.

— Но ты ведь меня не помнил...

— Тебя не помнил мой мозг, а мое сердце тебя помнило. Знаешь, как в темноте? Когда ты ищешь что-то конкретное, но ничего не видишь и поэтому перебираешь все подряд, что попадает под руки. Вот так и у меня было. Я искал кого-то, а сам не понимал, кого. Я скучал по кому-то, а сам не понимал, по кому. Я отчаянно нуждался в ком-то, а сам не понимал, в ком. Я хотел лезть на стену от тоски по человеку, которого не знаю. Или знаю, но не помню. А год назад я решил прекратить поиски неизвестного призрака и сделал Ольге предложение. И только, когда я приехал в «Золотой ручей» на повторное знакомство с тобой, я понял, что искал тебя. Посмотрел в твои огромные синие глаза и понял, что все эти годы я умирал от тоски по тебе.

Максим замолчал и опустил веки. А я так и лежала, будто немая. По щекам снова потекли слезы.

— Ты знаешь, какого это любить человека, которого ты не помнишь? Ждать его. Искать его. И не находить. Ты знаешь, какого это, Кристина?

Я не ответила. Чувство вины перед ним снова стало больно жечь сердце.

Ну почему, почему я не приезжала???

Минут через пять Максим молча поднялся и стал одеваться, не глядя на меня. Я наблюдала за ним, но все еще не могла вымолвить ни слова. И только когда Максим уже направился к двери, я его окликнула.

— Ты куда?

— К жене, — бросил мне, не оборачиваясь, и вышел за дверь.

Его ответ больно резанул. К жене... Она — жена. А кто тогда я? Любовница?

Чувство горечи и обиды потекло по венам с еще большей силой. Наверное, нужно было поинтересоваться, зачем он пришёл, что случилось, почему вдруг стал спрашивать про татуировки. Но когда Максим тут был, когда он так жадно и неистово целовал меня, когда в порыве страсти срывал с меня одежду, все вопросы улетучились. Было лишь дикое желание снова обладать этим мужчиной. И отдавать ему себя.

Я встала со стола, подошла к шкафу, вытащила оттуда сменную одежду, которую хранила на работе, натянула ее на себя и спустилась в машину.

Проезжая мимо аптеки, я остановилась и зашла в нее.

— Дайте, пожалуйста, средство, которое нужно выпить после незащищенного полового акта, чтобы не забеременеть, и бутылку воды.

Молодая девушка-консультант с пониманием кивнула и положила передо мной какое-то лекарство.

— Вот это очень хорошее. Опробовала на себе.

Я расплатилась и вернулась в машину. Открыла упаковку, достала из нее всего одну таблетку и уставилась на нее немигающим взглядом.

Если я не выпью, то с высокой долей вероятности забеременею от Максима. У меня сейчас как раз овуляция. И тогда Максим точно будет моим. Он ведь никогда не сможет бросить своего ребёнка.

Но я не хочу привязывать его к себе таким образом. Я хочу, чтобы Максим *хотел* быть со мной. Я хочу, чтобы он сам добровольно ушел от Ольги. Я хочу, чтобы это было е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.